

ISSN 1563-0358; eISSN 2617-7161

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТИ

ҚазҰУ ХАБАРШЫСЫ

Экономика сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЬ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК КазНУ

Серия экономическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

THE JOURNAL

of Economic Research & Business Administration

№2 (136)

Алматы
«Қазақ университеті»
2021

ХАБАРШЫ

ЭКОНОМИКА СЕРИЯСЫ №2 (136) маусым

04.05.2017 ж. Қазақстан Республикасының Ақпарат және коммуникация министрлігінде тіркелген

Күөлік № 165000-Ж

*Журнал жылына 4 рет жарықта шығады
(наурыз, маусым, қыркүйек, желтоқсан)*

ЖАУАПТЫ ХАТШЫ

Темербулатова Ж.С., оқытушы (Қазақстан)
E-mail: t.zhansaya.s@mail.ru

РЕДАКЦИЯ АЛҚАСЫ:

Сагиева Р.К., ә.ғ.д., профессор – ғылыми редактор (Қазақстан)
Түргибаева А.Н., ә.ғ.д., профессор – ғылыми редактордың орынбасары (Қазақстан)
Мухамедиев Б.М., ә.ғ.д., профессор (Қазақстан)
Джумамбаев С.К., ә.ғ.к., доцент (Қазақстан)
Жидебеккызы А., PhD (Қазақстан)
Хитахунов А.А., PhD (Қазақстан)

Челетти Д., PhD (Италия)

Толуев Ю., т.ғ.д., профессор (Латвия, Германия)

Трифилова А., PhD (Ұлыбритания)

Яковleva T., PhD (Норвегия)

Билин Ю., PhD (Чехия)

Куанова Л.А., аға оқытушы (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Фалымқызы Г., оқытушы (Қазақстан)

Журналдың негізгі тақырыптары – экономика, халықаралық қатынастар, қоғамның дамуының қаржылық, экономикалық, әлеуметтік-экономикалық және іскерлік аспекттері.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
Science Index

* DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS JOURNALS

Жоба менеджери

Гульмира Шаккозова

Телефон: +7 701 724 2911

E-mail: Gulmira.Shakkozova@kaznu.kz

ИБ № 14611

Пішімі 60x84 1/8. Колемі 9,0 б.т. Тапсырыс № 5962.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа уйі.

050040, Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйінің баспаханасында басылды.

Редакторлары:

Гульмира Бекбердиева

Агила Хасанқызы

Компьютерде беттеген

Айгул Алдашева

© Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2021

Б.М. Мухамедиев , Ж.С. Темербулатова*

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
*e-mail: t.zhansaya.s@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСТАНА ЗА ТРИ ДЕСЯТИЛЕТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

В статье прослеживается путь трансформации экономики Казахстан за годы независимости и отмечены критические точки в ее развитии. Проведен анализ стадий, начиная с первых шагов в роли независимого государства до текущего периода пандемии. Он опирается на исследования по Казахстану международных организаций, стратегические планы развития, послания Президента страны, а также статистические данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Указаны поворотные пункты в развитии страны: возобновление связей с бывшими союзными республиками, приток иностранных инвестиций и стремительный экономический рост в начале 2000-х годов, мировой финансовый кризис 2008–2009 годов, углубление евразийской интеграции, резкое падение мировой цены на нефть в 2015–2016 годах, пандемия COVID-19. В статье сделан вывод, что поступления от экспорта сырья обеспечивают рост экономики только в краткосрочном периоде, а для долгосрочного устойчивого роста необходима диверсификация экономики страны и экспорта, в частности развитие сектора услуг, развитие человеческого капитала и отраслей с высокой добавленной стоимостью. Также немаловажно повышение производительности базовых секторов экономики, таких как промышленность, сельское хозяйство, транспорт.

Ключевые слова: экономический рост, экспорт, прямые иностранные инвестиции, государственные программы, диверсификация, конкурентоспособность.

B.M. Mukhamediyev, Zh.S. Temerbulatova*

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: t.zhansaya.s@mail.ru

Economic transformation of Kazakhstan in three decades of independence

The article traces the path of transformation of the economy of Kazakhstan over the years of independence and marks the critical points in its development. The analysis of the stages from the first steps in the role of independent state to the current period of the pandemic is carried out. It is based on international organizations' research on Kazakhstan, strategic development plans, messages of the President of country, as well as statistical data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The turning points in the country's development are indicated: the resumption of ties with the former Soviet republics, the inflow of foreign investment and rapid economic growth in the early 2000s, the global financial crisis of 2008–2009, the deepening of Eurasian integration, a sharp drop in the world oil price in 2015–2016 years, the COVID-19 pandemic. The article concludes that revenues from the export of raw materials ensure economic growth only in the short term, and long-term sustainable growth requires diversification of the country's economy and exports, in particular, development of service sector, development of human capital and industries with high added value. It is also important to increase the productivity of basic sectors of the economy, such as industry, agriculture, transport.

Key words: economic growth, export, foreign direct investment, government programs, diversification, competitiveness.

Б.М. Мухамедиев, Ж.С. Темербулатова*

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: t.zhansaya.s@mail.ru

Тәуелсіздіктің үш онжылдығындағы Қазақстанның экономикалық трансформациясы

Макалада Қазақстан экономикасының тәуелсіздік жылдарындағы трансформация жолы қарастырылады және оның дамуындағы сыни нұктелер атап өтіледі. Тәуелсіз мемлекет рөліндегі алғашқы қадамдардан бастап қазіргі пандемияға дейінгі кезеңдерге талдау жүргізілді. Ол

Қазақстан бойынша халықаралық үйімдардың зерттеулеріне, стратегиялық даму жоспарларына, Ел Президентінің жолдауларына, сондай-ақ Қазақстан Республикасының Стратегиялық жоспарлау және реформалар жөніндегі агенттігінің үлттық статистика бюросының статистикалық деректеріне сүйенеді. Елдің дамуындағы бетбұрыс нұктелері көрсетілген: бұрынғы одактас ре-спубликадармен байланыстардың қайта басталуы, шетелдік инвестициялардың келуі және 2000 жылдардың басындағы қарқынды экономикалық өсу, 2008-2009 жылдардағы әлемдік қаржы дағдарысы, еуразиялық интеграцияның терендеуі, 2015-2016 жылдары мұнайдың әлемдік бағасының күрт төмендеуі, COVID-19 пандемиясы. Мақалада авторлар шикізат экспортынан түсे�тін түсімдер қысқа мерзімді кезеңде ғана экономиканың өсүін қамтамасыз етеді, ал үзак мерзімді тұрақты өсу үшін ел экономикасы мен экспортты әртараптандыру, атап айтқанда қызметтер секторын дамыту, адами капиталды және қосылған құны жоғары салаларды дамыту қажет деген қорытындыға келді. Сондай-ақ экономиканың өнеркәсіп, ауыл шаруашылығы, көлік сияқты базалық секторларының өнімділігін арттырудың да маңызы зор болып табылады.

Түйін сөздер: экономикалық өсу, экспорт, тікелей шетелдік инвестициялар, мемлекеттік бағдарламалар, әртараптандыру, бәсекеге қабілеттілік.

Введение

В конце 1991 года Казахстан вступил на путь независимого развития и перехода от плановой экономической системы к рыночной. За 30-летний период страна прошла через различные стадии внутренней трансформации и внешнего признания.

В первые годы независимости в стране формировались все атрибуты независимого государства: в 1991 году были проведены первые всенародные президентские выборы, в 1992 году были утверждены государственные символы, в 1993 году – Конституция и национальная валюта. Однако, уже первые годы существования независимого государства показали все препятствия на пути самостоятельного развития.

Распад Советского Союза характеризуют как величайшую геополитическую катастрофу XX столетия. Согласно концепции созидательного разрушения, распад и дезинтеграция должны были влечь за собой что-то новое и улучшенное. Страны должны были воспринять это как импульс к новым действиям и избрать свой путь развития.

Выход союзных республик из СССР повлек за собой и свертывание связей между ними, это касалось, прежде всего, производственных цепочек и торгово-экономических отношений. Разрыв экономических связей вызвал сокращение производства, вплоть до закрытия предприятий.

В 1994 году Президент Казахстана впервые представил идею объединения республик СНГ на взаимовыгодной и равноправной основе. По словам Н. Назарбаева (2006), «евразийство – это алмаз в короне интеграционных процессов, которые требует сегодня глобализация». В то время не многие поддержали эту идею. Однако,

современные интеграционные процессы, происходящие сейчас на постсоветском пространстве, имеют довольно прочное философско-историческое обоснование в лице евразийского учения, включающего классическую евразийскую школу и так называемое «неоевразийство».

На сегодняшний день можно видеть, что, хотя первоначальные условия развития были почти одинаковыми для всех стран бывшего СССР, сейчас они пришли к разным результатам. Казахстан избрал западную модель развития в форме правового государства, рыночной экономики и демократии. Можно отметить, что на этом пути страна добилась значительных успехов, однако сталкивалась и с серьезными проблемами.

Целью статьи является анализ экономической трансформации Казахстана за 30 лет независимости с определением критических точек развития. Она структурирована следующим образом: первый раздел представляет собой введение, которое описывает первые шаги Казахстана как независимого государства, во втором разделе проведен краткий обзор литературы по предыдущим исследованиям, в третьем разделе описана методология и стратегически важные программные документы, четвертый раздел – это результаты и обсуждение, в котором в хронологическом порядке проведен анализ экономической трансформации страны, и последний раздел представляет собой заключение.

Обзор литературы

Исследованием экономического развития Казахстана в разные годы занимались многие учёные, как отечественные, так и других стран СНГ. Бакас уулу и Смагулов (2011) провели сравнительный анализ развития Казахстана и Кыргыз-

стана за 20 лет независимости. Авторы исследовали причины, почему при одинаковых стартовых условиях Казахстан стремится попасть в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира, а Кыргызстану мировые финансовые институты предлагают участвовать в программе, предназначеннной для беднейших стран мира для списания внешнего долга в обмен на внешнее управление. Авторы пришли к выводу, что страны достигнут долгосрочного роста только при условии, что экономические преобразования будут проводиться вместе с либерализацией политической системы.

Булекбаев (2015) полагает, что Казахстан, избрав западную модель развития, на сегодняшний день построил общество, более похожее на латиноамериканский тип капитализма, чем на либерально-демократический.

Статья Аяган (2019) посвящена анализу казахстанско-российских отношений, складывавшихся в первое десятилетие после раз渲ла СССР. В ней определена историческая роль, значимость и актуальность практической деятельности глав государств, ставших прямыми участниками, инициаторами и проводниками заключения межгосударственных договоров, соглашений и решений по всем вопросам казахстанско-российских отношений.

Ассоциация исследователей российского общества (2011) проанализировала разные аспекты государственного строительства в Республике Казахстан, уникальный путь экономического развития и имеющие мировое значение международные инициативы государства за 20 лет построения независимости. Данный сборник был посвящен 20-летию независимости Казахстана, и имел особую актуальность в момент, когда перед странами стояла задачи по построению Единого экономического пространства и созданию Евразийского экономического союза.

Российский автор Раднаева (2016) в исследовании, посвященном 25-летию независимости Казахстана, определяет независимый Казахстан как флагман развития евразийской идеи. А «евразийство» характеризует как «золотую середину» между правом и нравственностью, между открытостью и Западу, и Востоку, в стремлении гармонично соединить цивилизационные достижения с ценностями своей культурной, хозяйственной и политической самобытности.

В исследовании Алиповой и Богоявленской (2019) определены наиболее острые кризисные явления за время независимости Казахстана. Проанализированы действия Казахстана и вли-

яние на него глобального кризиса распада СССР, азиатского кризиса 1998 года, финансово-экономического кризиса 2007–2008 годов, геополитического санкционного кризиса, начавшегося в 2014 году.

В 2016–2017 годах в рамках польско-казахского научного и издательского проекта «Казахстан: история – современность – будущее» были опубликованы две книги «От Ханства до Республики. Исторические и современные предпосылки государственности Казахстана» и «Казахстан. Tauelsiz memlekет». Основная тема второй книги серии – опыт системной социально-экономической и политической трансформации Казахстана. Задачей авторов книги было показать, как Казахстан за 25 лет после распада СССР превратился в одну из наиболее динамично развивающихся стран Центральной Азии.

Методология

Информационную базу исследования составили статистические данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, государственные программы, стратегии развития, послания главы государства народу, в частности: Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира, Стратегия «Казахстан – 2050», план нации «100 конкретных шагов», Послание Президента народу Казахстана 2020 года «Казахстан в новой реальности: время действий», Национальный план развития Казахстана до 2025 года. Также проведен обзор исследований по Казахстану таких международных организаций и институтов, как Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Азиатский банк развития.

Результаты и обсуждение

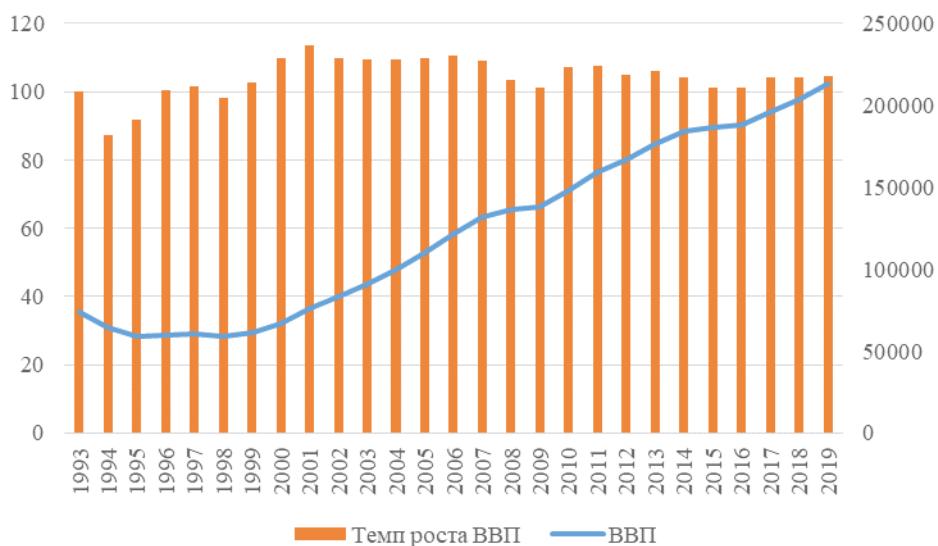
После обретения независимости Казахстан начал активно развивать внешние связи государства. В январе 1992 года Казахстан вступил в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе, в 2010 году председательствовал в организации и провел Саммит ОБСЕ в Астане.

В марте 1992 года по итогам 46-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций резолюцией 46/224 Республика Казахстан была единогласно принята в члены ООН. На сегодняшний день в Казахстане функционируют 15 представительств ООН.

За годы независимости Казахстан установил дипломатические отношения со 130 государствами и с Европейским союзом. Особое внимание страна всегда уделяла отношениям с близлежащими государствами. Результатом этого является создание Содружества независимых

государств в 1991 году и Шанхайской организации сотрудничества в 2001 году.

Для анализа экономического развития страны в первую очередь необходимо рассмотреть главный показатель экономического состояния – валовый внутренний продукт.

**Рисунок 1 – ВВП Казахстана и его темп роста, 1993-2019 г.г.,
в постоянных ценах 2010 года, (млн долларов, %)**

Примечание – составлено авторами на основе данных Всемирного банка

В первые годы независимости Казахстан столкнулся с серьезным кризисом, связанным с распадом СССР, что привело к глубокой рецессии в 1992-1994 годах и высокой инфляции. В период с 1990 по 1995 годы ВВП упал на 36%, а в 1992 году был зарегистрирован рекордный уровень инфляции, достигший отметки 3 060%, также 1,6 млн людей остались без работы.

Для выхода из сложившейся ситуации в стране начался период экономических реформ. Так, в 1997 году была разработана Стратегия развития «Казахстан – 2030», которая стала отправной точкой в стремительном росте экономики Казахстана. Стратегия развития предусматривала семь приоритетных целей, обеспечивающих: национальную безопасность; внутриполитическую стабильность и консолидацию общества; экономический рост; здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана; энергетические ресурсы; развитие инфраструктур, в особенности транспорта и связи; профессиональное правительство.

В качестве одного из самых важных приоритетов Стратегии был обозначен экономический рост, базирующийся на открытой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций и внутренних сбережений. Именно создание благоприятного инвестиционного климата способствовало быстрому экономическому росту начиная с 2000 года. Казахстан, встав на путь догоняющего развития, с нарождающейся рыночной экономикой стал эксплуатировать свое естественное конкурентное преимущество – богатство природными ресурсами.

В период с 1993 по 2006 годы Казахстан привлек 51,2 млрд долларов США прямых иностранных инвестиций. В то время на долю Казахстана приходилось более 80% прямых иностранных инвестиций всего центральноазиатского региона.

Согласно теории конвергенции в экономике, развивающиеся страны имеют потенциал к росту более высокими темпами, чем развитые страны, поскольку для них убывание доходности

факторов производства меньше, чем в богатых странах. Это наблюдалось в Казахстане в 2000-х годах. Темпы роста Казахстана в первой половине 2000-х годов были, в среднем, около 10% в годовом выражении.

Казахстан обладает крупными запасами энергетических ресурсов. Стремительный экономический рост был преимущественно связан

с поступлениями от добычи сырой нефти и природного газа. В 2005 году нефтегазовый сектор достиг пика и сгенерировал 21% валового внутреннего продукта страны, 50% от всего объема продукции промышленности и 85% горнодобывающей промышленности (World Bank, 2017). Как видно из рисунка 2, данная тенденция сохранилась по сей день.

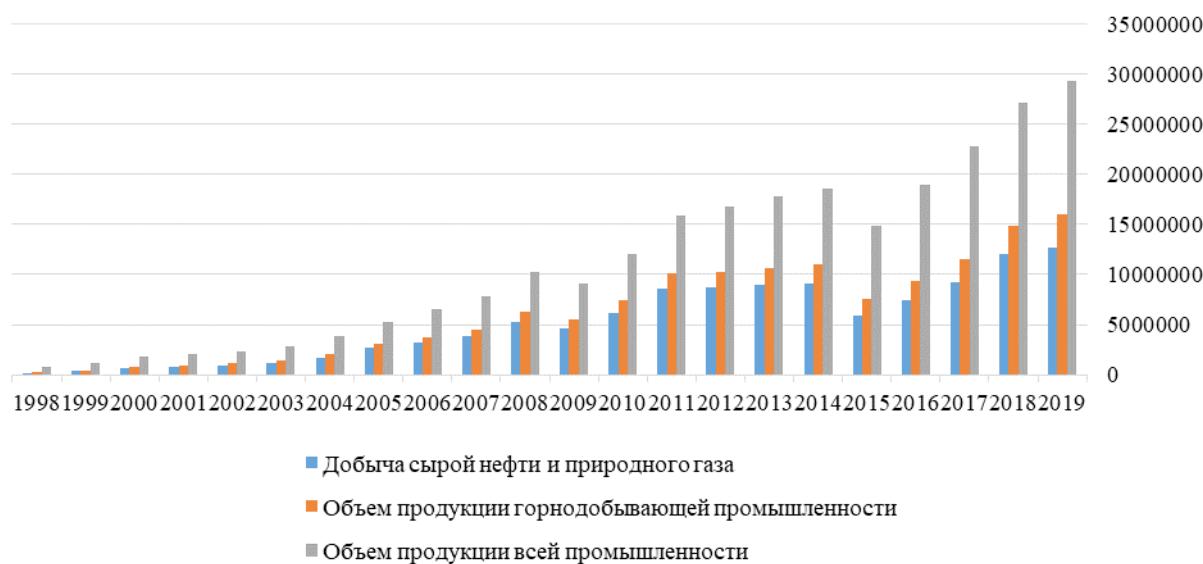

Рисунок 2 – Динамика доли добычи сырой нефти и природного газа в общем объеме продукции промышленности, 1998-2019 гг.

Примечание – составлено авторами на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

Благодаря экономическому росту, связанному с добычей энергетических ресурсов, и повышению доходов населения уровень бедности резко упал с 47% до 2,6%, а численность безработных в 2013 году сократилась до 5% (рисунок 3).

Воодушевившись экономическим бумом, Казахстан поставил перед собой новую стратегическую цель – войти в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира. Согласно индексу глобальной конкурентоспособности, рассчитываемому Всемирным экономическим форумом, в 2006 году Казахстан занимал 61 позицию в рейтинге, на следующий год стране удалось подняться на 56 место.

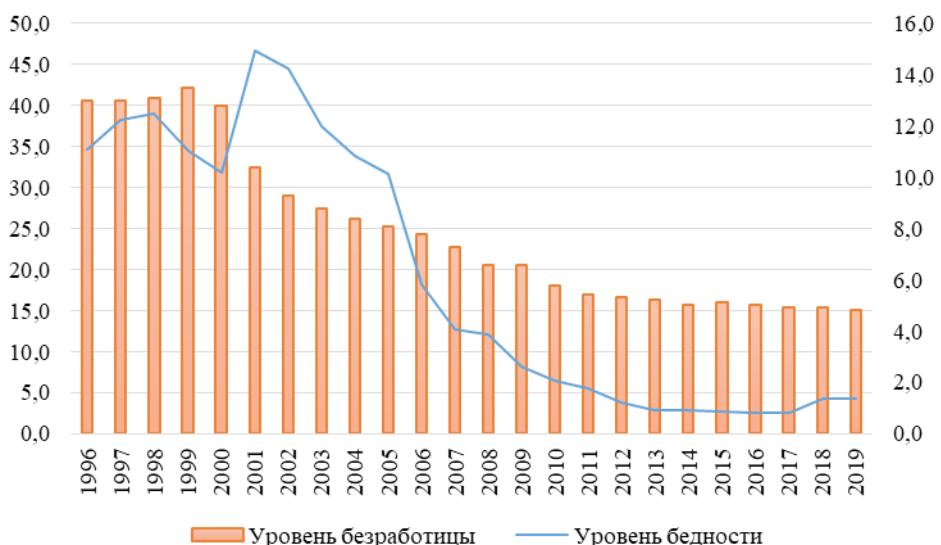
А затем наступил глобальный финансово-экономический кризис 2008-2009 годов. Вкупе с глобальным спадом экономической активности снизился приток прямых иностранных инвестиций в страну. В итоге экономика Казахстана

испытала значительное замедление, которое отражено на рисунке 1. В этот период страна стремительно теряла позиции в рейтинге конкурентоспособности.

В 2013-2015 годах Казахстану удалось войти в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира, однако удержать позиции на долгосрочный период не удалось. В 2016 году Казахстан потерял 11 позиций в рейтинге, это было связано, в первую очередь, внешним шоком резкого снижения цены мировой цены нефти. В нашем предыдущем исследовании были определены макроэкономические факторы, влияющие на конкурентоспособность национальной экономики, на основе анализа панельных данных по 60 странам за 2006-2018 годы. Наибольшее влияние на конкурентоспособность национальной экономики оказывали переменные общей производительности факторов, производительности труда и доли занятых в численности населения.

В меньшей степени положительное влияние на нее оказала переменная валового накопления капитала и в отрицательном направлении влияла мировая цена нефти. Влияние переменных темпа

инфляции, текущего счета платежного баланса и темпа прироста мировой цены нефти оказалось слабым (Mukhamediyev & Temerbulatova, 2019; 2020).

Рисунок 3 – Динамика уровня безработицы и уровня бедности в Казахстане, 1996–2019 годы, %

Примечание – составлено авторами на основе данных Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан

Колебания мировой цены нефти влияют на экономику как внешний шок, так как малая открытая экономика не способна повлиять на мировую цену. По этой причине обратное влияние изменения цены на нефть на глобальную конкурентоспособность было изучено более детально. Для этого на основе собранных данных специфицирована модель, в которой страны с помощью дамми переменной разделены на страны-экспортеры нефти и страны-неэкспортеры.

В результате определено, что в предположении о неизменности остальных независимых переменных страны смогут улучшить свои позиции в рейтинге только в случае, если темп роста ВВП будет выше темпа роста мировой цены нефти.

Данный результат подтверждается фактическими изменениями позиций Казахстана в рейтинге глобальной конкурентоспособности (таблица 1). Например, в 2010 году Казахстан потерял 5 позиций – с 67 на 72 место, и на рисунке 4 видно, что темп роста цены нефти значительно превышает темп роста ВВП, с 2012 по 2015 годы темп роста ВВП выше темпа роста цены нефти, и в этот период Казахстан занимал наивысшие позиции в рейтинге за историю (51, 50 и 42 место в 2015 году), в 2016 году Казахстан резко упал в рейтинге на 53 место, что также сразу заметно на рисунке 4. И в последующих годах Казахстан также опустился в рейтинге на 57 место в 2017 году и 59 место в 2018 году.

Таблица 1 – Показатели Казахстана в Индексе глобальной конкурентоспособности

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Позиция	66	67	72	72	51	50	50	42	53	57	59
Баллы	4,11	4,08	4,12	4,18	4,38	4,41	4,42	4,49	4,41	4,35	61,8

Примечание – составлено авторами на основе данных Всемирного экономического форума

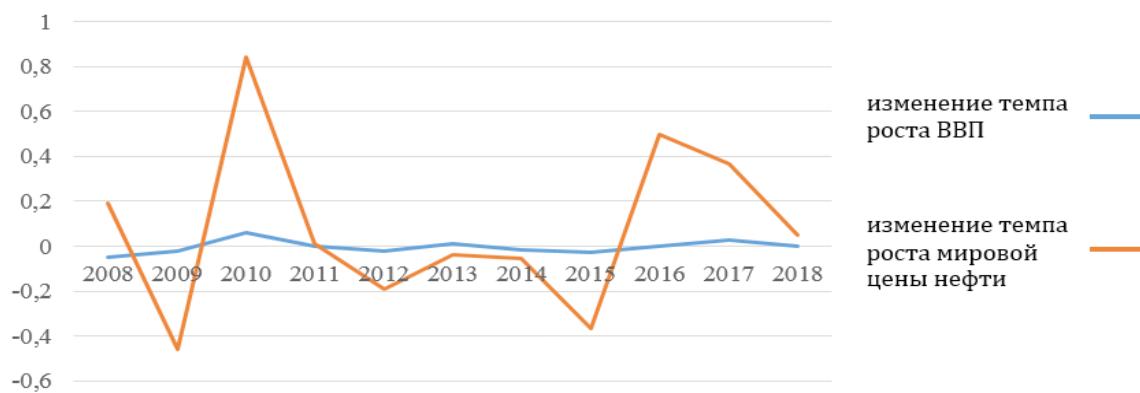

Рисунок 4 – Изменение темпов роста ВВП Казахстана и мировой цены нефти
Примечание – составлено авторами

Сырьевая направленность экономики ведет к ресурсному проклятию и не обеспечивает экономический рост в долгосрочной перспективе.

Поскольку долгое время национальные ресурсы расходовались нерационально, а экономический рост был связан с нестабильными поступлениями от добывающих отраслей, экономика Казахстана стала уязвимой к внешним потрясениям. У государства проявились симптомы голландской болезни, то есть негативный эффект, оказываемый влиянием укрепления реального курса национальной валюты на экономическое развитие в результате бума в отдельном секторе экономики.

Обвал мировых цен на нефть в 2015-2016 годах оказал негативное влияние на обменный курс тенге. Национальный банк, который осуществлял жесткое регулирование валютного курса для ограничения краткосрочных колебаний, в 2015 году принял решение перевести национальную валюту в режим плавающего валютного курса. Формирование валютного курса согласно спросу и предложению иностранной валюты привело к резкому обесценению национальной валюты. В сочетании с сырьевой зависимостью экономики и резким падением цен на сырье на мировом рынке это привело к нестабильности не только в добывающей промышленности, но и на денежном рынке, в финансовом и банковском секторах, и деловом климате страны. В результате произошло снижение темпа роста ВВП, что также можно видеть на рисунке 1.

Внешний шок 2015-2016 годов еще раз подтвердил, что экспорт энергоносителей не является драйвером экономического роста в долгосрочной перспективе. Для долгосрочного роста требовались масштабные структурные преобразования, на которые нацелен ряд стратегий развития и программных документов.

В 2012 году в Послании Главы государства народу была представлена Стратегия развития Республики Казахстан до 2050 года. Ее главная цель – создание общества благополучия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда, вхождение Казахстана в тридцатку самых развитых стран мира. Для достижения этой цели «Стратегия «Казахстан – 2050» предусматривает реализацию семи долгосрочных приоритетов.

Первым приоритетом Стратегии является экономическая политика нового курса – всеобъемлющий экономический pragmatism на принципах прибыльности, возврата от инвестиций и конкурентоспособности. Для достижения целевых индикаторов стратегии требуется диверсификация экономики, а именно создание отраслей с высокой добавленной стоимостью. Как известно, наибольшая доля в общей добавленной стоимости приходится на сферу услуг и обрабатывающей промышленности.

Второй и четвертый приоритеты стратегии также способствуют экономическому росту: всесторонняя поддержка предпринимательства и развитие человеческого капитала, высокие знания и профессионализм рабочей силы.

Рисунок 5 – Приоритеты Стратегии «Казахстан – 2050»

Источник: Стратегия «Казахстан – 2050»

В 2015 году для вхождения страны в тридцатку развитых стран был разработан план нации «100 конкретных шагов». 15 шагов направлены на кардинальное повышение профессионализма государственного аппарата. 19 шагов – это эффективные действия по модернизации судебной системы и работы правоохранительных органов. 50 шагов – это четкие и точные решения, стимулирующие новый высокотехнологичный экономический рост и развитие человеческого капитала, строго ориентированные на улучшение качества жизни казахстанцев. 6 шагов – это полновесные меры, предполагающие укрепление общеказахстанской идентичности, единства общества, развитие системы ценностей «Мәңгілік Ел». 10 шагов обеспечивают совершенствование механизмов работы «Открытого Правительства», прозрачности и подотчетности госорганов, усиления общественного контроля и расширения гражданского участия.

В Послании Главы государства народу Казахстан 2017 года была подчеркнута важность технологической модернизации традиционных отраслей и создание новых индустрий на базе цифровых технологий.

Таким образом, если в начале пути стабильного экономического роста можно было достичь на основе богатства природными ресурсами, дальнейшее развитие будет сложнее, поскольку по прогнозам цены на сырьевые товары будут

оставаться на низком уровне в обозримом будущем, в связи с чем требуется экономическая трансформация для увеличения ненефтяных доходов. На сегодняшний день перед страной стоят следующие задачи: качественная диверсификация экономики, технологическая модернизации базовых отраслей, развитие человеческого капитала.

За эти годы можно заметить положительные сдвиги в обрабатывающей промышленности и сфере научноемких услуг, которые способствовали росту экономики, однако масштабы обрабатывающей промышленности по-прежнему невелики.

Параллельно с созданием новых индустрий необходимо придать импульс развитию традиционных базовых отраслей. Это – промышленность, АПК, транспорт и логистика, строительный сектор и другие. Эти отрасли важно развивать, поскольку Казахстан находится в центре важных географических и экономических интересов. Страна расположена вдоль Великого Шелкового пути – древней транзитной сети и центра торговли, соединяющего Европу и Азию. Часть транснационального транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай» проходит по территории Казахстана.

Казахстан также обладает сельскохозяйственным потенциалом. Во-первых, из-за большой территории, подходящей для сельского хо-

зяйства, во-вторых, это исконное занятие наших предков, в-третьих, государство активно оказывает поддержку сельскохозяйственной отрасли. Несмотря на это, Казахстан остается нетто-импортером продовольствия, то есть в денежном выражении объем импорта продовольствия превышает объем экспорта. В первую очередь, это связано с тем, что страна в основном экспортирует сельскохозяйственное сырье, а не конечный продукт. В 1990-х годах большие участки земель выпали из производства, а объем сельскохозяйственного производства только недавно приблизился к тому объему, что был до обретения независимости. Что касается скотоводства, его уровень все еще ниже этого уровня (ADB, 2018).

Традиционные базовые отрасли в стране развиваются, однако для технологической модернизации важно, в первую очередь, существенно повысить производительность труда, что зависит от следующей задачи – развития человеческого капитала.

В Казахстане долгие годы наблюдается «утечка мозгов». Для того, чтобы студенты могли получать знания международного уровня на Родине и не стремились уехать за рубеж, национальные вузы страны сейчас реализуют программу трансформации в исследовательский университет мирового уровня на основе принципа интеграции науки, образования и инноваций. Программа нацелена на повышение глобальной конкурентоспособности университета, формирование духовно-нравственных ценностей конкурентоспособных специалистов, увеличение вклада науки, образования и инновационного предпринимательства для социально-экономического развития страны и вхождения университета в число ведущих университетов мира, по оценке международных рейтинговых агентств.

В 2020 году весь мир охватила пандемия. К такому глобальному вызову не была готова ни одна страна. Последствия пандемии COVID19 ударили по экономике сильнее, чем кризисы 2008 и 2015 годов. Распространение пандемии приостановило мировую активность во втором квартале 2020 года и привело к снижению мирового спроса и цен на нефть, являющуюся главным экспортным товаром Казахстана. И в целом ослабило внутреннюю экономическую активность. Так, в январе-сентябре 2020 года ВВП сократился на 2,8 процентов, тогда как за тот же период прошлого года он вырос на 4,1 процентов (World Bank, 2020).

Пандемия и акты локдауна, которые одновременно прервали потоки рабочей силы, денег

и товаров по всему миру, влияют на экономику с точки зрения замедления экономического роста, что привело к сокращению торговли и увеличению бедности. Происходящие изменения еще раз доказали, что поступления от экспорта сырьевых товаров не приведут к долгосрочному росту экономики, и это вынуждает к переходу человеческой цивилизации на новую парадигму развития. Президент Казахстана К.-Ж.К. Токаев в Послании народу в 2020 году отметил, что «конкурентоспособность будущих государств-лидеров зарождается именно в эпоху кризисов и фундаментальных изменений. Казахстан должен занять свое достойное место в новом мире», и призвал использовать текущее положение как исторический шанс для нации.

Заключение

30 лет для страны не большой срок, однако, обзор пройденного пути Казахстана в экономическом развитии позволяет сделать вывод, что достигнуто многое. Анализ экономической трансформации Казахстана за три десятка лет независимости показывает, что в экономическом развитии страны критическими точками были:

– возобновление связей с бывшими союзными республиками посредством создания СНГ и зоны свободной торговли между странами-участниками;

– приток иностранных инвестиций и стремительный экономический рост в начале 2000-х годов, преимущественно связанный с увеличением экспорта сырья;

– мировой финансовый кризис 2008-2009 годов;

– углубление евразийской интеграции – создание таможенного союза в 2010 году и Евразийского экономического союза в 2015 году;

– резкое падение мировой цены нефти в 2015-2016 годах, что привело к снижению ВВП, девальвации валюты;

– пандемия COVID-19, охватившая весь мир в 2020 году и продолжающаяся по сей день.

Сегодня мир погрузился в самую глубокую за последние сто лет рецессию. Восстановление глобальной экономики, по мнению экспертов, займет, как минимум, период до 5 лет.

По прогнозам, экономика Казахстана покажет небольшой рост, на 2,5 процента в 2021 году в результате увеличения потребительских расходов и возобновления инвестиций, которые были отложены из-за ограничений, связанных с COVID-19 (World Bank, 2020).

Для восстановления экономики в постковидный период необходимо активизировать политику по диверсификации экономики. На сегодняшний день стоит задача, чтобы преобразовать свою модель роста, не полагаясь только на добычу природных ресурсов. Как показывает обзор развития Казахстана за последние 30 лет, хотя экспорт сырья может оказать положительное краткосрочное экономическое воздействие, эти доходы зачастую являются не долговечными из-за волатильности цен на сырье. Диверсификация в этом случае может уменьшить волатильность и нестабильность экспортных поступлений, а экономический спад непродолжителен в странах с более диверсифицированной структурой экспорта. Поэтому важно взять курс на развитие отраслей с высокой добавленной стоимостью, то есть развивать производство высоких переделов и экспортовать готовую продукцию, а не сырье.

Еще одним фактором, замедляющим экономический рост, является несогласованность государственных мер и стратегий. Существующая в настоящее время сложившаяся система экономического развития в Казахстане основана на ряде программ и стратегий. Возникающий в результате этого фрагментарный подход приводит к отсутствию согласованности между целями политики и разрыву между целями и выделенными ресурсами. Это может быть признаком «инфляции стратегий», то есть существования слишком большого количества стратегий (OECD, 2016). Такая «инфляция» затрудняет построение связей между программами и приводит к отсутствию согласованности между политическими целями в программах. То же самое отметили эксперты Всемирного банка в исследовании по Казахстану, в центре этих реформ должен быть комплексный набор реформ по повышению эффективно-

сти работы государственного сектора по всему циклу государственной политики с обеспечением согласованности с планированием, бюджетированием, управлением и мониторингом реализации программы (World Bank, 2020).

В связи с этим, в 2021 году был представлен проект изменений в Системе государственного планирования с учетом опыта аналогичных систем лидирующих стран. Стратегия «Казахстан – 2050» остается ключевым документом страны, остальные программы и стратегические планы будут обеспечивать ее реализацию, включая Общенациональные приоритеты Республики Казахстан на период до 2025 года. На основе Общенациональных приоритетов разрабатываются документы первого уровня: Национальный план развития до 2025 года, преобразованный из Стратегического плана развития; План территориального развития до 2025 года, преобразованный из Прогнозной схемы территориального развития; Стратегия национальной безопасности.

В условиях «новой реальности» Национальный план развития до 2025 года обеспечит формирование новой модели развития, которая будет основана на семи основных принципах: справедливое распределение благ и обязанностей; ведущая роль частного предпринимательства; честная конкуренция; рост производительности, повышение сложности и технологичности экономики; развитие человеческого капитала; охрана окружающей среды; принятие государством обоснованных решений и ответственность за них перед обществом (Национальный план развития Казахстана до 2025 года).

Выход на новую траекторию развития обеспечит реальный рост качества жизни, доходов населения и восстановление в постковидный период.

Литература

- 1 Бакас уулу Б., Смагулов К. 20 лет независимого развития Казахстана и Кыргызстана: что важнее – политика или экономика? // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – Том 14, выпуск 4. – С. 95-104.
- 2 Аяган Б.Г. После распада СССР: Казахстан и Россия на новом витке истории (1991–2000 гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Том, 10, выпуск 1(75). DOI: 10.18254/S0002557-1-1.
- 3 Булекбаев С.Б. Постсоветский выбор развития независимого Казахстана // СОТИС – социальные технологии, исследования. – 2015. – № 5(73). – С. 55-62.
- 4 Хасаинов К.Н. Политическая роль Н.А. Назарбаева в восстановлении экономических отношений России и Казахстана после раз渲ла СССР в 90-е годы // Материалы научной сессии, Волгоград, 27–28 апреля 2017 года. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017. – С. 78-83.
- 5 Назарбаев Н. К экономике знаний через инновации и образование. Лекция Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в евразийском национальном университете // Казахстанская правда, 2006. 27 мая.
- 6 Ассоциация исследователей российского общества. 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- 7 Раднаева Э.Л. Независимый Казахстан как флагман развития евразийской идеи. – Астана, 2016.

- 8 Алипова А.К., Богородская О.Г. Наиболее острые кризисные явления в истории развития независимого Казахстана // Сборник статей международной научно-практической конференции «Цифровая экономика – экономика будущего: исторические предпосылки, правовая основа и экономический эффект». – Минск, 2019. – С. 105-108.
- 9 Kazachstan. Tauelsiz memlekет znaczy niepodległe państwo. Warszawa, Towarzystwo Naukowe Polska-Wschód, 2017. – 508 s.
- 10 World Bank. April Commodity Markets Outlook. – Washington DC, 2017.
- 11 World Bank. Kazakhstan Economic Update: A Slow Recovery Through the COVID-19 Crisis. – Washington DC, 2020.
- 12 ADB. Kazakhstan: Accelerating Economic Diversification. – Philippines, Mandaluyong, 2018.
- 13 OECD. Enhancing the Co-ordination between Central Institutions and Development Agencies: Horizontal and Vertical Co-ordination Strategies. – Paris: OECD Publishing, 2016, http://www.oecd.org/globalrelations/Enhancing_the_Coordination_between_Central_Institutions_and_Development_Agencies.pdf.
- 14 OECD. A regional policy measure to harness diversification and productivity growth in Kazakhstan and Belarus. – Paris: OECD Publishing, 2018.
- 15 Национальный план развития Казахстана до 2025 года. – 2021, <https://primeminister.kz/ru/news/nacionalnyy-plan-razvitiya-kazahstana-socialnoe-blagopoluchie-silnaya-ekonomika-i-dostupnoe-zdravooхранение-1722924>.
- 16 Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на совместном заседании палат Парламента. – 2006, https://adilet.zan.kz/rus/docs/K060002006/_links.
- 17 Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н.А.Назарбаева народу Казахстана. – 2012, https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazakhstan-2050-novyj-politicheskij
- 18 План нации - 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева. – 2015, https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31977084.
- 19 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, <https://stat.gov.kz/>
- 20 Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий». – 2020, https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g
- 21 Mukhamediyev B., Temerbulatova Zh. The Impact of Oil Prices on the Global Competitiveness of National Economies // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2019. – vol. 9(6). – pp. 45-50. DOI: <https://doi.org/10.32479/ijep.8089>.
- 22 Mukhamediyev B., Temerbulatova Zh. Impact of macroeconomic factors on the competitiveness of national economies // The Journal of Economic Research & Business Administration. – 2020. – vol. 2(132). – pp. 24-31. DOI: <https://doi.org/10.26577/be.2020.v132.i2.03>.

References

- 1 ADB (2018) Kazakhstan: Accelerating Economic Diversification. Philippines, Mandaluyong.
- 2 Alipova A.K., Bogorodskaya O.G. (2019) Naiboleye ostryye krizisnyye yavleniya v istorii razvitiya nezavisimogo Kazakhstana [The most acute crisis phenomena in the history of the development of independent Kazakhstan]. Sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Tsifrovaya ekonomika – ekonomika budushchego: istoricheskiye predposylki, pravovaya osnova i ekonomicheskiy effekt», Minsk, pp. 105-108.
- 3 Assotsiatsiya issledovately rossiskogo obshchestva (2011) 20 let Nezavisimomu Kazakhstanu [20 years of Independent Kazakhstan]. M.: Kompaniya razvitiya obshchestvennykh svyazey (KROS); RIA Novosti; AIRO-XXI, 172 p.
- 4 Ayagan B.G. (2019) Posle raspada SSSR: Kazakhstan i Rossiya na novom vitke istorii (1991—2000 gg.) [After the collapse of the USSR: Kazakhstan and Russia on a new round of history (1991-2000)]. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya», vol. 1(75), DOI: 10.18254/S0002557-1-1.
- 5 Bakas uulu B., Smagulov K. (2011) 20 let nezavisimogo razvitiya Kazakhstana i Kyrgyzstana: chto vazhneye – politika ili ekonomika? [20 years of independent development of Kazakhstan and Kyrgyzstan: which is more important - politics or economics?]. Tsentral'naya Aziya i Kavkaz, vol. 14(4), pp. 95-104.
- 6 Bulekbayev S.B. (2015) Postsovetskiy vybor razvitiya nezavisimogo Kazakhstana [Post-Soviet choice of development of independent Kazakhstan]. SOTIS - sotsial'nyye tekhnologii, issledovaniya, vol. 5(73), pp. 55-62.
- 7 Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan, <https://stat.gov.kz/>
- 8 Kazachstan. Tauelsiz memlekет znaczy niepodległe państwo (2017) Warszawa, Towarzystwo Naukowe Polska-Wschód, 508 p.
- 9 Khasainov K.N. (2017) Politicheskaya rol' N.A. Nazarbayeva v vosstanovlenii ekonomicheskikh otnosheniy Rossii i Kazakhstana posle razvala SSSR v 90-ye gody [The political role of N.A. Nazarbayeva in the restoration of economic relations between Russia and Kazakhstan after the collapse of the USSR in the 90s]. Materialy nauchnoy sessii, Volgograd, pp. 78-83.
- 10 Mukhamediyev B., Temerbulatova Zh. (2019) The Impact of Oil Prices on the Global Competitiveness of National Economies. International Journal of Energy Economics and Policy, vol. 9(6), pp. 45-50, DOI: <https://doi.org/10.32479/ijep.8089>.

- 11 Mukhamediyev B., Temerbulatova Zh. (2020) Impact of macroeconomic factors on the competitiveness of national economies. *The Journal of Economic Research & Business Administration*, vol. 2(132), pp. 24-31, DOI: <https://doi.org/10.26577/be.2020.v132.i2.03>.
- 12 Natsional'nyy plan razvitiya Kazakhstana do 2025 goda [National Development Plan of Kazakhstan until 2025] (2021) <https://primeminister.kz/ru/news/nacionalnyy-plan-razvitiya-kazakhstan-socialnoe-blagopoluchie-silnaya-ekonomika-i-dostupnoe-zdravoohranenie-1722924>.
- 13 Nazarbayev N. (2006) K ekonomike znaniy cherez innovatsii i obrazovaniye [Towards the knowledge economy through innovation and education]. Lektsiya Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbayeva v yevraziyskom natsional'nom universitete, Kazakhstanskaya Pravda.
- 14 OECD (2016) Enhancing the Co-ordination between Central Institutions and Development Agencies: Horizontal and Vertical Co-ordination Strategies. Paris: OECD Publishing, http://www.oecd.org/globalrelations/Enhancing_the_Coordination_between_Central_Institutions_and_Development_Agencies.pdf.
- 15 OECD (2018) A regional policy measure to harness diversification and productivity growth in Kazakhstan and Belarus. Paris: OECD Publishing.
- 16 Plan natsii - 100 konkretnykh shagov po realizatsii pyati institutsional'nykh reform Glavy gosudarstva Nursultana Nazarbayeva [The nation's plan - 100 concrete steps to implement five institutional reforms of the Head of State Nursultan Nazarbayev] (2015) https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31977084.
- 17 Poslaniye Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokayeva narodu Kazakhstana «Kazakhstan v novoy real'nosti: vremya deytyviy» [Message from the Head of State Kassym-Zhomart Tokayev to the people of Kazakhstan “Kazakhstan in a new reality: time for action”] (2020) https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazakhstan-1-sentyabrya-2020-g
- 18 Radnayeva E.L. (2016) Nezavisimyy Kazakhstan kak flagman razvitiya yevraziyskoy idei [Independent Kazakhstan as the flagship of the development of the Eurasian idea]. Astana.
- 19 Strategiya «Kazakhstan – 2050»: novyy politicheskiy kurs sostoyavshegosya gosudarstva [Strategy “Kazakhstan – 2050”: a new political course of an established state] (2012) Poslaniye Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera natsii N.A.Nazarbayeva narodu Kazakhstana, https://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-respublikii-kazakhstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-strategiya-kazakhstan-2050-novyi-politicheskii
- 20 Strategiya vkhodeniya Kazakhstan v chislo 50 naiboleye konkurentospособnykh stran mira [Strategy for Kazakhstan to become one of the 50 most competitive countries in the world] (2006) Vystupleniye Prezidenta Respubliki Kazakhstan N.A. Nazarbayeva na sovmestnom zasedanii palat Parlamenta, https://adilet.zan.kz/rus/docs/K060002006_links.
- 21 World Bank (2017) April Commodity Markets Outlook. Washington DC.
- 22 World Bank (2020) Kazakhstan Economic Update: A Slow Recovery Through the COVID-19 Crisis. Washington DC.

D. Jamshidi

Islamic Azad University, Khonj Branch, Iran, Farss,
e-mail: darioush1986@yahoo.com

ISLAMIC BANKING IN MALAYSIA: FROM BEGINNING TO DEVELOPMENT PHASE

It seems that the main goal of Islamic finance is equal distribution because Islam believes that the mass exploitation of resources for obtaining maximum profits could create inequity in society; besides the principles of Islamic transaction are required to check inequities, exploitation and the creation of an imbalance in Islamic society by using a different type of concepts, rules and principles to eradicate unjust enrichment. In other words, Islamic banks are in the race to innovate and introduce many numbers of products and services to remain competitive in the industry as well as profitable. In order to compete with conventional banks and capture greater profits and market share, Islamic banks are making huge efforts to acquire the maximum number of customers by providing and offering a large number of products as an alternative for interest-based banking services and products. Malaysia is one of the first countries in the world that started Islamic banking and supported this type of banking for customers around the world. It has been argued that this country is the most developed nation in the world in the area of Islamic banking and the competition that exists between Islamic banking and convention banking methods is very fierce. This paper summarizes different phase of Islamic banking in this country and the steps that has been passed by this nation to have such a success in the banking industry.

Key words: Islamic banking, transaction, Islamic finance, Malaysia, payment.

Д. Джамшиди

Азад ислам университеті, Хондж филиалы, Иран, Фарсс қ.
e-mail: darioush1986@yahoo.com

Малайзиядағы Ислам банкі: бастауынан даму кезеңіне дейін

Ислам қаржысының басты мақсаты – тең болу, ейткені Ислам максималды пайда алу үшін ресурстарды жаппай пайдалану қоғамдағы теңсіздікті тудыруы мүмкін деп санайды; сонымен қатар, исламдық мәміле қағидаттары әділетсіз байытуды жою үшін әртүрлі тұжырымдамаларды, ережелер мен қағидаларды қолдану арқылы Ислам қоғамындағы әділетсіздікті, қанауды және тенгерімсіздікті болдырмау үшін қажет. Басқаша айтқанда, ислам банктері салада бәсекеге қабілетті болып, тиімді болып қалу үшін инновациялар мен көптеген өнімдер мен қызметтерді енгізуге қатысады. Қарапайым банктермен бәсекелес болу және үлкен пайда мен нарықтағы үлесті алу үшін ислам банктері банктик қызметтер мен пайызыңыз өнімдерге балама ретінде көптеген өнімдерді ұсыну арқылы клиенттердің ең көп санын тартуға көп күш жұмысайды. Малайзия – ислам банкингін іске қосқан және бүкіл әлемдегі клиенттер үшін банкингтің бұл түрін қолдаған әлемдегі алғашқы елдердің бірі. Бұл ел ислам банкингі саласындағы әлемдегі ең дамыған ел болып саналады және ислам банкингі мен дәстүрлі банктик әдістер арасындағы бәсекелестік өте қатал. Бұл мақала осы елдегі ислам банкингінің әртүрлі кезеңдерін және осы елдің банк саласында осындай жетістікке жету үшін жасаған қадамдарын қысқаша сипаттайды.

Түйін сөздер: ислам банкингі, транзакция, ислам қаржысы, Малайзия, төлем.

Д. Джамшиди

Исламский университет Азад, филиал Хондж, Иран, г. Фарсс
e-mail: darioush1986@yahoo.com

Исламский банк в Малайзии: от начала до фазы развития

Главная цель исламских финанс – равное распределение, поскольку Ислам считает, что массовая эксплуатация ресурсов для получения максимальной прибыли может создать неравенство в обществе; кроме того, принципы исламской транзакции необходимы для сдерживания несправедливости, эксплуатации и создания дисбаланса в исламском обществе путем использования различных концепций, правил и принципов для искоренения несправедливого

обогащения. Другими словами, исламские банки участвуют в гонке за инновациями и внедрение большого количества продуктов и услуг, чтобы оставаться конкурентоспособными в отрасли и прибыльными. Чтобы конкурировать с обычными банками и получать большую прибыль и долю на рынке, исламские банки прилагают огромные усилия для привлечения максимального числа клиентов, предоставляя и предлагая большое количество продуктов в качестве альтернативы банковским услугам и продуктам на основе процентов. Малайзия – одна из первых стран в мире, которая запустила исламский банкинг и поддержала этот тип банкинга для клиентов по всему миру. Утверждалось, что эта страна является наиболее развитой страной в мире в области исламского банкинга, и конкуренция между исламским банкингом и традиционными банковскими методами очень жесткая. В этой статье кратко описаны различные этапы исламского банкинга в этой стране и шаги, которые были предприняты этой страной для достижения такого успеха в банковской сфере.

Ключевые слова: исламский банкинг, транзакция, исламские финансы, Малайзия, платеж.

Introduction

The concept of Islamic banking is old although this system has been represented in the last quarter of the twentieth century (Khattak & Rehman, 2010). Prohibition of interest or usury (riba) in all type of transaction, undertaking business and trade activities based on legitimate and fair, giving zakat (alms tax), cooperation for the advantage of society, prohibition of monopoly, and development of halal aspect could be categorized as the main principle of the Islamic banking system (Mirakhori, 2000). In other words, the main basic difference between Islamic and non-Islamic banks refers to the fact in which Islamic banks make their operation based on equity participation that predetermining return rate has not been guaranteed while non-Islamic banking system is based on both debt and equity system which are driven by interest. Ecchabi & Olaniyi (2012) argued that in fact, Islamic finance is built based on three main principles which are the prohibition of riba (usury), the prohibition of gambling, and gharar (ambiguity) and lastly protection of community members by promotion of loss and profit-sharing. During the last three decades, Islamic banking system has emerged as a viable and competitive substitute for the conventional banking system.

Islamic banking development in Malaysia has gone through a maturity procedure and well engaged to the regulator (Jamshidi & Hussin, 2018; Mohammad & Shahwan, 2013). Islamic banking history in Malaysia backs to when Tabung Haji (the Pilgrims Management and Fund Board) established in 1963 by the government of this country due to providing systematic mobilization of funds from Muslims to support them for pilgrimage performance of Makkah and also encourage them to participate in economic activities and investment opportunities. In point of fact, because of these unique features, Tabung Haji

is known as its first kind in the world (Mokhtar et al., 2008). Afterward, many parties in Malaysia requested the establishment of Islamic banks (Ecchabi & Olaniyi, 2012).

As one of the most progressive Muslim nations in the world, Malaysia has promoted the Islamic banking system implementing idea (Abdullah et al., 2012; Jamshidi et al., 2014a). Islamic banking scheme in Malaysia has emerged as a competitive constituent related to the overall financial system which is constructed to complete conventional banking and financial system as an indicator of economic growth which leads to development. It seems that Malaysia has been successful in applying a dual banking system which enhanced to be the first country to have an Islamic banking system that is operating in parallel with conventional schemes (Tham-biah et al., 2011c).

Malaysia is considered to be an international Islamic banking and finance central part in which government support exists for reinforcing a dual banking system in which the Islamic banking system is implemented in parallel with the conventional banking scheme. Actually, Malaysia is considered as the first Islamic country that has supported the expansion of Islamic banking system (Khattak & Rehman, 2010).

For Islamic banks to remain competitive, their expertise in Shariah compliance services and products must be complemented by their ability to adopt modern practices and technologies into their business processes (Butt & Aftab, 2013). Although opportunities for the Islamic banking system continue to grow, it is needed to develop services and products that are accustomed to consumers' preferences and needs, since intense competition is the notable scenario in today banking sector not only in Malaysia, but also around the world and the same goes for Islamic banks in the context of this country (Tham-biah et al., 2013).

Literature review

AbdulQawi & O Lynn (2001) have defined Islamic bank as non-interest based financial institution that is completely based on Islamic laws with efficient and creative financial engineering which is able to offer effective and competitive banking structure, trade finance, investment, commercial and real estate financing services. The Islamic banking system in Malaysia was established in 1983 and was followed by the Interest-Free Banking Scheme introduction in conventional banking content in 1993, which resulted in the dual banking system emergence in this country (Zainol et al., 2008). The Central bank of Malaysia which is known as Bank Negara Malaysia (BNM) and is responsible for governing the banking institutions of Malaysia, decided to construct an Islamic banking system to operate in parallel with the conventional banking system (Hamid & Azmin, 2001; Jamshidi et al., 2014b).

Bank Islam Malaysia Berhad (BIMB) is known as the first Islamic bank which was established in 1983 (Rosly & Bakar, 2003). Since that time, this bank has been acting as a national heritage that provides Malaysian Islamic financial needs and requirements (Amin et al., 2010).

To offer Shariah-compliant products and services to Malaysian bank customers, BIMB as the first Malaysian pure Islamic bank was established in 1983. This bank was the monopoly player in Malaysia to provide Shariah-compliant products and facilities. At the same time, conventional banks were not permitted to offer these kinds of products because of two key reasons.

Firstly, the Malays' government gave BIMB 10 years lead period before allowing for the establishment of other Islamic banks to enable this bank to fully focus on Islamic banking development. Second, it allowed BIMB to offer as many as adequate services and products possible for Malaysian bank customers, particularly Muslim clientele (Amin, 2008).

BIMB development prompted the government of this country to expand the Islamic banking industry in this nation (Laldin, 2008). Creating a more conducive environment for encouraging competition among the banks and also giving the opportunity of gaining higher market share to banks was the aim of the next period (Mokhtar et al., 2008). Then, during this period, the conventional banks were allowed to offer Islamic banking products and services under the scheme which was known as an Islamic window (Echchabi & Olaniyi, 2012).

Therefore, in the early 1990s, the government decided to launch the "Islamic window" concept which allowed conventional banks in Malaysia to provide Islamic banking products and facilities to consumers. Conventional banks have been encouraged to penetrate the Islamic banking industry by offering financial services and packages that are in parallel with existing Islamic bank financial banking services due to its extension and eye-catching growth. More specifically, some of the conventional banks present Islamic financial and banking services through the 'Islamic window' concept (Azzam & Rettab, 2013).

In detail, in March 1993, as soon as BNM introduced the "interest-free banking scheme", the concept of Islamic window was established (Baba & Amin, 2009). In addition, the foreign financial institutions namely OCBC, Standard Chartered, Citibank, HSBC to name a few participated in this system. BIMB, RHB Islamic Bank and Bank Muamalat Malaysia Berhad (BMMB) are the main three Islamic banks that represent an Islamic banking system in Malaysia since the end of 2004, while Maybank and Public Bank still prefer to use Islamic window instead of Islamic subsidiary (Amin, 2008).

Different Islamic scholars have defined Islamic banks and Islamic banking. However, most of the previous studies have not defined Islamic banking expression but focusing on general explanations as well as zooming on Islamic banking historical aspects (Mohammad & Shahwan, 2013). Islamic bank has been defined as an institution that provides interest-free services, products and facilities where simultaneously Shariah principles would control bank operation through Shariah Advisory Council (SAC) (Amin, 2008a).

Meanwhile, as a definition of the International Association of Islamic Banks (IAIB) indicates, Islamic banking is a kind of banking scheme that was established to use the funds according to Islamic Shariah principles and this declares that all banking activities from transactions of deposits, products and services offered by Islamic banks for its consumers should be by Shariah law (Abdullah et al., 2012). In other words, the Islamic banking scheme could be considered as a banking system with a sense of right, wrong and ethics (Hamid & Masood, 2011).

Islamic banking aims to provide moral and actual distribution of social fairness as well as resources in the society of Muslims compared to the western financial system which is structured based on capitalistic economic features and financial processes (Iqbal, 1997). Surprisingly, the attractiveness of the Islamic banking system is not only limited to Islam-

ic banks, and conventional banks around the world are paying attention to Islamic banking structure as well (Naser et al., 1999).

Research Methodology

During the past decades, Islamic banking and the Islamic financial system have experienced a marvelous raise of about 20 percent per annum. In fact, Islamic banking was established due to the fulfillment of the religious obligation but currently has changed to a more structured and organized banking system in the difficult and challenging economic situations (Bashir et al., 2011). There is a willingness to introduce the Islamic banking system as an alternative for conventional banking schemes among Pakistanis corporate customers (Rustum et al., 2011). We have chosen Malaysia to explain this necessity and also how a country expands Islamic banking products and services for bank customers. An important reason for selecting Malaysian bank customers as study sample refers to the fact that the Malaysian government has decided to be an Islamic financial hub center in the region (Dusuki & Abdullah, 2007) and in turn, this requires Islamic banks to understand and identify the factors that influence demand and usage of Islamic banking products and particularly Islamic credit card among different types of customers in Malaysia.

In most the studies related to Islamic banking adoption in the context of Malaysia only Muslim customers were considered (Ahmad et al., 2002; Naser et al., 1999) and limited numbers of studies in Malaysia have considered non-Muslims as respondents and sample of study (Aysraf et al., 2007). In addition, 60% of the Malaysian populations are Muslims and therefore potential target market exists for Islamic banks. Moreover, due to the fact that non-Muslim customers see the benefits from the Islamic banking system, this scheme is not only of interest by Muslim customers and therefore there is high competition for attracting and retaining Muslim and non-Muslim consumers (Hoq & Amin, 2010). Due to obvious cross-cultural and religious differences between Muslims and Non-Muslims as two key customer segments in Malaysia (Amin & Isa, 2008) this study would be important and would consider both types of these customers in the study and discuss availability and expansion of Islamic banking to them.

Results and Discussion

Islam has announced business not only holy or permit, but also has inspired different people to

do business (Hossain, 2009). It is cited by Hossain (2009) that the prophet Mohammad ever said that “fair and honest businessman will be the company of the prophet, the truthful and the Martyrs” that highlight the significance of being honest and fair in conducting Islamic banking business activities not only in Malaysia but also in other Muslim countries (Amin, 2010).

Accordingly, Islamic banking in Malaysia seems to be at an improving phase and tremendous growth opportunities exist as this system is more and more acquiring prominence and as well there is potential for Malaysia to be a regional hub for Islamic banking and finance (Jamshidi & Kazemi, 2019).

According to Thambiah et al. (2011b), the improvement of the Islamic banking scheme in Malaysia has been transitioned through four distinct phases. In the first phase, Islamic financial institutions were established. Conventional banks were permitted to provide Islamic banking products and services through the application of Islamic banking windows to attain greater outreach in the second phase. Accordingly, at this phase, initially, three conventional banks namely United Malaysian Banking Corporation, Bank Bumiputra Malaysia (current CIMB) and Maybank were allowed to present Islamic banking services.

After achieving critical mass for the first two phases, Islamic subsidiaries were introduced in the third phase in 2004. As a final point, the government liberalization policy began in 2006 as capacities were enhanced and allowed the integration process of the international financial system with Islamic finance (international players) in the fourth phase of the development. Currently, Islamic banking in Malaysia has evolved as a competitive component of the overall financial and monetary system, complementing the conventional financial system as a driver of development and economic growth.

Besides, both Islamic and conventional banks are actively side by side in Malaysia where 60 percent of its population is Muslim (Amin & Isa, 2008). Meanwhile, the importance of Islamic banking and finance is no longer deniable in Malaysia (Mohamed et al., 2011). It is a vision of the Malaysian government to developing this country into a regional Islamic banking hub (Thambiah et al., 2013).

Moreover, Ahmad & Haron (2002) pointed out that Malaysia is not only committed to develop the Islamic banking system, but also would attempt to complete the Islamic financial system. Indeed, it is one of the economic and financial vision of the Malaysian government to expand a progressive and robust Islamic banking industry which is rooted based

on Islamic core principles that lead to serve the requirement of nations' economy in the best manner.

To put it briefly, Malaysia seems to be succeeding in applying a dual banking system which is known as the first country that full fledge Islamic banking system is operating in parallel with conventional banking scheme (Thambiah et al., 2011b). This could be since the Islamic banking system and Islamic finance well is emerging as a vital component of the general financial system in Malaysia which can contribute and enhance the growth and improvement of the Malaysian economy (Dusuki & Abdullah, 2007). Conducting banking based on Shariah principles is known the Islamic banking and more than 100 various Islamic financial products and services are offered by different banks in Malaysia through utilizing multiple Islamic concepts and principles (Marimuthu et al., 2010).

The awareness of customers in regard with Islamic banking is an important key for its growth and expansion, although still many people have a question concerning Islamic products around the world and compare these Islamic banking services with conventional banking products (Imran et al., 2001). More specifically, Jalaluddin (2002) has argued that the main cause that Islamic banking and financial system has not accomplished widespread success among Muslim customers in Australia refers to a lack of awareness regarding its principles among this population. In another study by Rammal & Zurbruegg (2007) point toward that while most the Australian Muslim respondents in their study are eager to purchase Islamic banking products and services, but they are not appropriately informed and aware about these products' operation and function. What is more, Gerrard & Cunningham (1997) have as well pointed to lack of awareness concerning Islamic financial terms among both Muslim and non-Muslims in Singapore.

Inconsistent, Ali Raza et al. (2012) indicated that people and customers in Pakistan have more tendencies to conventional banking compared to Islamic banking scheme and this refers to less awareness of users in regards to Islamic banking. Moreover, although Imam & Zubairu (2011) indicated that people in the Borno State of Nigeria are aware of Islamic banking and finance and there is a possible application for this system, however Daud et al. (2011) believed that there is a need for more customer awareness on the potential benefits and advantages of the Islamic banking system to the economy and people of Nigeria. Therefore, banks should attempt to create awareness in regards to Shariah-compliant products and services among varied customers (Ha-

mid & Masood, 2011). Furthermore, Islamic banks are required to enhance customers' awareness about their products and services to compete with conventional banks for attaining long-term benefits (Ahmad et al., 2010). Likewise, it would be necessary for Islamic bank managers to enhance awareness among bank customers and employees to improve their products and services as well as their performance (Ahmad et al., 2011).

It is inevitable to implement customer education programs by Islamic banks in order to increase customers' awareness level on the unique aspects of higher purchase facility or Al Ij Erah Thumma al-Bay (AITAB) and other Islamic banking products offered by Islamic banking institutions (Abdullah & Dusuki, 2006). By implementing an effective marketing strategy which enhances the awareness of customers about their service quality, bankers would be able to attract more consumers (Ahmad et al., 2010). In more detail, Amin (2008) argued that an appropriate awareness and knowledge regarding Islamic home financing from different information sources would enhance customers' understanding which consequently would lead to Islamic home financing utilization.

Conclusion

Based on Islamic principles, money is a medium of exchange and it does not have any value in itself and is not allowed to be increased to more amount of money via interest payment (Marimuthu et al., 2010). More specifically, the Quran describes that "profit must be earned from the exchange of goods and services but not from the exchange of money itself. Islamic banks fundamentally emerged to fill this basic need of Muslim to enjoy banking services in compliance with Islamic principles" (Khan et al., 2008).

In addition, according to Ecchabi & Olaniyi (2012), Islamic finance and banking are built based on three major principles, specifically, riba or usury prohibition, gharar (ambiguity) and gambling prohibition, and lastly profit and loss sharing promotion to protect the interest of the society members. Hosain (2009), has documented the reasons of prohibition riba in Islamic banking. In general, Islamic banks are allowed any trade or activities that are permissible and as well people should perform any financial activities that are ethical and in consonance with Islamic foundations, values, thoughts and philosophies.

Although the activities in the Islamic banking system are conducted based on Shariah principles

in which payment or receipt of interest is strictly prohibited, but Islamic banks are allowed to represent similar products and services with conventional banks offered products (Naser et al., 1999). It seems that the Islamic banking system is different from the

conventional system due to the prohibition of interest (riba) in Islam because banks are not permitted to offer a fixed amount of rate of return on deposit or charging interest on the loan as well (Chong & Liu, 2009).

References

- 1 Abdullah A.A., Sidek R., Adnan A.A. (2012) Perception of Non-Muslims Customers towards Islamic Banks in Malaysia. *International journal of business and social science*, vol. 3(11), pp. 151-163.
- 2 Agarwal R., Rastogi S., Mehrotra A. (2009) Customers' perspectives regarding e-banking in an emerging economy. *Journal of Retailing and Consumer Services*, vol. 16(5), pp. 340-351.
- 3 Ahmad A., Rehman K., Saif M. (2010b) Islamic Banking Experience of Pakistan: Comparison between Islamic and Conventional Banks. *International Journal of Business and Management*, vol. 5(2), pp. 137-143.
- 4 Ahmad A., Rehman K., Saif M., Safwan M. (2010c) An empirical investigation of Islamic banking in Pakistan based on perception of service quality. *African Journal of Business Management*, vol. 4(6), pp. 1185-1193.
- 5 Ahmad A., Rehman K.U., Safwan N. (2011a) Comparative study of Islamic and conventional banking in Pakistan based on customer satisfaction. *African Journal of Business Management*, vol. 5(5), pp. 1768-1773.
- 6 Amin H. (2008) Choice criteria for Islamic home financing: empirical investigation among Malaysian bank customers. *International Journal of Housing Markets and Analysis*, vol. 1(3), pp. 256-274.
- 7 Amin H., Ghazali M., Supinah R. (2010) Determinants of Qardhul Hassan Financing Acceptance Among Malaysian Bank Customers: An Empirical Analysis. *International Journal of Business and Society*, vol. 11(1), 1.
- 8 Azzam A., Rettab B. (2013) Market power versus efficiency under uncertainty: conventional versus Islamic banking in the GCC. *Applied Economics*, vol. 45(15), pp. 2011-2022.
- 9 Baba R., Amin H. (2009) Offshore bankers' perception on Islamic banking niche for Labuan: an analysis. *International Journal of Commerce and Management*, vol. 19(4), pp. 293-308.
- 10 Bashir A., Sajid M.R., Iqbal S. (2011) Barriers to Islamic Banking Growth-Bank Employees' Perspective from Pakistan. *Asian Journal of Finance & Accounting*, vol. 3(1), pp. 56-71.
- 11 Bley J., Kuehn K. (2004) Conventional versus Islamic finance: student knowledge and perception in the United Arab Emirates. *International Journal of Islamic Financial Services*, vol. 5(4), pp. 17-30.
- 12 Daud M., Yussof I.M., Abideen A. (2011) The establishment and operation of Islamic Banks in Nigeria: Perception study on the role of the Central Bank of Nigeria. *Australian Journal of Business and Management Research*, vol. 1(2).
- 13 Echhabibi A., Olaniyi O.N. (2012a) Using theory of reasoned action to model the patronisation behaviour of islamic bank customers in Malaysia. *Research Journal of Business Management*, vol. 6(3), pp. 70-82.
- 14 Echhabibi A., Olaniyi O.N. (2012b) Malaysian consumers' preferences for Islamic banking attributes. *International Journal of Social Economics*, vol. 39(11), pp. 859-874.
- 15 El Qorchi M. (2005) Islamic finance gears up. *Finance and Development*, vol. 42(4), 46.
- 16 Essoo N., Dibb S. (2004) Religious influences on shopping behaviour: an exploratory study. *Journal of Marketing Management*, vol. 20, pp. 683-712.
- 17 Gerrard P., Cunningham J.B. (1997) Islamic banking: a study in Singapore. *International Journal of Bank Marketing*, vol. 15(6), pp. 204-216.
- 18 Ghannadian F.F., Goswami G. (2004) Developing economy banking: the case of Islamic banks. *International Journal of Social Economics*, vol. 31(8), pp. 740-752.
- 19 Hamid A., Azmin N. (2001) A Study on Islamic Banking Education and Strategy for the New Millennium: Malaysian Experience. *International Journal of Islamic Financial Services*, vol. 2(4), pp. 3-11.
- 20 Jamshidi D., Hussin N. (2018). An integrated adoption model for Islamic credit card: PLS-SEM based approach. *Journal of Islamic Accounting and Business Research*.
- 21 Jamshidi D., Hussin N., Hashemi K., Hosseini S.M., Rostami B. (2014a). Recognizing bank clients factors underpinning Islamic home financing adoption. *Arabian Journal of business and management review (Oman chapter)*, vol. 3(8), pp. 48-57.
- 22 Jamshidi D., Hussin N., Jafarian Z., Wan H.L. (2014b) Investigating the factors that influence acceptance of Islamic credit card as a new banking service. *Arabian Journal of business and management review (Nigerian chapter)*, vol. 2(6), pp. 102-114.
- 23 Jamshidi D., Kazemi F. (2019) Innovation diffusion theory and customers' behavioral intention for Islamic credit card. *Journal of Islamic Marketing*.
- 24 Jamshidi D., Kuanova L. (2020) Investigating the customers' drivers of Islamic credit card loyalty and word of mouth. *Journal of Islamic Marketing*.
- 25 Khattak N.A., Rehman K.U. (2010) Customer satisfaction and awareness of Islamic banking system in Pakistan. *African Journal of Business Management*, vol. 4(5), pp. 662-671.
- 26 Laldin M.A. (2008) Islamic financial system: the Malaysian experience and the way forward. *Humanomics*, vol. 24(3), pp. 217-238.

- 27 Loo M. (2010) Attitudes and perceptions towards Islamic banking among Muslims and non-Muslims in Malaysia: implications for marketing to baby boomers and x-generation. *International Journal of Arts and Sciences*, vol. 3(13), pp. 453-485.
- 28 Mohammad M.O., Shahwan S. (2013) The Objective of Islamic Economic and Islamic Banking in Light of Maqasid Al-Shariah: A Critical Review. *Middle-East Journal of Scientific Research*, vol. 13, pp. 75-84.
- 29 Mokhtar H.S.A., Abdullah N., Alhabshi S.M. (2008) Efficiency and competition of Islamic banking in Malaysia. *Humanomics*, vol. 24(1), pp. 28-48.
- 30 Rosly S.A., Bakar M.A.A. (2003) Performance of Islamic and mainstream banks in Malaysia. *International Journal of Social Economics*, vol. 30(12), pp. 1249-1265.
- 31 Rammal H.G., Zurbruegg R. (2007) Awareness of Islamic banking products among Muslims: The case of Australia. *Journal of Financial Services Marketing*, vol. 12(1), pp. 65-74.
- 32 Rashid M., Hassan M.K., Ahmad A.U.F. (2009) Quality perception of the customers towards domestic Islamic banks in Bangladesh. *Journal of Islamic Economics, Banking and Finance*, vol. 5(1), pp. 109-131.
- 33 Yahya M.H., Muhammad J., Hadi A.R.A. (2012) A comparative study on the level of efficiency between Islamic and conventional banking systems in Malaysia. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, vol. 5(1), pp. 48-62.
- 34 Yusof M.Y.R. (1999) Islamic banking: adoption of a service innovation. Nanyang Technological University, Nanyang Business School.
- 35 Zainol Z., Shaari R., Ali H.M. (2008) A Comparative Analysis on Bankers' Perceptions on Islamic Banking. *International Journal of Business and Management*, vol. 3(4), pp. 157-168.

Р.А. Абилькаирова*, Т.Д. Журмаганбетова, Г.А. Сыздыкова

Костанайский инженерно-экономический университет имени М.Дулатова,
Казахстан, г. Костанай

*e-mail: roza.abilkairova.80@mail.ru

СУЩНОСТЬ ФИНАНСОВОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСТАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Вопрос о финансовом оздоровлении предприятий остаётся по-прежнему актуальным. Данная статья рассматривает финансовое оздоровление компаний в условиях современной казахстанской экономики, проблемы его осуществления. Несмотря на значительное число работ зарубежных и отечественных исследователей по вопросам финансового оздоровления компаний, эту проблему нельзя считать полностью завершенной. Тем более, что современные тенденции глобальной экономики в начале XXI века породили новую волну развития несостоимости предприятий в разных странах мира, включая высокоразвитые. Поэтому целью исследования явилось изучение теоретических аспектов финансового оздоровления современных компаний. Основными направлениями в статье явились: уточнение сущности понятий «финансовое оздоровление», «финансовый потенциал» и их связи с категорией «банкротство», изучение основ правового регулирования процесса финансового оздоровления в Казахстане. Методология исследования опирается на принципы системного, комплексного и ретроспективного анализа и т.п. Научная новизна исследования состоит в теоретическом обосновании и методической разработке концептуальных аспектов финансового оздоровления предприятия. Проведённые исследования показали, что успех финансового оздоровления предприятий во многом зависит от степени обоснованности принимаемых управленческих решений. Финансовое оздоровление подразумевает не только восстановление платежеспособности, но и обеспечение оптимального использования финансового потенциала предприятия, что делает проблему финансового оздоровления актуальной не только для предприятий, находящихся в кризисном положении, но и для успешно функционирующих организаций.

Ключевые слова: финансовое оздоровление, финансовый потенциал, реабилитация, банкротство, платежеспособность, кризис.

R.A. Abulkairova*, T.D. Zhurmaganbetova, G.A. Syzdykova

Kostanay engineering-economic University named after M. Dulatov, Kazakhstan, Kostanay

*e-mail: roza.abilkairova.80@mail.ru

The essence of financial recovery of companies in the modern Kazakh economy

The issue of financial recovery of enterprises is still relevant. This article examines the financial recovery of companies in the modern Kazakh economy, the problems of its implementation. Despite a significant number of works by foreign and domestic researchers on the financial recovery of companies, this problem cannot be considered fully completed. Moreover, modern trends in the global economy at the beginning of the XXI century gave rise to a new wave of development of small enterprises in different countries of the world, including highly developed ones. Therefore, the purpose of the study was to study the theoretical aspects of financial recovery of modern companies. The main directions of the article are: clarification of the essence of the concepts of «financial recovery», «financial potential» and their connection with the category «bankruptcy», study of the basics of legal regulation of the financial recovery process in Kazakhstan. The research methodology is based on the principles of systematic, comprehensive and retrospective analysis, etc. The scientific novelty of the research consists in the theoretical justification and methodological development of conceptual aspects of financial recovery of the enterprise. Research has shown that the success of financial recovery of enterprises largely depends on the degree of validity of management decisions. Financial recovery involves not only restoring solvency, but also ensuring optimal use of the financial potential of the enterprise, which makes the problem of financial recovery relevant not only for enterprises in crisis, but also for successfully functioning organizations.

Key words: financial recovery, financial potential, rehabilitation, bankruptcy, solvency, crisis.

Р.А. Абилькаирова*, Т.Д. Журмаганбетова, Г.А. Сыздыкова

М. Дулатов атындағы Қостанай инженерлік-экономикалық университеті, Қазақстан, Қостанай қ.

*e-mail: roza.abilkairova.80@mail.ru

Қазіргі қазақстандық экономика жағдайында компаниялардың қаржылық сауықтырудың мәні

Көсіпорындардың қаржылық сауықтыру туралы мәселе бұрынғысынша өзекті болып қалуда. Бұл мақала қазіргі қазақстандық экономика жағдайында компаниялардың қаржылық сауықтыруды, оны жүзеге асыру мәселелерін қарастырады. Шетелдік және отандық зерттеушілердің компаниялардың қаржылық сауығу туралы көптеген жұмыстарына қарамастан, бұл мәселе толығымен аяқталған деп санауга болмайды. Сонымен қатар, XXI ғасырдың басындағы жаһандық экономиканың қазіргі тенденциялары әлемнің әртүрлі елдеріндегі, соның ішінде жоғары дамыған елдердегі көсіпорындардың дәрменсіздігін дамытудың жаңа толқынын түдірді. Сондықтан зерттеудің мақсаты қазіргі заманғы компаниялардың қаржылық сауығуның теориялық аспекттерін зерттеу болды. Мақаладағы негізгі бағыттар: «қаржылық сауықтыру», «қаржылық әлеует» үғымдарының мәнін және олардың «банкроттық» санатымен байланысын нақтылау, Қазақстандағы қаржылық сауықтыру процесін құқықтық реттеу негіздерін зерделеу болды. Зерттеу әдістемесі жүйелі, кешенді және ретроспективті талдау және т.б. принциптеріне негізделген. Зерттеудыңғылыми жаңалығы көсіпорынның қаржылық сауығуның тұжырымдамалық аспекттерін теориялық негіздеу және әдістемелік әзірлеуден тұрады. Зерттеулер көрсеткендей, көсіпорындардың қаржылық сауықтырудың сәттілігі көбінесе қабылданған басқару шешімдерінің негізділік деңгейіне байланысты. Қаржылық сауықтыру төлем қабілеттілігін қалпына келтіруді ғана емес, сонымен бірге көсіпорынның қаржылық әлеуетін оңтайлы пайдалануды қамтамасыз етуді де білдіреді, бұл қаржылық сауықтыру проблемасын дағдарыс жағдайындағы көсіпорындар үшін ғана емес, сонымен бірге сәтті жұмыс істейтін үйімдар үшін де өзекті етеді.

Түйін сөздер: қаржылық сауықтыру, қаржылық әлеует, оналту, банкроттық, төлем қабілеттілігі, дағдарыс.

Введение

С момента принятия нового Закона «О реабилитации и банкротстве» в последние годы в Казахстане около 1000 компаний ежегодно становились банкротами. Следует отметить, что суд признал банкротство более половины этих компаний по инициативе налоговых органов, при этом большая часть банкротств была организована в рамках товариществ с ограниченной ответственностью (ТОО).

Если мы сравним эти цифры с количеством компаний, обычно зарегистрированных в стране и находящихся в невыносимой задолженности, появляется непропорциональная картина явно слабого применения этого института в качестве инструмента облегчения долгового бремени.

Актуальным аспектом рассматриваемой проблемы является и слабая практическая разработанность действенных методов реабилитации предприятий. Банкротство является неотъемлемым атрибутом рыночной экономики. Эволюционно оно формировалось как инструмент ее оздоровления, средство защиты интересов предпринимателей, финансовых институтов и государства.

В Казахстане формирование института несостоятельности и банкротства прошло путь от искусственного инициирования процесса банкротства государством и кредиторами предприятий-должников (прежде всего банковскими структурами) до понимания необходимости поддержки конкурентоспособных предприятий и сохранения перспективных отечественных товаропроизводителей. Сегодня процедура реабилитации, так же как и банкротство, является приоритетным направлением антикризисной политики государства в целях финансового оздоровления и восстановления платёжеспособности несостоятельным компаниям. Однако, причины появления конкурентоспособных предприятий, процессы их банкротства и реабилитации не могут оцениваться однозначно.

Они требуют комплексного исследования проблемы, дальнейшей разработки теоретических и методологических положений концептуального характера, в том числе по вопросам модернизации финансового оздоровления предприятий путем их реабилитации.

Цель исследования – изучение теоретических аспектов финансового оздоровления современных компаний и их реабилитации.

Исходя из поставленной цели, в работе ставятся следующие задачи:

- уточнить сущность и социально-экономическое содержание понятия «финансовое оздоровление» и его связи с категорией «банкротство»;
- выявить роль финансового потенциала предприятия в целесообразности применения для его финансового оздоровления.
- изучить основы правового регулирования процесса финансового оздоровления путем реабилитации в Республике Казахстан.

Объектом исследования выступает процесс финансового оздоровления современных компаний.

Предметом исследования являются экономические отношения, а также организационные подходы, возникающие в процессе восстановления оздоровления неплатежеспособных предприятий в посткризисный период.

Обзор литературы

Проблеме финансового оздоровления предприятий посвящено немало трудов зарубежных и отечественных специалистов. Изучение данной темы авторами проводилось как на макроэкономическом так и на микроэкономическом уровнях. Исследование вопросов финансового оздоровления на макроуровне предполагает рассмотрение предпринимаемых государственных мер для поддержания неплатежеспособных предприятий. В данном случае финансовое оздоровление означает процедуру реабилитации, которая применяется к финансово-неустойчивым субъектам хозяйствования. На микроуровне финансовое оздоровление рассматривается как составляющая антикризисного менеджмента предприятия. Однако, вопросы финансового оздоровления, как экономической категории и как процесса, изучены не в полной мере.

Обзор литературы показал, что имеются различные научные подходы и школы, направленные на антикризисное управление, снижение риска банкротства и в целом на финансовое оздоровление компаний.

Среди зарубежных исследователей эти проблемы рассматривали в своих трудах Дж.М. Кейнс, М. Фридман, Л. Клейн, А. Файоль и др.

Дж.М. Кейнс в известной работе «Общая теория занятости, процента и денег» (Keynes, 2012: 123) выяснял причины «утечки денег из кругооборота, так как это тормозит развитие производства и сокращает объем совокупного

платежеспособного спроса. Сокращение производства ведет к сокращению потребления. Выясняя причины этого явления, Дж. Кейнс анализирует домашние хозяйства и первоначально изучает функцию потребления» (Кужагалиев, 2013: 14).

Ученые Л. Клейн и М. Фридман подтвердили правдивость теории Дж.М. Кейнса, подтвердив проведением статистических исследований (Гизатулин, 2003:25). В целях финансового оздоровления, по мнению авторов, необходимость вмешательства государства в экономику очевидна. Они отмечают, что необходимо стимулировать деловую активность и обеспечивать полную занятость в стране.

В исследование вопросов о финансовом оздоровлении предприятий значительный вклад внесли российские ученые и ученые СНГ, такие как А.А. Хомякова, А.И. Гончаров, А.З. Бобылева, А.Г. Грязнова, М.И. Гизатуллин и другие.

Так, Хомякова (2007) считает, что финансовое оздоровление можно рассматривать как «совокупность мероприятий, направленных на решение финансовых проблем предприятия, повышение платежеспособности, улучшение финансовой устойчивости, эффективности деятельности».

По мнению Гизатуллина (2003), финансовое оздоровление определяется «как достижение организацией, находящейся в условиях финансового кризиса, следующих целей: устранение неплатёжеспособности, восстановление финансовой устойчивости и обеспечение финансового равновесия на длительный период».

В статье Гончарова (2014) финансовое оздоровление трактуется как «приведение предприятия в состояние, которое позволяет своевременно и в полном объёме исполнять денежные обязательства, обеспечивать надлежащий оборот финансовых ресурсов, исключающих их дисбаланс и проявление признаков неплатёжеспособности».

Среди казахстанских ученых, которые внесли свой вклад в изучение сущности финансового оздоровления компаний, можно выделить Д.И. Есенберлину, Д.А. Кунанбаеву, А.У. Кужагалиева и других.

Исследуя данную тематику, Д.И. Есенберлина отмечает, что методы финансового оздоровления должны охватывать в комплексе все сферы системы управления.

Д.А. Кунанбаева в своих работах говорит о роли банкротства и делает акцент на «необходимости более четких разграничений понимания

банкротства как инструмента государственного и рыночного регулирования и как самостоятельного экономического и социального института рыночного хозяйства» (Кужагалиев, 2013: 106).

По мнению Кужагалиева (2013), под финансовым оздоровлением можно понимать: «исключение предприятия из списка должников, его реабилитацию и прекращение банкротства».

Однако, несмотря на значительное число работ зарубежных и отечественных исследователей по вопросам финансового оздоровления компаний, эту проблему нельзя считать полностью завершенной. Тем более, что современные тенденции глобальной экономики в начале XXI века породили новую волну развития несостоительности предприятий в разных странах мира, включая высокоразвитые.

Методология

В ходе работы над статьей были использованы работы зарубежных и казахстанских авторов по теме исследования. К числу таких научных трудов, раскрывающих проблемы финансового оздоровления компаний, относятся: учебники, монографии, кандидатские и докторские диссертации, материалы научных конференций, семинаров,

В качестве информационной базы научной работы явились Закон РК «О реабилитации и банкротстве» и некоторые нормативно-правовые акты РК, регламентирующие вопросы банкротства и финансового оздоровления предприятий.

Главным теоретическим аспектом работы явилось изучение сущности финансового оздоровления современных компаний. Основными этапами исследования явились: уточнение сущности понятий «финансовое оздоровление», «финансовый потенциал» и их связи с категорией «банкротство», изучение основ правового регулирования процесса финансового оздоровления в Казахстане и процедуры реабилитации в современных условиях.

Основными методами при написании работы явились монографический, системный и комплексный анализы и т.п.

В результате изучения темы исследования были уточнены сущность категорий «финансовое оздоровление», «банкротство», показано значение «финансового потенциала» в восстановлении платежеспособности компаний, изучены основные аспекты правового регулирования процесса финансового оздоровления предприятий в РК.

Результаты и обсуждение

В своем развитии каждая организация может быть подвержена кризисам. В экономической литературе кризису дается следующая трактовка: «Кризис – это крайнее обострение противоречий в социально-экономической системе, угрожающее её жизнестойкости в окружающей среде» (Хомякова, 2007: 12).

Являясь одной из фаз жизненного цикла любой системы макро- или микроуровня, кризис является неизбежным явлением, что подтверждается положениями экономической теории. «Кризисы начинаются тогда, когда потенциал прогресса главных элементов системы уже исчерпан, а элементы новой системы, представляющей будущий цикл, ещё не родились. С подобной точки зрения конкретное предприятие будет подвержено кризисам, как следствие возмущения внутренних факторов его функционирования, так и вследствие изменения факторов внешних, таких как состояние экономики страны в целом» (Хомякова, 2007: 12).

Кризисы имеют различную природу, в зависимости от различных признаков проявления и по своей сути (таблица 1):

Таблица 1 – Классификация кризисов

Признак классификации	Типы
В зависимости от масштабов	–общие; –локальные
В зависимости от объема захватываемых проблем	–макрокризисы; –микрокризисы
В зависимости от объекта возникновения	–экономические; –социальные; –психологические; –технологические; –организационные
В зависимости от непосредственных причин	–экологические; –общественные; –природные
В зависимости от вероятности наступления	–предсказуемые; –неожиданные
В зависимости от распознавания	–явные; –скрытые (латентные)
В зависимости от остроты протекания	–глубокие; –легкие
В зависимости от времени	–затяжные; –кратковременные
В зависимости от последствий	–деструктивные –конструктивные
Примечание – составлено авторами на основе источника (Хомякова, 2007)	

По данной классификации видно, что кризисы могут возникнуть в зависимости от разнообразных причин. Среди основных факторов, вызывающих кризисные явления, можно отметить нерациональное управление финансовой деятельностью на предприятии. Порой даже самые стабильные предприятия могут оказаться в кризисной ситуации из-за неэффективного управления и нерациональных управленческих решений.

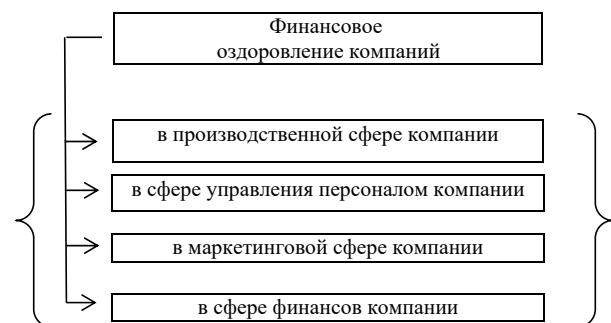
Способом предупреждения кризисов и выхода из кризисных ситуаций, а также уменьшения последовательного влияния является финансовое оздоровление или процесс реабилитации финансово-неустойчивых компаний. Поэтому проблема финансового оздоровления является актуальной для современных компаний, функционирующих в рыночных условиях.

На основе исследования литературы по указанной тематике было выявлено, что при изучении проблемы финансового оздоровления многие авторы обращаются к категориям «кризис», «банкротство» «платёжеспособность», «антикризисное управление» и т.п.

Изучив работы многих исследователей в этой области, авторы настоящей статьи считают, что не существует однозначного определения «финансового оздоровления» в системе антикризисного управления компаниями. Анализ приведенных определений в их трудах показывает, что финансовое оздоровление понимается лишь как управление финансовым состоянием с целью восстановления платёжеспособности предприятия. В них выделяются отдельные мероприятия в рамках финансового менеджмента, связанные с обеспечением денежных средств, проведением реструктуризации задолженности, системы бюджетирования, с переводом активов предприятия в денежную форму, без учета принципов системного подхода.

Авторы не учитывают, что возникновение неплатёжеспособности может произойти под влиянием других подсистем предприятия, таких как: кадры, производство, маркетинг. Проблемы в этих подсистемах могут стать следствием других кризисов: экономических, социальных, производственных, организационных и др. Обострение этих кризисов может происходить под влиянием финансовых проблем и наоборот, финансовый кризис может возникнуть в результате противоречий в других подсистемах. Поэтому финансовое оздоровление предприятия, по мнению авторов настоящей статьи, необходимо

проводить в комплексе с мероприятиями в сфере маркетинга, производства, кадров и финансов (рисунок 1).

Рисунок 1 – Комплекс мероприятий по финансовому оздоровлению компаний

Примечание – составлено авторами на основе источника (Хомякова, 2007)

Таким образом, по нашему мнению, финансовое оздоровление компаний – это разработка комплекса мероприятий, проводимых во всех сферах управленческой деятельности, направленных на восстановление платёжеспособности, повышение финансовой устойчивости и обеспечение финансовой стабильности на долгосрочную перспективу.

В целом, многие авторы рассматривают финансовое оздоровление как функции антикризисного менеджмента. Однако, стоит отметить, что финансовое оздоровление также может быть необходимо и для стабильных предприятий, что связано с максимально эффективным использованием его финансового потенциала для получения прибыли. Отсюда следует, что финансовый потенциал является фундаментом для поддержания финансовой устойчивости и платёжеспособности предприятий в длительном периоде.

По мнению многих авторов, в широком смысле финансовый потенциал – это финансовые активы предприятия. «В узком смысле слова, финансы предприятия – это система экономических денежных отношений по поводу перераспределения капитала и доходов (главным образом прибыли), формирования и использования централизованных и децентрализованных денежных фондов и средств, обеспечивающих предприятие финансовыми ресурсами и резервами, формирующими денежные потоки, в целях выполнения функций предприятия как предпринимательской структуры» (Хомякова, 2007: 33).

Из сказанного следует, что финансовым потенциалом предприятия называется самая высокая сумма стоимости всех активов предприятия при условии их рационального применения. Выполнение данного условия показывает, что у предприятия есть потенциальные возможности, рассчитанные на перспективу, а не характеризующие его текущее финансовое состояние.

Исходя из данного определения, финансовый потенциал дает возможность предприятию иметь наиболее высокую прибыльность на основе анализа потенциальных способностей. «Именно достижение максимально возможной стоимости имущества предприятия в условиях рыночной экономики позволяет обеспечить необходимый базис для поддержания финансовой устойчивости и платежеспособности предприятия в долгосрочной перспективе» (Хомякова, 2007: 34).

В настоящее время в Казахстане финансовое оздоровление компаний осуществляется на основе Закона РК «О реабилитации и банкротстве», в котором выделяются две процедуры: банкротство и реабилитация.

В Законодательстве Республики Казахстан финансовое оздоровление характеризуется как: «реструктуризация, рефинансирование кредитных/кредиторских обязательств заемщиков, использованных на пополнение оборотных, приобретение основных средств и строительство, и т.д. а также рефинансирование задолженности...» (Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве», 2014: 1).

Таким образом, процессуальные особенности процедуры банкротства, которые приводятся в нормативных документах, отражаются в сущности финансового оздоровления предприятия.

Банкротство является заключительной стадией при финансовой несостоятельности компаний. Поэтому процедура реабилитации, так же как и банкротство, является приоритетным направлением антикризисной политики государства в целях финансового оздоровления и восстановления платежеспособности таких организаций.

В Республике Казахстан реабилитационная процедура происходит путем сохранения взаимоотношений между предприятием-должником и кредиторами, которые должны быть уверены в том, что предлагаемые меры имеют выгоду и полностью соответствуют их интересам. При этом, финансовое оздоровление необходимо осуществлять государственными собственниками и кредиторами совместно.

В настоящее время, в условиях пандемии, которая привела мировую экономику к спаду, в Республике Казахстан наблюдается рост количества банкротств компаний. Поэтому правительством РК были внесены поправки в порядок оздоровительных процедур, понимание которых именно в этих условиях становится для предпринимателей жизненно необходимым. Учитывая последние изменения, введенные в закон «О банкротстве» в 2020 году, рассмотрим основные элементы реабилитационной процедуры в Казахстане.

1. Причины проведения и инициаторы процедуры реабилитации.

Основной причиной для проведения реабилитационной процедуры следует считать неплатежеспособность должника, которая связана с нарушением срока (больше трех месяцев) выполнения наиболее важных кредиторских обязательств перед так называемыми кредиторами «I очереди» и с четырехмесячной просрочкой перед другими кредиторами. При этом размер просроченного обязательства не имеет значения. Реабилитационную процедуру имеют право применять и должники, и кредиторы. Однако, кредиторы перед которыми имеются налоговые и таможенные обязательства, а это государственные и квазигосударственные учреждения, не правомерны применять процедуру реабилитации в отношении своих должников.

Также, если в отношении должника возбуждено судебное дело о банкротстве, то он вправе начать процедуру реабилитации. Должник обязан подать заявление на применение реабилитационной процедуры в семидневный срок рабочего времени с момента получения акта из суда о началом судебном деле о банкротстве. К тому же, процедуру реабилитации правомерно проводить после того, как суд признал должника банкротом, т.е. даже в процессе банкротизации. Данный процесс должник имеет право запускать в качестве индивидуального предпринимателя, в лице юридического лица, владельца имущества или учредителей. Для этого ими разрабатывается реабилитационный план, который рассматривают на кредиторском собрании, согласовывают его и утверждают.

2. Рассмотрение реабилитационного дела в суде.

Дело о реабилитации возбуждается после того, как в суд поступило заявление. Срок рассмотрения – 5 рабочих дней. Если заявление не соответствует установленным требованиям по форме, содержанию, по приложенным не-

обходимым документам, оно не принимается. Со дня возбуждения дела судебное решение может рассматриваться на протяжении 2-х месяцев.

Для того, чтобы не были выведены средства и активы после судебного решения о начале дела по реабилитации, законом предусмотрены следующие ограничения:

- индивидуальные предприниматели, учредители, владельцы имущества и органы юридического лица не имеют право пользоваться имуществом должника и продавать его, за исключением осуществления обычной хозяйственной деятельности, которая позволяет продолжать функционировать предприятию;

- реализация ранее принятых судебных решений по отношению к имуществу предприятия-банкрота приостанавливается, с расчетных счетов должника в банке выставляется ограничение на вывод денежных средств. Обращение и требования в отношении имущества должника кредиторы могут предъявлять только в процессе реабилитационной процедуры;

- участники и акционеры не имеют права изымать свои доли и акции из уставного капитала должника;

- прекращается процесс начисления штрафных неустоек кредиторами.

Временный администратор выбирается заявителем до подачи судебного заявления. Заявитель обязан заключить договор с временным администратором, предусматривающий права и обязанности сторон. Администраторы выбираются путем поиска в открытых источниках интернета либо на «сайте Комитета государственных доходов МФ РК».

Временный администратор представляет в суд заключение, которое должно иметь один из следующих результатов:

- 1) Присваивается I класс. Заявление на начало применения процедуры реабилитации необоснованно, так как должник является финансово устойчивым;

- 2) Присваивается II класс. Основания для начала реабилитационной процедуры имеются, так как существует угроза банкротства. Однако должник имеет возможность улучшить финансовое состояние;

- 3) Присваивается III класс. Наблюдаются все признаки банкротства. Должник имеет финансово-неустойчивое положение.

Когда происходит переход в реабилитационную процедуру из «процедуры банкротства», заключение об устойчивости финансового со-

стояния должника составляет управляющий по банкротству.

Для того чтобы понять, насколько целесообразно применение реабилитационной процедуры, временным администратором проводится первое совещание кредиторов до принятия решения суда. Затем по результатам рассмотрения реабилитационного дела должно быть принято судебное решение, содержащее следующие пункты:

- 1) Если имеется заключение, составленное временными администратором о том, что должнику присваивается II или III класс финансовой устойчивости, то к нему следует применить реабилитационную процедуру;

- 2) Если имеется заключение, составленное временными администратором о том, что должнику присваивается I или III класс финансовой устойчивости, то следует отказ в применении к должнику реабилитационной процедуры;

- 3) Если имеется заключение, составленное банкротным управляющим о том, что процедура банкротства прекращается и к должнику применяется процедура реабилитации. Основным условием является то, что по результатам реализации реабилитационного плана должник должен будет получить I класс финансовой устойчивости;

- 4) Если собрание кредиторов не согласовало реабилитационный план и не была доказана возможность по восстановлению финансовой устойчивости, то следует отказ в приостановлении дела о банкротстве и в осуществлении реабилитационной процедуры к должнику.

В случае, когда принимается решение суда об отказе должнику в осуществлении процедуры реабилитации либо составляется заключение о том, что реабилитационная процедура прекращена, разрешается повторить подачу заявления лишь по прошествии двух лет после того, когда судебный акт вступит в законную силу.

План реабилитации

Должник совместно с кредиторами и управляющим по реабилитации разрабатывает реабилитационный план. В плане необходимо описать конкретные меры, направленные на полное восстановление платёжеспособности должника, срок исполнения которых должен быть не больше 5-ти лет. Также в плане должен быть отражен график погашения кредиторских требований. Реабилитационный план одобряется на кредиторском собрании и направляется в суд для утверждения. Срок утверждения может длиться до 3-х месяцев с того дня, как решение о

начале процедуры реабилитации примет законную силу.

Период проведения процедуры реабилитации

Срок проведения реабилитационной процедуры составляет не более 5 лет. Он исчисляется с момента вступления в законную силу судебного определения об утверждённом плане процедуры реабилитации. По ходатайству реабилитационного управляющего, с предварительного согласия кредиторов, реабилитационный период может быть продлен судом один раз, но не больше 6-ти месяцев.

Для отдельных категорий должников, не более чем на 2 года, суд имеет право один раз продлить срок реабилитационной процедуры. К таким должникам относятся: градообразующие предприятия, субъекты естественных монополий, которые имеют стратегическое значение для развития экономики Казахстана, влияют на окружающую среду, национальную безопасность, на жизнь и здоровье населения.

Условия прекращения процедуры реабилитации

Реабилитационная процедура прекращается по инициативе реабилитационного управляющего и кредиторов путем написания и направления заявления в суд. Основными условиями прекращения реабилитации по инициативе управляющего являются: достижение цели должником, объем обязательств у должника превысил 20% от всех долгов, нет плана по реабилитации или план не имеет согласования с кредиторским собранием.

Если реабилитационный процесс прекращается кредитором, то условия будут следующими: есть доказательства и основания по причиненному ущербу кредитору, не оповестили кредитора о кредиторском собрании.

Исходя из изложенного, следует отметить: восстановление платежеспособности должника и предотвращение его ликвидации является основной целью реабилитационной процедуры, которая отражена в Казахстанском законодательстве о реабилитации и банкротстве, являющемся на сегодняшний день самостоятельным институтом реабилитации.

Заключение

Главным теоретическим аспектом работы явилось изучение сущности финансового оздоровления современных компаний.

Исследование показало, что финансовое оздоровление или процесс реабилитации финансо-

во-неустойчивых компаний является способом предупреждения кризисов и выхода из кризисных ситуаций, а также уменьшения последовательного их влияния. Среди основных факторов, вызывающих кризисные явления, можно отметить нерациональное управление финансовой деятельностью на предприятии. Порой даже самые стабильные предприятия могут оказаться в кризисной ситуации из-за неэффективного управления и нерациональных управленческих решений. Поэтому проблема финансового оздоровления является актуальной для современных компаний, функционирующих в рыночных условиях.

Обзор литературы показал, что имеются различные научные подходы и школы, направленные на антикризисное управление, снижение риска банкротства и в целом на финансовое оздоровление компаний.

Проблемы финансового оздоровления рассматривали в своих трудах Дж.М. Кейнс, М. Фридман, Л. Клейн, А. Файоль, ученые СНГ и Казахстана, такие как Н.А. Бреславцева, А. Хомякова, А.И. Гончаров, А.З. Бобылёва, А.Г. Грязнова, М.И. Гизатуллин, Д.И. Есенберлина, Да.А. Кунанбаева, А.У. Кужагалиев и другие.

В результате анализа литературы по данной тематике было выявлено, что многое авторы, определяя факторы неплатежеспособности предприятий, не учитывают влияние проблем, происходящих в других подсистемах компаний, таких как: кадры, производство, маркетинг, где в результате противоречий может возникнуть финансовый кризис. Отсюда следует, что финансовое оздоровление современных компаний обязательно нужно проводить в комплексе с мероприятиями в сфере производства, маркетинга, финансов и кадров.

Таким образом, финансовое оздоровление компаний – это разработка комплекса мероприятий, проводимых во всех сферах управленческой деятельности, направленных на восстановление платёжеспособности, повышение финансовой устойчивости и обеспечение финансовой стабильности на долгосрочную перспективу.

В процессе исследования авторы пришли к выводу, что финансовое оздоровление может быть необходимо и для стабильных предприятий, что связано с максимально эффективным использованием его финансового потенциала для получения прибыли. Отсюда следует, что финансовым потенциалом предприятия называется самая высокая сумма стоимости всех акти-

вов предприятия при условии их рационального применения.

Исходя из данного определения, финансовый потенциал дает возможность предприятию иметь наиболее высокую прибыльность на основе анализа потенциальных резервов.

В Казахстане финансовое оздоровление компаний осуществляется на основе Закона РК «О реабилитации и банкротстве», в котором выделяются две процедуры: банкротство и реабилитация.

Понятие финансового оздоровления предприятия, приводимое в нормативных документах, отражает процессуальные особенности процедуры банкротства.

Банкротство является заключительной стадией при финансовой несостоятельности компаний. Поэтому процедура реабилитации, так же как и банкротство, является приоритетными направлениями антикризисной политики государства в целях финансового оздоровления и восстановления платежеспособности таких организаций.

В Республике Казахстан реабилитационная процедура происходит путем сохранения взаимоотношений между предприятием-должником и кредиторами, которые должны быть уверены

в том, что предлагаемые меры имеют выгоду и полностью соответствуют их интересам. При этом, финансовое оздоровление необходимо осуществлять государственными собственниками и кредиторами совместно

Основными этапами реабилитационной процедуры в Казахстане являются: выявление причин проведения и инициаторы процедуры реабилитации, рассмотрение реабилитационного дела в суде, составление плана реабилитации, определение сроков реабилитационной процедуры, прекращение процедуры реабилитации.

Таким образом, в соответствии с нормативно-правовыми документами, финансовое оздоровление современных компаний РК предусматривает погашение задолженности, являющейся причиной начала процедуры банкротства в судебном порядке, и реализацию комплекса мер по восстановлению их платёжеспособности, а также повышение степени использования финансового потенциала предприятия. Сегодня процедура реабилитации, так же как и банкротство, является приоритетным направлением антикризисной политики государства в целях финансового оздоровления и восстановления платёжеспособности несостоятельных компаниям.

Литература

- 1 Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве», <https://online.zakon.kz/document>.
- 2 An Encyclopedia of Keynesian Economics / Thomas Cate 2nd edition. – Edward Elgar, 2013. – 680 p.
- 3 Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money / The Collected Writings of John Maynard Keynes. – Cambridge University Press, 2012. – Vol. VII. – 428 p.
- 4 Sheehan B. Understanding Keynes' General Theory. – Palgrave Macmillan, 2009. – 272 p.
- 5 Хомякова А.А. Финансовое оздоровление предприятий: критерии, стратегия, методы: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – Иваново, 2007. – 181 с.
- 6 Гизатулин М.И. Методы финансового оздоровления предприятий: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. – М., 2003. – 234 с.
- 7 Черникова Ю.В. Финансовое оздоровление предприятия: теория и практика. – Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. – М.: Дело, 2005. – 355 с.
- 8 Гончаров А.И. Понятие «финансовое оздоровление предприятия» в системе управления финансами // Финансы. – 2014. – №4. – С. 71-72.
- 9 Villacampa A. Hazlitt vs. Hansen. Differences in the Analysis of the General Theory of Employment, Interest, and Money. – The Ludwig von Mises Institute, 2006.
- 10 Patinkin D. Keynes, John Maynard (1883-1943) // The New Palgrave Dictionary of Economics. – 1987.
- 11 Кужагалиев А.У. Совершенствование процесса восстановления платежеспособности предприятий (путем реабилитации) в посткризисный период: проблемы и перспективы: дис. ... д-ра философии PhD. – Астана, 2013. – 160 с.
- 12 Lace N., Koleda N. Analysis of Financial Viability in the Context of Company's Sustainability // Scientific Journal of RTU. Economics and Business. – 2009. – series 3, vol. 16. – P. 53
- 13 Business and Personal Finance Dictionary. – 2009, <http://www.special-loans.com>
- 14 Сайт компании «Тлеулин и партнёры», <https://www.tleulin.kz/ru>.
- 15 Сайт государственного органа «Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан», <https://www.gov.kz/memlekет>.

References

- 1 An Encyclopedia of Keynesian Economics (2013) Thomas Cate (ed.). 2nd edition. Edward Elgar, 680 p.
- 2 Business and Personal Finance Dictionary (2009) <http://www.special-loans.com>
- 3 Chernikova Yu.V., Yun B.G., Grigor'ev V.V. (2005) Finansovoe ozdorovlenie predpriyatiya: teoriya i praktika [Financial recovery of the enterprise: theory and practice]. Akad. nar. khoz-va under the Government of the Russian Federation. Moscow: Business.
- 4 Gizatulin M.I. (2003) Metody finansovogo ozdorovleniya predpriyatiy [Methods of financial recovery of enterprises]. Candidate's thesis. Moscow.
- 5 Goncharov A.I. (2014) Pomyatie «finansovoe ozdorovlenie predpriyatiya» v sisteme upravleniya finansami [The concept of «financial recovery of the enterprise» in the financial management system]. *Finance*, no 4, pp. 71-72.
- 6 Homyakova A.A. (2003) Finansovoe ozdorovlenie predpriyatiy: kriterij, strategiya, metody [Financial recovery of enterprises: criteria, strategy, methods]. Candidate's thesis. Ivanovo.
- 7 Keynes J.M. (2012) The General Theory of Employment, Interest and Money. The Collected Writings of John Maynard Keynes. Cambridge University Press, vol. VII, 428 p.
- 8 Kuzhagaliev A.U. (2013) Sovershenstvovanie processa vosstanovleniya platezhesposobnosti predpriyatiy (putem reabilitacii) v postkrizisnyj period: problemy i perspektivy [Improving the process of restoring the solvency of enterprises (through rehabilitation) in the post-crisis period: problems and prospects]. Doctor of Philosophy PhD thesis. Astana.
- 9 Lace N., Koleda N. (2009) Analysis of Financial Viability in the Context of Company's Sustainability. *Scientific Journal of RTU. Economics and Business*, series 3, vol. 16, p. 53.
- 10 Patinkin D. (1987) Keynes, John Maynard (1883-1943). The New Palgrave Dictionary of Economics.
- 11 Sajt gosudarstvennogo organa «Komitet gosudarstvennyh dohodov Ministerstva finansov Respubliki Kazahstan» [Website of the government body «State revenue committee Ministry of finance of the Republic of Kazakhstan»] <https://www.gov.kz/memleket>.
- 12 Sajt kompanii «Tleulin i partnyory» [Website of the company «Tleulin and partners»] <https://www.tleulin.kz/ru>.
- 13 Sheehan B. (2009) Understanding Keynes' General Theory. Palgrave Macmillan, 272 p.
- 14 Villacampa A. (2006) Hazlitt vs. Hansen. Differences in the Analysis of the General Theory of Employment, Interest, and Money. The Ludwig von Mises Institute.
- 15 Zakon Respubliki Kazahstan «O reabilitacii i bankrotstve» [Law of the Republic of Kazakhstan «On Rehabilitation and bankruptcy»] <https://online.zakon.kz/document>.

A. Zhidbekkyzy* , **I. Mir Zada**

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: aknur.zhidbekkyzy@kaznu.kz

STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT: A CROSS-COUNTRY COMPARATIVE ANALYSIS

Entrepreneurship can be considered as one of the major sources of economic growth. Often regarded as crucial for the national economy, supporting entrepreneurial activity remains at the focus of policymakers across the globe. This paper aims at providing an overview of state support policies for entrepreneurship, presenting a benchmark for comparison between experiences of 30 countries with different income level. Two research questions were posed regarding the difference of state support measures of entrepreneurship depending on income levels and policy implications for other countries. World Bank's classification of countries by income level – high-income, middle-income and low-income was used in the selection of countries studied. Comparative analysis was chosen as an empirical scientific research method, complemented by content analysis, synthesis, systematization and generalization. Research results show the features of each selected group, making it possible to draw up recommendations for developing and least developed countries. The experience described in this paper will help to systemize the current practice across countries, learn general patterns for further studies, provides grounds for better policy-making and disseminates best-practice information for entrepreneurship development.

Key words: entrepreneurship, state support, cross-country analysis, comparative study.

А. Жидебекқызы*, И. Мир зада

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: aknur.zhidbekkyzy@kaznu.kz

Кәсіпкерлікті дамытуды мемлекеттік қолдау: мемлекетаралық салыстырмалы талдау

Кәсіпкерлікті экономикалық өсіндің негізгі көздерінің бірі ретінде қарастыруға болады. Ұлттық экономика үшін аса маңызды болып саналатын кәсіпкерлікті қолдау шаралары бүкіл әлем бойынша саясаткерлердің назарында. Бұл зерттеудің мақсаты әлем елдеріндегі кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдау саясатын қарастыру және кірісі әр түрлі 30 елдің тәжірибесін салыстыру болып табылады. Кәсіпкерлікті мемлекеттік қолдау шараларының кірістерден деңгейіне және басқа елдер үшін пайдалы болатын қорытындыларға байланысты ерекшеліктері туралы екі зерттеу сұрағы көтерілді. Зерттелетін елдерді тандауда Дүниежүзілік банктің кірістерден деңгейі бойынша елдердің жіктемесі қолданылды – кірісі жоғары, орта және төмен елдер. Ғылыми зерттеудің әмпирикалық әдісі ретінде салыстырмалы талдау әдісі таңдалды, оған қоса контент-анализ, синтез, жүйелеу және жалпылау әдістері қолданылды. Зерттеу нәтижелері әр таңдалған топтың ерекшеліктерін көрсетеді, бұл дамушы және нашар дамыған елдер үшін ұсыныстар жасауға мүмкіндік береді. Осы мақалада сипатталған шетелдік тәжірибе әртүрлі елдердегі қолданыстағы тәжірибелерді жүйелеуге, болашақтағы зерттеулер үшін қолдануға болатын жалпы заңдылықтарды зерттеуге, тиімді мемлекеттік саясатты өзірлеуге негіз құруға және кәсіпкерлікті дамытудың озық тәжірибелері туралы ақпарат таратуға көмектеседі.

Түйін сөздер: кәсіпкерлік, мемлекеттік қолдау, мемлекетаралық талдау, салыстырмалы зерттеу.

А. Жидебекқызы*, И. Мир зада

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: aknur.zhidbekkyzy@kaznu.kz

Государственная поддержка развития предпринимательства: межстрановой сравнительный анализ

Предпринимательство можно рассматривать как один из основных источников экономического роста. Поддержка предпринимательской деятельности, которую часто считают решающей для национальной экономики, остается в центре внимания политиков во всем мире. Целью данной статьи является обзор политики государственной поддержки предпринимательства и

сравнение опыта 30 стран с разным уровнем доходов. Были поставлены два исследовательских вопроса об особенностях мер государственной поддержки предпринимательства в зависимости от уровня доходов и выводах для других стран. При отборе изучаемых стран использовалась классификация стран Всемирного банка по уровню доходов – страны с высоким, средним и низким доходами. Сравнительный анализ был выбран в качестве эмпирического метода научного исследования, дополнительно использовались методы контент-анализ, синтез, систематизация и обобщение. Результаты исследования показывают особенности каждой отобранный группы, что позволяет составить рекомендации для развивающихся и наименее развитых стран. Зарубежный опыт, описанный в данной статье, поможет систематизировать существующие практики в разных странах, изучить общие закономерности для дальнейших исследований, обеспечит основу для более эффективной разработки государственной политики и распространит информацию о передовой практике для развития предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательство, государственная поддержка, межстрановой анализ, сравнительное исследование.

Introduction

The vital contribution of entrepreneurship to job creation and social cohesion is widely recognized by all governments. Entrepreneurship plays a key role in relation to economic development, and can be considered as one of the major sources of economic growth. Often regarded as crucial for national economy, supporting entrepreneurial activity remains at the focus of policymakers across the globe.

Several existing studies point out that good governance (government effectiveness, regulatory quality, political stability, and institutional governance, etc.) has a direct impact on the development of entrepreneurship (Omri, 2020). The state functions in a systematic and organizing manner, which forms institutional conditions for the activities of business entities. In this regard, being aware of different policies and mechanisms adopted around the world could help to learn lessons for future planning and development.

Despite being some of the mostly investigated research areas in management, entrepreneurship research can still be critiqued for almost exclusively focusing on North American and European research sites (Bruton, Ahlstrom, & Obloj, 2008). Bruton et al. (2008) argues that the exploration of domains outside of these two developed economic regions, in particular, entrepreneurship in emerging economies, remains extremely limited. Moreover, Spencer and Gomez stresses the limited understanding of what governments can do to promote entrepreneurship in their domestic economies (Spencer and Gomez, 2004).

Therefore, this paper aims at providing an overview of state support policies for entrepreneurship, presenting a benchmark for comparison between experiences of 30 countries with different income level.

Two research questions were posed in this study:

RQ1. How state support measures of entrepreneurship differ depending on income level of countries?

RQ2. What lessons can be learnt for developing and least developed countries in terms of providing effective state support policy for entrepreneurship?

This paper is organized as follows. First, we provide a theoretical background for research question development. Then, describe a conceptual framework for research design. In the next section, the main findings from the analysis of countries' experience are presented, followed by a conclusion. The Annex 1 contains the detailed information on legislative framework, state programs, strategic documents, and features of state support policy in selected countries.

Literature review

Entrepreneurship is a cohesive process of creativity, risk taking and planning (Kuratko & Hodgetts, 2007). Entrepreneur is an innovator, wealth and job generator, change agent, problem solver, pace setter and excellence seeker, and adds value to local resources. Entrepreneur is a combination of all these but definitely not only 'any one' of these. Since entrepreneurship contributes significantly to various aspects of human life, different persons often conceptualize it differently as per their field of interest.

In our case, state support should be analyzed taking into account that entrepreneurship is a specific kind of system. For developing effective regulatory initiatives, there is a need for implementing appropriate state economic policy, forming required rules and regulation for conducting business institutions. Therefore, the state, as an institutional organizer, functions in a systematic and organizing

manner, which forms institutional conditions for entrepreneurship.

Nowadays, review of international experience shows that there is hardly any developed country exists, where the government does not interfere and regulate the key social and economic factors including entrepreneurial development.

One of the earliest fundamental theories was proposed by Arthur Pigou (1932), who argues that government regulation is a must to protect the public from market failure.

The theories of J.M. Keynes, who indicated the essential need to create a centralized control and public support on affairs that are relating to the private sector have been widely applied in practice in many countries with market economies (Roube, 2000).

Studies have shown that the organizational environment plays a pivotal role for entrepreneurs, which catalyzes or hinders venture emergence and survival (Gnyawali & Fogel, 1994; Hwang & Powell, 2005). Keeping in mind that the various aspects of an institutional environment, laws and regulations are considered important drivers of the process for regulatory actors can expand or prevent new products and services through the institutional mechanisms, they develop (Edelman & Suchman, 1997; Russo, 2001).

According to Zaitsev (2009), the following conditions are regarded essential for the creation of an effective business climate for entrepreneurs: stability of government regulations and policies, the public attitude toward entrepreneurship in general, the comprehensible process of enterprise registration, favorable taxation regulation, developed system of state support, effective system of intellectual property protection, understanding and acceptance of business ethics.

Starting from 2009, the Global Entrepreneurship and Development Institute (GEDI) provides entrepreneurship and business statistics on a country's entrepreneurial ecosystem through Global Entrepreneurship Index (Acs et al., 2019). This index considers the entrepreneurship ecosystem as a mix of attitudes, resources, and infrastructure, and measures the health of entrepreneurship ecosystems in 137 countries. However, it has been criticized by some scholars for leading to a misinterpretation of the dynamics of national systems of entrepreneurship, which could hamper the formulation of sound initiatives in other economies, especially in developing countries (Inacio Junior et al., 2021). It should be noted, that authors of the GEI project announced its closure in 2019.

A measurement of entrepreneurial activity across national contexts is a relatively recent and underrepresented area of investigation (Marcotte, 2013). There are several studies dedicated to the research of entrepreneurship as a source of empowerment for the economically disadvantaged in developed countries (Morris et al., 2020), policy support for the internationalization of SMEs (Pietrasieński, 2011; Hauptman et al., 2011; Dekel-Dachs et al., 2021), methodological approaches to study of entrepreneurial and self-employment activity across countries (Dvouletý, 2018), changes in support policy for SMEs in developing countries (Poole, 2018), etc. However, publications about the comparative analysis of state support and regulation policy across several countries are lacking.

This research attempts to study and generalize patterns of state support policy for entrepreneurship development at the macro level, making it useful for policymakers and practitioners involved in this area.

Methodology

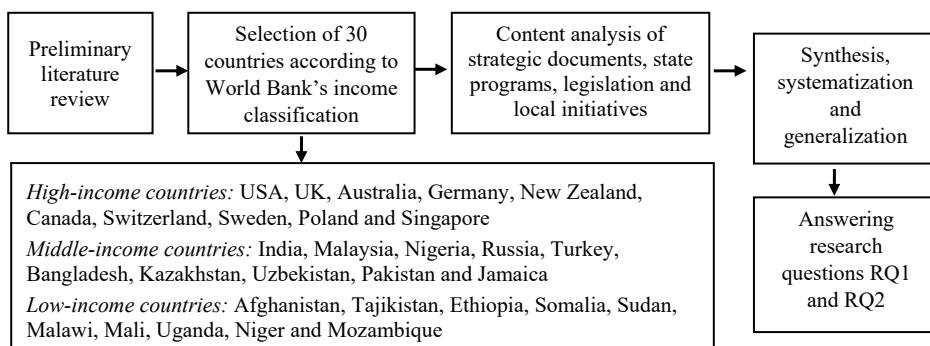
Figure 1 provides a graphical depiction of research design used in this study. The research process consisted of several steps. First, a preliminary literature review was conducted to learn more about the theoretical background of state support measures for entrepreneurship, highlighting key factors and main regulatory aspects. Exploratory literature review showed the lack of studies on distinguishing state support measures for entrepreneurship in developing and least developed countries. After identifying the research gap, we referred to the World Bank's classification of countries by income level – high-income, middle-income and low-income (World Bank, 2020). It should be noted that we united upper and middle-income level groups. Consequently, we chose 10 for each group to further analysis, making it 30 in total.

The following countries were selected according to income-level groups: USA, UK, Australia, Germany, New Zealand, Canada, Switzerland, Sweden, Poland and Singapore – for high-income countries; India, Malaysia, Nigeria, Russia, Turkey, Bangladesh, Kazakhstan, Uzbekistan, Pakistan and Jamaica – for middle-income countries; Afghanistan, Tajikistan, Ethiopia, Somalia, Sudan, Malawi, Mali, Uganda, Niger and Mozambique – for low-income countries.

Comparative analysis was chosen as an empirical scientific research method that allows generalizing theoretical considerations and developing a classification (Hytté & O'Gorman, 2004). For con-

tent analysis, the strategic documents, state programs, legislation, local initiatives, was taken into consideration. Scientific publications in domestic and foreign journals, analytical reports of interna-

tional organizations and local authorities, articles by experts in the media, government programs, regulatory framework, etc. were sources of information.

Figure 1 – Research design
Note – compiled by authors

Thorough and detailed consideration of each country's and group's features of support policy for entrepreneurship made it possible to draw up classification provided in results section and answering posed research questions.

Results and Discussion

Entrepreneurship in economically developed countries is recognized as a part of owner's property who mainly determines the social and economic growth of the country. Private sector guarantees the economic sustainability of the countries by covering almost all areas of the internal market. Being the most flexible form of doing business in life, en-

trepreneurship creates new ideas for improving the competitiveness of products at national and international markets. On the other hand, entrepreneurship is depending on the internal market economy. Therefore, there is a need to arrange the divergences and objective capabilities of entrepreneurs by making appropriate policies and regulations.

The result of this research shows that entrepreneurship have positive impact on income level of the country's overall economic growth such as the GDP growth rate, increase of job opportunities and innovation for R&D of entrepreneurship. Entrepreneurship development therefore can contribute to economic development of the countries depending on their income level.

Table 1 – The general description of market conditions for entrepreneurship development depending on income-level

No	Group of countries	Features of entrepreneurship development
1	High-income countries	<ul style="list-style-type: none"> - Constant economic growth - High employment opportunities - High technological infrastructure - Developed entrepreneurial ecosystem - Sufficient funding
2	Middle-income countries	<ul style="list-style-type: none"> - Lower increase of GDP growth rate - Moderate employment opportunities for young people - Outdated technological infrastructure
3	Low-income countries	<ul style="list-style-type: none"> - Very low increase percentage of GDP growth rate - Low employment opportunities for young people - Underdeveloped institutional framework for the development of entrepreneurship - Insufficient funding opportunities

Note – compiled by authors

After conducting comparative analysis of state measures for supporting and developing entrepreneurship among the 30 countries, we can draw up the following answer to the RQ1:

1. High-income group

In this group, each state has different programs and initiatives in terms of entrepreneurship support. In high-income countries as the USA or UK, the state bodies have effective initiatives and allocate huge amount of money for the support of entrepreneurship. These countries also support and finance SMEs and startups in the beginning of their business. The government provide business grants and funding programs for entrepreneurs, adopt a long-term strategies and programs. Entrepreneurship education programs are mostly common for the higher education system. The ecosystem for entrepreneurship is highly developed.

2. Middle-income group

In middle-income countries, adopted policies aimed at enhancing the performance of some sectors in order to reduce unemployment and privatization of small, medium and micro industries development. In these countries, SMEs are regarded as the agents of change in socioeconomic strategies and policy documents. Short-term programs are designed to enhance entrepreneurship at the national level. Formal and informal education for the development of entrepreneurship exists. There are certain government institutions, which support and coordinate SMEs and entrepreneurship activities.

3. Low-income group

In low-income countries, entrepreneurship is at initial stage of initiatives for economic development and promotion of entrepreneurship. There is likelihood to be lack of coordination among the state bodies for the implementation of state polies to develop entrepreneurship. They have weak incentives and initiative for SMEs and startups. These countries allocate less amount of state budget for innovation of entrepreneurship.

Full details of comparison are presented in Annex 1 as a breakdown of the legislative framework, state programs, strategic documents, supporting

activities and initiatives, and features for each country.

The following lessons can be learnt for developing and least developed countries in terms of providing effective state support policy for entrepreneurship (RQ2):

1. Provide effective initiatives for financing of SMEs and offer loans and incentives for the startups to launch their business.

2. Build infrastructure for entrepreneurs to expand their business at the national and international level.

3. Create more job opportunities for the population by supporting entrepreneurs to hire people in their firms.

4. Provide separate fund for Research & Development and introduce a number of additional initiatives to streamline administrative compliance and to reduce administrative burdens for growth.

5. Establish more access to market for successful function of SMEs that is facilitated by market access.

Conclusion

State support policy for entrepreneurship should ensure the establishment of friendly legal and regulatory frameworks, which aim to support the process of entrepreneurship development in the economy. In practice, the implementation of such government policies differs from country to country depending on various factors. In this paper, we considered three groups of countries selected by income level. Annex 1 contains several examples of successful adoption of supporting state programs and creative initiatives at the national level. The experience described in this paper will certainly help to systemize the current practice across countries and to learn general patterns for further studies.

This research provides grounds not only to support better policy-making but also to gather and disseminate best-practice information that can help stakeholders in developing countries find better solutions for entrepreneurship development.

References

- 1 Acs Z., Szerb L., Lafuente E., Márkus G. (2019) The Global Entrepreneurship Index. The Global Entrepreneurship and Development Institute, Washington, D.C., USA. https://thegedi.org/wp-content/uploads/2021/02/2019_GEI-2019_final_v2.pdf.
- 2 Bruton G.D., Ahlstrom D., Obloj K. (2008) Entrepreneurship in emerging economies: Where are we today and where should the research go in the future. *Entrepreneurship: Theory and Practice*, vol. 32(1), pp. 1-14. doi:10.1111/j.1540-6520.2007.00213.x.
- 3 Dekel-Dachs O., Najda-Janiszka M., Stokes P., Simba A., Tarba S. (2021) Searching for a new perspective on institutional voids, networks and the internationalisation of SMEs in emerging economies: a systematic literature review. *International Marketing Review*. <https://doi.org/10.1108/IMR-12-2020-0303>.

- 4 Dvouletý O. (2018) How to analyse determinants of entrepreneurship and self-employment at the country level? A methodological contribution. *Journal of Business Venturing Insights*, vol. 9, pp. 92-99. doi:10.1016/j.jbvi.2018.03.002.
- 5 Edelman L.B., Suchman M.G. (1997) The legal environments of organizations. *Annual review of sociology*, vol. 23, pp. 479-515.
- 6 Gnyawali D.R., Fogel D.S. (1994) Environments for entrepreneurship development: key dimensions and research implications. *Entrepreneurship Theory and Practice*, pp. 18-43.
- 7 Hauptman L.B., Vito C., Vesna P., Korez-Vide R. (2011) Policy Support for the Internationalization of Small- and Medium-sized Enterprises: Evidence from Slovenia. *Transformations in Business & Economics*, vol. 10, No. 3, pp. 138-154.
- 8 Hwang H., Powell W.W. (2005) Institutions and entrepreneurship. In S.A. Alvarez, R. Agarwal, & O. Sorenson (Eds.), *Handbook of entrepreneurship research: Disciplinary perspectives*, pp. 201-232. New York: Springer.
- 9 Hytti U., O Gorman C. (2004) What Is ‘Enterprise Education’? An Analysis of the Objectives and Methods of Enterprise Education Programmes in Four European Countries. *Education and Training*, vol. 46(1), pp. 11-23. DOI. 10.1108/00400910410518188
- 10 Inacio Junior E., Dionisio E.A., Fischer B.B., Li Y., Meissner D. (2021) The global entrepreneurship index as a benchmarking tool? Criticisms from an efficiency perspective. *Journal of Intellectual Capital*, vol. 22, No. 1, pp. 190-212. <https://doi.org/10.1108/JIC-09-2019-0218>.
- 11 Kuratko D.F., Hodgetts R.M. (2007) Entrepreneurship: Theory, Process, Practice. Mason, OH: South-Western College Publishers.
- 12 Marcotte C. (2013) Measuring entrepreneurship at the country level: A review and research agenda. *Entrepreneurship and Regional Development*, vol. 25(3/4), pp. 174-194.
- 13 Morris M.H., Santos S.C., Neumeyer X. (2020) Entrepreneurship as a solution to poverty in developed economies. *Business Horizons*, vol. 63(3), pp. 377-390. doi:10.1016/j.bushor.2020.01.010.
- 14 Omri A. (2020) Formal versus informal entrepreneurship in emerging economies: The roles of governance and the financial sector. *Journal of Business Research*, vol. 108, pp. 277-290. doi:10.1016/j.jbusres.2019.11.027
- 15 Poole D.L. (2018) Entrepreneurs, entrepreneurship and SMEs in developing economies: How subverting terminology sustains flawed policy. *World Development Perspectives*, vol. 9, pp. 35-42. doi:10.1016/j.wdp.2018.04.003.
- 16 Pietrasieński P. (2011) Governmental programs supporting the internationalization of companies – good practices from the United States and CEE countries, *Business in Central and Eastern Europe. Cross-Atlantic Perspective*, Chicago, Northeastern Illinois University.
- 17 Roube V.A. (2000) Small business: history, theory, practice. M.: TEIs.
- 18 Russo M.V. (2001) Institutions, exchange relationships, and the emergence of new fields: regulatory policies and independent power production in America, 1978–1992. *Administrative Science Quarterly*, vol. 46, pp. 57-86.
- 19 Spencer J.W., Gómez C. (2004) The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: A multicountry study. *Journal of Business Research*, vol. 57(10), pp. 1098-1107. doi:10.1016/S0148-2963(03)00040-7.
- 20 Vide R.K., Bobek V., Čančer V., Perko I., Hauptman L. (2010) The efficiency of entrepreneurship policy support for the internationalisation of SMEs: the case of Slovenia. *European J. International Management*, vol. 4, No. 6, pp. 644-664.
- 21 World Bank (2020) World Bank Country and Lending Groups – World Bank Data Help Desk. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups>.
- 22 Zaitsev N. (2009) *Ekonomika, organizatsija i upravlenie predpriyatiem: uchebnoe posobie* [Economics, organization and management of the enterprise: textbook]. 1st ed. Moscow: Infra-M, pp.217-219.

Annex 1
Comparative analysis of state measures for supporting and developing entrepreneurship across countries

Nº	Country	Legislative framework, state programs, strategic documents	Supporting activities and initiatives	Features
High-income countries				
1	United States of America	- H.R.539- Innovators to Entrepreneurs Act of 2019 - Promoting Entrepreneurship: Innovations in State Policy, 2014 - Entrepreneurship in States, 2019	-Global Entrepreneurship Summit (GES) -Presidential Ambassadors for Global Entrepreneurship (PAGE)	- Adopted crowd funding which is a new phenomenon with the potential to revolutionize the way in which entrepreneurs access capital - Direct investment programs in start-up companies is not an appropriate role for state government and the risky nature of venture capital is an unacceptable use of public funds -Direct supports are considerably less, while obstacles against newly established businesses and SMEs are weaker
2	United Kingdom	- Small Business, Enterprise and Employment Act, 2015 Chapter 26 - The All-Party Parliamentary Group for Entrepreneurship, 2017	- Youth Entrepreneurship Strategy, 2017	- Provide huge amount for financing SMEs and start ups - There are more than 226 business grants and funding programs available for entrepreneurs - Separate fund for Research & Development R&D
3	Australia	- Corporation Act No.50, 2001 -Entrepreneurship Strategy, 2018–2022	-Entrepreneurs' Program, 2014 - CSIRO Kick-Start, 2017 - Biomedical Translation Fund (BTF), 2016 - Research and Development Tax Incentive, 2016	-In 2010-11, all businesses spent around \$17.9 billion on R&D, with small businesses spending approximately \$2.3 billion (of which \$0.8 billion was accounted for by micro businesses). -Overall, only 24% of non-Indigenous MSMEs claimed that they received some form of support from government bodies, while about 40% of Indigenous MSMEs claimed they received government support
4	Germany	- Commercial Code, Chapter 4-Freight Business, 2017 -Entrepreneurship education, 2007 - Business counselling, 2008	-ESF-supported initiative "Perspektive Wiedereinstieg"	-The ERP Start-Up Loan – Start-up Money is available for start-ups and young firms that have been active for less than 5 years. It provides maximum financing of up to €100,000 with a term of 5 or of 10 years - Funding is especially awarded to small companies
5	New Zealand	- State-Owned Enterprises Act 1986. No.124 - New Zealand Business Act 2016. No.16 -The New Zealand Small Business Strategy, July 2019	- Incubators and Accelerator Programs - Work and income (WINZ) grants	- Small businesses are generally understood to be those with fewer than 20 employees -The strategy is intended for businesses that are privately or family owned where the owner is significantly involved in the running of the business
6	Canada	- Canada Business Corporation Act, RSC 1985, c.C-44 - Five-Year Business Strategy 2017-2022 -Women Entrepreneurship Strategy	-Innovation Super Cluster Initiative -Venture Capital Catalyst Initiative	-The Government of Canada introduced a number of additional initiatives to streamline administrative compliance and to reduce administrative burdens for growth: -BizPal -The Canada Revenue Agency's My Business Account

Nº	Country	Legislative framework, state programs, strategic documents	Supporting activities and initiatives	Features
7	Switzerland	- Commercial Enterprises and Cooperative Law.1911. Art.552-926 - CTI start-up, 1996 - CTI Entrepreneurship,	-The EPFL Innovation Park -Social Entrepreneurship Initiative and Foundation (seif)	- The Swiss Government provides guarantees for federal loans to cantons that wish to offer incentives for new businesses set up in a particular Swiss region - Support programs for bank loans, Loan guarantees are available for up to 500,000 CHF and the Swiss Federal Government underwrites 65% of the debt exposure
8	Sweden	- The Banking and Finance Business Act, 2004 - The Swedish Innovation Strategy, 2014	-Swedish Public Employment Service (Arbetsförmedlingen) that works with the unemployed and VINNOVA, which supports innovative companies - Tillväxtverket works with immigrants, on top of more general measures and support for entrepreneurship and SMEs - Investing, as a rule, more than 3 per cent of the country's growth domestic product (GDP) in R&D	- Reduced the regulatory burden on new start-ups and SMEs - Some specific groups or sectors receive special treatment, migrants entrepreneurs can access special support - Entrepreneurship is more developed in the higher education system and all major universities have business incubators
9	Poland	- Entrepreneurs Act, 6 March 2018 Text No 646 -Entrepreneurship education in schools, 2006 -Entrepreneurship support and promotion in higher education, 2012	-Junior Enterprise (JADE) JADE is the Polish confederation of consulting firms that is managed entirely by students. JADE Poland provides students with opportunities to apply the theoretical knowledge gained through coursework to applied projects for real businesses	- The primary vehicle for supporting entrepreneurship and business start-ups in higher education are the network of Academic Incubators of Entrepreneurship (AIP) - There is also entrepreneurship training for youth outside of formal education - Youth Business Poland (YBP), part of Youth Business International, is currently the largest entrepreneurship mentoring Program in Poland for youth
10	Singapore	- Business Names Registration Act 2014, No.29 - Enterprise Singapore Board Act 2018, No.10 - Startup SG,2017 - Angel Investors Tax Deduction (AITD) scheme - Financial Sector Technology and Innovation (FSTI) scheme, 2010	-Scale-up SG, it is designed to help companies scale-up quickly into global enterprises	- Startup SG is the “umbrella” covering everything about start-up incorporation advantages in Singapore - The AITD is for suitable and approved angel investors who commit a minimum of \$100,000 in a qualifying startup - Amount of S\$225 million is paid for creation of a vibrant ecosystem for innovation over a five-year period
Middle-income countries				
1	India	- The Apprentices Act, 1961 - Entrepreneurship Development Program, 1983 Prime Minister's Employment Generation Program (PMEGP), 2010 - National Policy for Skill Development and Entrepreneurship, 2015	- launched the ASPIRE scheme in March 2015, a Scheme for Promotion of Innovation, Rural Industry and Entrepreneurship	- Startup India Standup India action plan which was unveiled in 2016, Indian entrepreneurs are right now being presented with excellent opportunities and platform to aid their growth -As of March 30th, 2018, there are 8625 ‘officially defined’ startups in India, covering every possible niche such as health, manufacturing, IT, robotics, services, automobiles, food, grocery and more

Nº	Country	Legislative framework, state programs, strategic documents	Supporting activities and initiatives	Features
2	Malaysia	- Registration of Business Act 1956, No.47 -Strategic Plan on Entrepreneurship Development in Higher Education (2013-2015)	-the New Economic Model – NEM (2010)	-Malaysian government has taken tremendous efforts in promoting entrepreneurship across the country -There are a number of supporting mechanisms provided and various policies implemented by the government for entrepreneurs -Ministry of Education has long emphasized the need to focus on entrepreneurship education through its own educational policies
3	Nigeria	-Structural Adjustment Program (SAP), 1986 - Top 7 Business Grants & Funding For Entrepreneurs And Business Owners In Nigeria (2019)	-The Youth Enterprise with Innovation in Nigeria (YOUWIN)	- Nigerian government, at various levels, has adopted policies aimed at enhancing the performance of some sectors in other to reduce unemployment - Promotion of entrepreneurship programs and overall self-employment through targeted youth empowerment schemes are increasingly considered as viable options
4	Russia	- Russian Federal Law ‘On state support of small enterprises in the Russian Federation’, No. 88-FZ, 14 June 1995 -The Strategy for Development of Small and Medium Entrepreneurship in Russia till 2030	-Dmitri Medvedev’s 2009 manifesto Go Russia (Russian Tech Entrepreneurship Ecosystem) -Skolkovo Techno park	-Special attention should be paid to the practical ways of coordinating state policy for promotion and development of SME with the formation of a single system for strategic planning in the Russian Federation -There is a need to upgrade the entire ideology of SME promoting policy in the Russian Federation taking into account the actual level of development of small business in the national economy
5	Turkey	- New Turkish Commercial Code 2011, No.6102 and Law No.6103 on validity and application of the Turkish Commercial Code -Turkish Entrepreneurship Strategy & Action Plan, 2015-2018 -KOSGEB Strategy Plan (2011-2015)	-TUBITAK Entrepreneurship Programs, July 2013	-There are Programs in Turkey oriented to Enhance Entrepreneurship -National Formal Education and Non-Formal Entrepreneurship Education - KOSGEB as the governmental institution supports SMEs and entrepreneurs
6	Bangladesh	- Entrepreneur’s Law 101, 2016 -SME Policy 2005	-Industrial Policy 2005 and Poverty Reduction Strategy Paper 2004	- The Government of Bangladesh in its policies has awarded priority to privatization especially to small, medium and micro industries development - The country features a number of innovative grassroots schemes for income-generating activities
7	Kazakhstan	-Entrepreneurial Code, October 29, 2015 No. 375-V ZRK -“DAMU” Entrepreneurship Development Fund	- National Chamber of Entrepreneurs “Atameken” - Roadmap for business – 2020, 2025 - Concept of entrepreneurship development – 2025	- Financing through conditional placement of funds - Subsidizing the remuneration rate - Industry support for entrepreneurs operating in priority sectors of the economy - Reducing the currency risks of entrepreneurs - Loan guarantee - Non-financial measures to support entrepreneurship, training and consulting

№	Country	Legislative framework, state programs, strategic documents	Supporting activities and initiatives	Features
8	Uzbekistan	- “Law on guarantees of freedom of the entrepreneurial activity”, 2 May 2012 №328 - National Development Strategy, 2017	-Concepts of Administrative Reform and Innovative Development, and the Reform Roadmap for 2019–2021	- The strategy outlines five priority areas of reforms, including those in governance, public administration, and economic and social development - The role of SMEs in the economy has significantly expanded
9	Pakistan	- Companies Act, 2017, No.456 - Partnership Act, 1932, No.69 -Developing SME Policy in Pakistan, (2007)	Poverty Reduction Strategy Paper (PRSP), 2001	-SMEs are being mentioned in socioeconomic strategies and policy documents, measures are not sufficiently specified and prioritized
10	Jamaica	- The Registration of Business Names Act, 1934 (updated 2006) -Micro, Small Medium Enterprises (MSME) and Entrepreneurship Policy, 2017	-National Policy Framework for the Jamaican Micro, Small and Medium Enterprise Sector (2008/2009)	-There is a Structured Mentorship Program for transforming MSMEs into entrepreneurial entities
Low-income countries				
1	Afghanistan	- Law on the Cooperative Association of Small and Medium Enterprise (Act No. 181 of 1949) - Small and Medium Enterprise Support Law (Act No. 147 of 1963) -Small & Medium Enterprise Development Strategy, 2015–2020	-Private Sector Development Policy Framework, April 2008	- There is no settled definition of what an SME is in Afghanistan - The Ministry of Finance, Ministry of Commerce and Industry, and the different multi-laterals (the IFC and the World Bank) all having different definitions
2	Tajikistan	- Order of the government of October 1, 2002 No. 384 -National Development Strategy (NDS) for 2016–2030	-The state program of support of entrepreneurship for 2002-2005 in the Republic of Tajikistan	- The Government of Tajikistan believes it is important that the banking sector is put on a better footing as there would be no SME funding in Tajikistan without viable banks or a strong regulator
3	Ethiopia	- Ethiopian Commercial Code, 1960.Art 5-10 - Micro and Small Enterprises Development Strategy, November 1997	-The Entrepreneurship Development Program (EDP), February 2013	- The government has formulated a National MSE Development and Promotion Strategy, which enlightens a systematic approach to alleviate the problems and promote the growth of MSEs
4	Somalia	- A new Somaliland Companies Law (law No. 80/2018) -The Strategic Framework for Somalia: 2016-2019	-Women Entrepreneurs in Somalia	- There are challenges facing women entrepreneurs and high youth unemployment rate - The Gross Domestic Product (GDP) per capita is \$600
5	Sudan	- Foreign Exchange Business Act, 2012 No.23 -National Strategy of 2007-2031, role of the private sector in economic development	-Sudan's Structural Program (SAP), 1990	- Removed all administrative, economic and legal obstacles facing private businessmen (and businesswomen) and participants in the economy, including craftsmen, professionals, manufacturers and foreign investors

Nº	Country	Legislative framework, state programs, strategic documents	Supporting activities and initiatives	Features
6	Malawi	- Malawi Business Registration Act, 2020 - Malawi Business Licensing Act, 2012 -(MSME) Policy Strategy, 2012 entitled “Enabling Enterprise Growth in Malawi: 2012-2017”	- Malawi Growth and Development Strategy (MGDS II)	- A total of 92% of the Malawian population is involved in the small and medium-sized enterprise sector in the form of self-employment, family or individual businesses - (MSEs) contributed income to about 25% of Malawian households, employed about 38% of the country’s labor force, and contributed about 15.6% to GDP
7	Mali	-Country Development Cooperation Strategy Mali Forward 2015-2020	-Draft Mali country Strategic Plan (2020–2024)	-There are challenging issues for entrepreneurs and entrepreneurship development - The country is at the initial stage taking initiatives for economic development
8	Uganda	- The Partnership Act, 2010, Cap.114 - Micro, Small and Medium Enterprise (MSME) Policy, 2015	- National youth entrepreneurship Programs, 1990	- Policy makers remain hampered by a lack of information and rigorous evidence on the types and effectiveness of different entrepreneurship promotion Programs
9	Niger	- “Economic and Social Development Plan» for 2017-2021	-Strategy of Promotion of Youth Entrepreneurship, 2008	- The document does not specifically address private sector development mechanisms - There exist opportunities and constraints to Promoting Entrepreneurship in Niger
10	Mozambique	- Investment Law Article No: 4/93, 2006 -Strategy for the Development of Small and Medium Size Enterprises in Mozambique, August 2007	-The SME development strategy, 2008	-The document underlines the important role of SMEs as drivers of employment, competitiveness, diversification and innovation, as well as their role in mobilizing social resources

Note – compiled by authors

B.E. Akanbi* , **P.L. Oyetunde**

Osun State University, Nigeria, Osogbo

*e-mail: bosede.akanbi@uniosun.edu.ng

ACTIVITIES OF OSUN WASTE MANAGEMENT AGENCY ON JOB CREATION

Existing studies on waste management agencies focused on sustainable environment, environmental quality, ignoring the fact that the waste management outlets shoulder a broad class of activities which invariably create diverse employment opportunities for the populace. This study assessed the impact of waste management agency on job creation in Osun State. A well-structured questionnaire was administered to 200 respondents; (50) from Osun State waste management agency (OWMA) and thirty (30) each from five other private waste management firms registered under them. These were selected through a multi-stage sampling technique. Data analysis was done through descriptive and regression analysis. The study revealed that waste storage and collection, waste transfer and transportation, waste processing and recovery and waste disposal are waste management processes significant ($p < 0,05$), with great prospect of facilitating employment generation. Our results also found that working condition is positively related to job creation but insignificant to the study ($p > 0,05$). It was recommended that government should enact policies that will facilitate and encourage the establishment of waste management plants in all other local government areas of Osun State that yet to be covered and across the nation as a way of ensuring environmental management and employment generation in the country.

Key words: Waste, Waste Management, Job Creation, Unemployment.

Б.Е. Аканби*, П.Л. Ойетунде

Осун мемлекеттік университеті, Нигерия, Осогбо қ.

*e-mail: bosede.akanbi@uniosun.edu.ng

Осун қалдықтарды басқару жөніндегі агенттігінің жұмыс орындарын құру жөніндегі қызметі

Қалдықтарды басқару агенттіктерінің қазіргі зерттеулері тұрақты дамуға, қоршаган ортаның сапасына назар аударады, алайда қалдықтарды басқару кәсіпорындарының әрдайым халықты жұмыспен қамтудың әртүрлі мүмкіндіктерін жасауда кең ауқымды қызмет түрін атқаратындығын ескермейді. Бұл зерттеу қалдықтарды басқару агенттігінің Осун штатында жұмыс орындарын құруға әсерін бағалады. Жақсы құрылымдалған сауалнаманы 200 респондент толтырды; Осун штатындағы қалдықтарды басқару жөніндегі мемлекеттік агенттігі (OWMA) елу (50) және олардың астында тіркелген қалдықтарды басқару бойынша басқа бес жеке фирмаларын әрқайсысы отыз (30) сауалнама толтырды. Олар көп сатылы іріктеу әдісімен таңдалды. Деректерді талдау сипаттамалық, және регрессиялық талдау арқылы жүргізілді. Зерттеу көрсеткендей, қалдықтарды сактау және жинау, жылжыту және тасымалдау, қайта өндеде және кәдеге жарату қалдықтарды басқарудың маңызды процестері болып табылады ($p < 0,05$), жұмыс орындарын құруды женілдетудің үлкен перспективасы бар. Біздің нәтижелеріміз енбек жағдайлары жұмыс орындарын құрумен оң байланысты екенін, бірақ зерттеу үшін статистикалық маңызды емес екенін көрсетті ($p > 0,05$). Үкіметке қалдықтарды басқаруды қамтамасыз ету және елде жұмыс орындарын құру әдісі ретінде Осун штатының жергілікті өзін-өзі басқарудың барлық басқа аудандарында және бүкіл елде қалдықтарды басқару кәсіпорындарын құруға ықпал ететін және ынталандыратын саясатты қабылдау ұсынылды.

Түйін сөздер: қалдықтар, қалдықтарды басқару, жұмыс орындарын құру, жұмыссыздық.

Б.Е. Аканби*, П.Л. Ойетунде

Государственный университет Осун, Нигерия, г. Осогбо

*e-mail: bosede.akanbi@uniosun.edu.ng

Деятельность агентства по управлению отходами Осун по созданию рабочих мест

Существующие исследования агентств по управлению отходами сосредоточены на устойчивом развитии, качестве окружающей среды, игнорируя тот факт, что предприятия по управлению отходами выполняют широкий класс деятельности, который неизменно создает

разнообразные возможности трудоустройства для населения. В этом исследовании оценивалось влияние агентства по управлению отходами на создание рабочих мест в штате Осун. Хорошо структурированная анкета была заполнена 200 респондентам; (50) от Государственного агентства по управлению отходами г. Осун (OWMA) и по тридцать (30) от каждой из пяти других частных фирм по управлению отходами, зарегистрированных под ними. Они были отобраны с помощью метода многоступенчатой выборки. Анализ данных проводился с помощью описательного и регрессионного анализа. Исследование показало, что хранение и сбор, перемещение и транспортировка, переработка и утилизация отходов являются важными процессами управления отходами ($p < 0,05$), с большой перспективой облегчения создания рабочих мест. Наши результаты также показали, что условия труда положительно связаны с созданием рабочих мест, но статистически не значимы для исследования ($p > 0,05$). Правительству было рекомендовано принять политику, которая будет способствовать и поощрять создание предприятий по утилизации отходов во всех других районах местного самоуправления штата Осун, которые еще не охвачены, и по всей стране, как способ обеспечения управления отходами и создания рабочих мест в стране.

Ключевые слова: отходы, управление отходами, создание рабочих мест, безработица.

Introduction

Man's involvement in the production and consumption of commodities with the drive to satiate the daily necessities form the basis for waste creation (Beede & Bloom, 1995: 130-150). Stuffs that are not commodity produced for the market (that is, prime product) for which the inaugural user has no farther use in terms of his/her own intentions of production, or consumption and of which he/she wants to discard are referred to as wastes (Adebara et al., 2016: 1-21). Wastes are generated as a result of production activities of men. Wastes originate from homes, hospitals, schools and businesses (EPA, 2011).

Adebara et al. (2016: 1-21) considered waste from three categories which are gaseous, liquid and solid wastes. Waste production is experiencing a whirlwind increment all over the world as a result of perpetual economic growth, urbanization and industrializations and hence, becomes major global issue that government face daily. Wastes when left unattended to for a long time, constitutes health risks, causes unpleasant odour and contaminates the underground water sources and decreases aesthetics and quality. Past studies carried out on waste management agencies focused on the relevance of waste management agency to sustainable environment ignoring the fact that the waste management industry also shoulders a broad class of activities which invariably create diverse employment opportunities for the populace. For instance, those in charge of removing solid wastes from streets and disposing them achieve their livelihood sustainability. Nigerians have been undoubtedly concerned with effective solid waste disposal but their concern is only limited to physical removal of wastes from the streets. Little or no attention is drawn towards those that are employed to actually remove the wastes from the

streets and dispose them off which reflects another feasible way of creating jobs to curb unemployment in the country.

As a matter of fact, unemployment is one of the fundamental developmental challenges posing big threats to social stability in many nations of which Nigeria is not exempted (ILO, 2012). With comparison to coordinate nations across the globe, the intensity of unemployment rate in Nigeria is aggravating. Many policies and programs have been implemented in Nigeria to combat unemployment yet, unemployment rates in the country and among the states remained persistent, thereby casting serious doubt about the effectiveness of the agencies and their program resources suitable and efficient in creating job opportunities for the large number of youths in Nigeria. This therefore, reflects the inability of previous governments to design policies that will create more jobs rich with good quality working conditions and provide enabling environment that could encourage both individuals and the private sector to expand employment opportunities without hindrance.

Also, studies carried out on the environment industry showed that the establishment of waste management agencies has to some extent created job opportunities to the populace in some other States of federation like Oyo, Ogun, Rivers, Osun, and Kano in Nigeria. Government of the State of Osun has been lauded for using its enforcement of Osun Waste Management Agency (OWMA) and other strategic programs to reduce youth restiveness and unemployment rate in the state. (Hammed and Sridhar, 2014: 195-203) also asserted that recycling and other waste management activities are potential source of job creation. The above is a reflection that the establishment of waste management agency will not only help to ensure a sustainable environment but will as well contribute relevantly to the reduc-

tion of unemployment rate in Osun state by creating diverse job opportunities for the populace. However, the contribution of this agency to unemployment persistency in the state has not been well researched to determine how vast or otherwise the agency has contributed to the reduction of unemployment in the State. This paper will therefore, examine the contribution of waste management agency towards job creation in Osogbo, Osun State. Hence, the objective of this study is to assess the effectiveness of waste management agency in creating job opportunities to reduce unemployment rate in Osogbo, Osun state.

Literature Review

Waste management involves all the legal, financial, planning and administrative functions and the visible aspects of handling different kinds of wastes (Gilpin, 1976). Thus, various waste management processes such as waste storage and collection, waste transfer and transportation, waste processing and recovery, waste disposal, etc. which essentially requires manpower to carry them out. Existing studies in this line of research spanned through solid waste management and sustainability, dump site and water quality among others. Okeke et al. (2019: 43-56) used a multiple regression analysis to investigate on the effect of effective solid waste management on sustainable development in Anambra State. It was discovered in the study that poor recovery and recycling program significantly has impacts on sustainable development and then it was concluded in the study that effective management of solid waste had important impact on sustainable development in Anambra State. This study however failed to establish the fact that waste recycling program would also encompass creating employment for individuals whose job will be to take responsibility of the waste recycling processes. Therefore, poor waste recovery and recycling program would not only have significant influence on sustainable development but will as well affect unemployment rate negatively by retarding the possibility of job creation in the environment.

Adebara et al. (2016: 1-21) assessed into the effect of solid waste dumpsite on the ground water quality in Osogbo and Ede Metropolis. The wells situated near the Osogbo and Ede dumpsites were the places from which eight (8) distinct samples were collected respectively to analyse the study. The bacteriological, chemical and physical parameters of the water samples were collected and analysed and the results shows that some of the water sample

are dangerous for drinking and other domestic consumptions. Also, most of the water sample does not fall within the recommendations of WHO (2006). Consequently, it is essential to create environmental awareness via campaigns that enlightens on the techniques of handling, monitoring and controlling of solid waste with appropriate exploration of the groundwater to carry out analysis properly. However, the study failed to simultaneously acknowledge the need to employ personnel who would be responsible for carrying out the environmental awareness through enlightenment campaigns as recommended in the study. This is such that employing new personnel will amount to creating new jobs and hence, reducing unemployment rate in the study area.

Okafor et al. (2010: 53-65) embarked on a study titled "Job creation for full employment in Nigeria" with a view of ascertaining the extent to which Federal government employment policies had proved effective for achieving full employment in Nigeria. The study was designed essentially as descriptive survey. Results generated from the data analysis done via time series and Pearson's correlation coefficient indicated that Federal government employment policies were not effective for creating jobs. One of the reasons could have being that whenever employment policies are been strategized, Federal government rather focus largely on manufacturing industry (especially oil sector) and agricultural industry with little or no cognizance to other sectors such as the environmental industry out of which constitute the waste management agencies which when improved upon, are capable of creating vast job opportunities for the populace.

Theoretical Framework

The framework for this study was based on cradle to cradle and job chain theories. In order to put a stop to the use-waste-pollute cycle, the cradle to cradle theory was designed. This implies that instead of recycling some specific products into lower grades till it reaches its last stop which is landfill (cradle to grave), these products could rather be infinitely used again to produce identical products (cradle to cradle). On the other hand, the job chain theory emphasized that jobs are generated when there is growth in the business. This is such as there is expansion in the industry, vacancies for new staffs are created all through the jobs ladder, creating the ground for middle and low-level workers to step up the chain and finally paving way for job opportunities for the low-skilled, unemployed people (Onuoha et al. 2019).

Methodology

This study utilized primary data in order to achieve the objective of the study. The population of this study is composed of the waste management firms in Osun state. The study was carried out in Osun State which is one of the 36 states of the Federal Republic of Nigeria and it is an inland State in the South-Western region of Nigeria with Osogbo as its capital. The sample size for this study was extracted from the population of the study which is the total number of employees in Osun State waste management agency (OWMA) whereas the study employed a multi-stage sampling technique. In the first stage, six waste management firms were selected (that is, one government agency and five other private firms registered under the government agency) based on the prevalence of waste management firms in study area. In the final stage, thirty (30) respondents were selected from each of the five (5) privately owned waste management firms while fifty (50) respondents were selected from the government owned waste management firm, making a total of two hundred (200) respondents.

Descriptive statistics was employed in describing the socio-economic characteristics of the employees in the waste management firm and was used in explaining variables such as age, gender, marital status, educational status, occupational status, years of service in the waste management agency and so on. The ordinary least square (OLS) technique was best suited in analysing the data collected for the study because it possesses the properties of best linear and unbiased estimator (BLUE). In assessing the impact of solid waste management agency on job creation, the model formulated for the study in its functional form is expressed as follows:

$$Y = F(WS, WT, WP, WD, WC) \quad (1)$$

where, Y = Performance of solid waste management agency towards Job creation

WS = Waste storage and collection

WT = Waste transfer and transportation

WP = Waste processing and recovery

WD = Waste disposal

WC = Working condition

The linear form of the model is expressed as:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 WS + \beta_2 WT + \beta_3 WP + \beta_4 WD + \beta_5 WC \quad (2)$$

The econometric form of the model that includes the error term is expressed as:

$$Y = \beta_0 + \beta_1 WS + \beta_2 WT + \beta_3 WP + \beta_4 WD + \beta_5 WC + U \quad (3)$$

where, β_i = coefficient to be estimated and U =error term.

Results and Discussion

Demographic Information

The socio-economic traits of the respondents were examined under the features: gender, age, educational qualification, occupational status, years of service, type of wastes and solid waste management processes handled.

Table 1 – Demographic Information about the Respondents

Variables	Structure	Frequency	Percentage
Gender	Female	66	33.0
	Male	134	67.0
Age	18-24year	29	14.5
	25-40 years	106	53.0
	41-60years	65	32.5
	above 60years	0	0
Level of Education	O LEVEL	76	18.5
	NCE/ND	72	52.5
	B.SC/HND	32	20.5
	Other	20	8.5
Occupation Status	Contract	18	9.0
	Temporal	30	15.0
	Casual	77	38.5
	Permanent	75	37.5
Length of Service	Below 2	76	38.0
	2-4 years	72	36.0
	5-7years	32	16.0
	Above 7 years	20	10.0

Note – compiled by authors

From the table above, it can be deduced that 134 individuals which is equivalent to 67% of the respondents were males while only 66 individuals equivalent to 33% of the respondents were females. Although, the number of male workers is higher than that of female yet it can be clearly shown that the employment of individuals in the waste management agency is not gender biased in any way, that is, the job created there is opened to everyone without any form of gender stratification.

Pertaining to age, the table revealed that 106 of the respondents of the study fell between the age group of 25-40 years constituting 53% of the total sample. The least percentage of 14,5% being equivalent to 29 persons were respondents within the age range of 18-24 years while 65 persons constituting 32,5% of the total sample fell within the age range of 41-60 years. However, there were no workers that were above 60 years, this simply depicts that all the workers in the waste management agency were within the economically active age of below or exactly 60 years. This implies that there was efficiency and effectiveness in waste management since its workers were still within the age in which they were capable of ensuring efficiency at work.

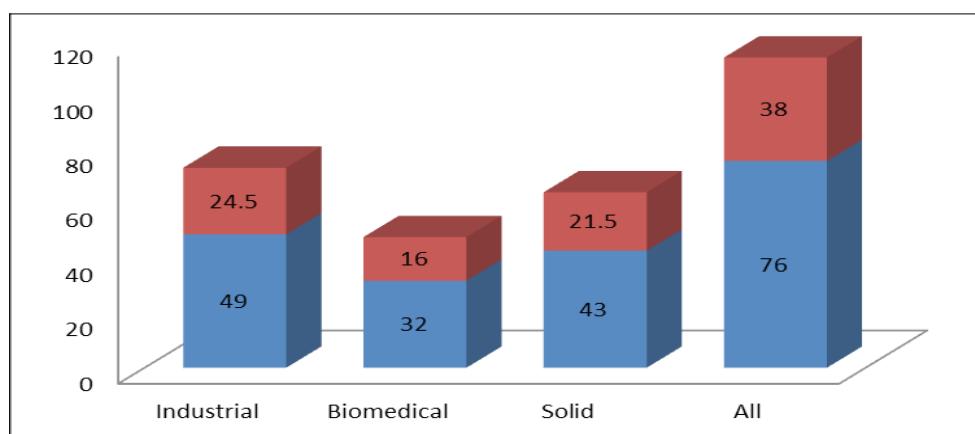
As regards educational qualification, 18,5% of the total sample consisting of 37 respondents in the study area only attained O' level certificate, 52,5% of the total sample consisting 105 respondents attained one or both of NCE and OND, respondents who attained one or both of B.Sc or HND were 41 persons (equivalent to 20,5% of the total sample) and the least percentage of 8,5% constituting 17 respondents were the workers that attained other educational qualification not stated within the scope of the study.

The table also showed that 9% of the target population of the study were contract staffs, 15%

are temporary staffs, casual staffs holds 38,5% of the target population of study while the permanent staffs were only 37,5% which constitutes 18, 30, 77 and 75 persons of the total respondents respectively. This implies that in one way or the other, the waste management agency through employment generation act as a means of livelihood to those who secured employment through them.

The table revealed that 76 respondents has been working for less than two years in the waste management agency, those who have been working within the range of 2-4 years in the agency were 72 persons and workers whose length of service is within the range of 5-7 years are only 32 persons which all respectively constituted 38%, 36%, and 16% of the total sample. However, the percentage of those who have been working for more than 8 years is 10% equivalent to 20 respondents, this is due to the fact that waste management agency came into existence recently in the study area.

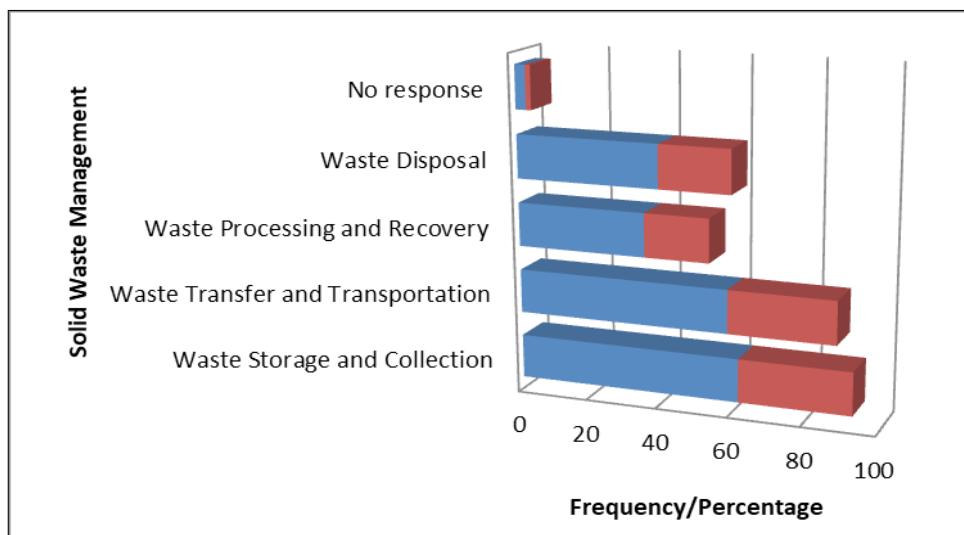
As shown in Figure 1, 24,5% representing 49 respondents handles industrial waste, 16% constituting 32 respondents handles biomedical waste, 21,5% equivalent to 43 respondents handles solid waste while 38% representing 76 respondents handles all types of wastes.

Figure 1 – Types of Wastes
Note – compiled by authors

Finally, Figure 2 reflected that 31% corresponding to 62 respondents of the study were responsible for waste storage and collection, 29,5% equaling 59 respondents were responsible for transferring and transporting wastes and 18% equivalent to 36 respondents were responsible for waste processing and recovery. The respondents in charge of waste disposal were 40 persons

(that is, 20% of the total sample) whereas 1,5% equivalent to 3 persons does not involve in any of the waste management processes aforementioned. Inferences drawn from previous studies has it that those who are not involved in any waste management processes are often the ones that are rather involved in other administrative work in the waste management agency.

Figure 2 – Types Waste Management Technique Employed

Note – compiled by authors

However, an interview with one of the respondents of the study gave the knowledge that the employees for the waste management processes are insufficient for the work because there are only few people applying for the job due to the fact that peo-

ple are beclouded by the belief that the job opportunities inherent in waste management agency are only menial jobs with meager salary.

Analysis of the impact of waste management agency on job creation

Table 2 – Analysis of Variance (ANOVA^a)

Model		Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.
1	Regression	36,659	5	7,332	16,561	0,000 ^b
	Residual	84,559	191	0,443		
	Total	121,218	196			
a. Dependent Variable: PERF SWMA TOWARD JOB CREATION						
Note – compiled by authors						

Table 2 present the analysis of variance for the OLS model generated. The table shows that sum of square for regression is 36,659, sum of square for residual is 84,559 and sum of square total is 121,218. However, the F-statistic obtained for the model is 16,561 and the corresponding p-value is 0,0000. Since the p-value obtained ($\text{sig}=0,000$) is less than 5% level of significance, it can therefore be concluded that the model was statistically significant. This implies that the joint contribution of explanatory variables to dependent variable was also significant.

Table 3 presented the coefficients of the independent variables for the model. The value of T-

statistic and the corresponding p-value ($p<0,05$) showed that all the variables used as proxy for waste management agency were individually significant at 5% level of significance. They all had positive coefficient which indicated that Waste Management Agency had positive and significant relationship with employment creation. The table showed that a 1% increase in the employment of workers to the work of waste transfer and transportation, waste processing and recovery, waste disposal, waste storage and collection will yield 30,4%, 39,9%, 29,4% and 18,4% increase respectively to job creation. By implication, waste management agency has great potential of contributing massively to employment

generation. It can also be deduced from the table 3 that a 1% improvement in the working condition of waste management agency employees will yield

10,6% increase to job creation. However, the variable proxy working condition was found to be insignificant ($p>0,05$) in the model.

Table 3 – Regression analysis Coefficients

Model		Unstandardized Coefficients		Standardized Coefficients	T	Sig.	Collinearity Statistics	
		B	Std. Error				Tolerance	VIF
1	(Constant)	0,702	0,300		2,336	0,021		
	Waste_Transfer_Transportation	0,304	0,058	0,344	5,257	0,000	0,851	1,176
	Waste_Processing_Recovery	0,399	0,071	0,435	5,631	0,000	0,985	1,016
	Waste_Disposal	0,294	0,060	0,320	4,931	0,000	0,866	1,155
	Waste_Storage	0,184	0,060	0,213	3,083	0,002	0,959	1,043
	Working_condition	0,106	0,055	0,123	1,922	0,056	0,887	1,128
a. Dependent Variable: PERF SWMA TOWARD JOB CREATION								
Note – compiled by authors								

Table 4 – Model Summary^b

Model	R	R-Square	Adjusted R Square	Std. Error e	Durbin-Watson
1	0,867 ^a	0,751	0,745	0,66537	1,769
a. Predictors: (Constant)					
b. Dependent Variable: PERF SWMA TOWARD JOB CREATION					
Note – compiled by authors					

The table presented the model summary for Ordinary Least Square (OLS). It can be seen that the value of R is 0,867, R-square is 0,751, Adjusted R-square is 0,745 and Durbin-Watson statistic is 1,769. The value of R (0,867) which is the multiple correlation coefficients indicated a strong positive correlation between the variables of the study. The value of R-square (0,751) which is the coefficient of determination indicates that about 75,1% of variation in dependent variable (job creation) is explained by the explanatory variables included in the model while the remaining 24,9% is explained by other variables outside the model. This implied that job creation through waste management agency in Osun State is highly significant at 75,1%. The value of Adjusted-R-Square (0,745) indicates that explanatory variables included in our model are good predictor of the dependent variable, thus the data set is well fitted. The value of Durbin-Watson statistic (1,769) indicates that the model generated is free of serial correlation since the value of Durbin-

Watson obtained lies within the interval of 1,5-2,5. Therefore, the model can be accepted and used for prediction.

Discussion of Findings

In conformity with the foregoing statements, this study was able to pinpoint a societal immediate need which is to dispose waste which birthed the existence of the waste management firms and this gave rise to the need to employ individuals to do the work which then amounted to employment generation. Thus, the outcome of this study showed that a 1% increase in waste transfer and transportation, waste processing and recovery, waste disposal, waste storage and collection will increase job creation by 30,4%, 39,9%, 29,4% and 18,4%, this affirmed that the initiation of waste management agency is a strategic means by which job opportunities is opened for the unemployed masses.

In the course of the research, an interview with one of the respondents of the study revealed that the waste management firms in Osun State are only found in towns such as Osogbo, Ile-Ife, Ilesa, Iwo, Ikorodu and Ede out of which only few are effective. Since the results of the analysis of this study covering Osogbo and its environments town attested to the positive relationship between job creation and activities of waste management agency, therefore, if waste management outlets are made available and effective in all towns across Osun State, it then follows that there will be greater potential for job creation through waste management firms thereby reducing unemployment in the State.

Conclusions and Recommendations

The study concluded that effective waste management presents great opportunities not just to manage our environment better but also to create job opportunities for the unemployed masses. From the data analysis conducted, the study also concluded that the effectiveness of waste management agency positively and significantly impacts job creation and

job creation in the study area, and as well is positively related to working condition such that the higher the improvement in working condition, the higher the job creation rate.

The study therefore, recommended that government should put in place policies and programs that will facilitate the establishment of more and effective waste management plants in all the local government areas of Osun state and as well as across the nation as a means of reducing unemployment rate since it is rich in job creation. Alternatively, waste management plants of small capacity at less distance can be installed across the state. This will lead to increase in employment opportunity for local people as the installation of new plant requires design person, Civil, Mechanical, Electrical and Software Engineers, Clerical Staff, Office boys and other relevant staff. Also, Government should implement advanced waste technologies and enact policies gearing towards improving the working condition of waste management employees as this would facilitate the achievement of goal number eight (8) of the sustainable development goals which is “Decent work and economic growth”.

References

- 1 Adebara S.A, Afolayan A, Omajali D.I, Olatunji A.A. (2016) Assessment of the Effects of Solid Waste Dumpsite on Groundwater in Osogbo and Ede Metropolis, Osun State, Nigeria. *International Journal of Engineering Technologies and Management Research*, vol. 3, No 2, pp. 1-21.
- 2 Adebayo A., Ogunrinola I. (2006) Contemporary dimensions of unemployment problem in Nigeria. A special challenge under the National Economic Empowerment and Development Strategy. *NES. Journal of Economics*, vol. 2(4).
- 3 Agbaeze E., Onwuka I., Agbo C. (2014) Impact of Sustainable Solid Waste Management on Economic Development- Lessons from Enugu State Nigeria. *Journal of Economics and Sustainable Development*, vol. 5, No 9, pp. 130-139.
- 4 Aibor M.S., Olorunda J.O. (2006) A Technical Handbook of Environmental Health in the 21st Century for Professional Students. Akure: His Mercy Publisher.
- 5 Akpen G.D, Tyagher S.T., Ogori P.O. (2005) Solid Waste Management in Urban Areas of Benue State, Nigeria. *International Journal of Environmental Issues*, vol. 3(2), pp. 54-59.
- 6 Alanana O.O. (2003) Youth unemployment in Nigeria: some implications for the third Millennium. *Journal of Social Sciences*, vol. 2, No 1, pp. 21-26.
- 7 Alemu Z.G. (2015) The Challenge of Job Creation in Nigeria. *Chief Economist Complex AEB*, vol. 6, No 8.
- 8 Beede D.N., Bloom D.E. (1995) The Economics of Municipal Solid Waste. *World Bank Research Observer*, vol. 10, pp. 113-150. <http://dx.doi.org/10.1093/wbro/10.2.113>.
- 9 Carlsson M., Eriksson S., Gottfries N. (2006) Testing Theories of Job Creation: Does Supply Create Its Own Demand? *IZA Discussion Paper No 2024*.
- 10 Dauda M., Ssita O.O. (2003) Solid Waste management and reuse in Maiduguri, Nigeria. 29 WEDC International Conference Towards the Millennium Development Goal, Abuja.
- 11 EPA (2011) Report on the 2011 U.S. Environmental Protection Agency (EPA) Decontamination Research and Development Conference. https://cfpub.epa.gov/si/si_public_record_report.cfm?Lab=NHSRC&dirEntryId=245110&fed_org_id=1253&subject=Homeland%20Security%20Research&view=desc&sortBy=pubDateYear&showCriteria=1&count=25&searchAll=decontamination%20AND%20conference
- 12 Hammed T.B., Sridhar M.K.C. (2014) Turning Waste to Wealth in Nigeria: An Overview. *Journal of human ecology*, vol. 46(2), pp. 195-203. <https://www.researchgate.net/publication/324077154>.
- 13 Johan M., Malchow-Moller N., Sorensen A. (2015) Job Creation and Job Types New Evidence from Danish Entrepreneurs. *Study paper no. 100*.
- 14 Ngatatakalam (2016) Effects of solid waste management projects on the local community: A case of solid waste management projects in Mombasa county, Kenya.

- 15 Nwosu E.E., Pepple G.T. (2016) Site Selection and Analysis of Solid Waste Dumpsites in Ile-Ife, Nigeria.
- 16 Okafor S., MBA S., Oleribe E. (2010) Job creation for full employment in Nigeria. *Journal of Economics Studies*, vol. 9, No 1, pp. 53-65.
- 17 Okeke M.N., Onuorah N.N., Oboreh J.C., Echo O. (2019) Effect of Effective Solid Waste Management on Sustainable development in Anambra State, Nigeria. *Journal of business management*, vol. 5, No 3, pp. 43-56.
- 18 Onuoha O.P., Uhunoma W. (2019) Job Creation Strategies for Nigeria. *Journal of Advances in Economics and Finance*, vol. 4, No 1.
- 19 Onyeizugbe C., Orogbu L., Oyigbo C. (2015) Entrepreneurial development and job creation in selected local government areas in Enugu State, Nigeria. *International Journal of Managerial Studies and Research (IJMSR)*, vol. 3, issue 7, pp. 41-53.
- 20 Pongrácz E., Phillips P., Keiski R. (2014) Evolving the theory of waste management: defining the key concepts. *Journal of waste and environment*, vol. 2, No 4.
- 21 Sharma S., Upadhyay S., Singh B. (2019) Employment Opportunities with Promoting Waste Management in India. *Journal Clean Was*, vol. 3, No.1, pp. 10-15.
- 22 Tellus Institute with sound resource management (2008) More Jobs, Less Pollution: Growing the Recycling Economy in the U.S.
- 23 Uchegbu S.N. (1998) Environmental Management and Protection. Precision Printers and Publishers, Enugu, pp. 121-122.
- 24 Uddin S., Osemengbe O. (2019) Causes, Effects and Solutions to Youth Unemployment Problems in Nigeria. *Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences (JETEMS)*, vol. 4(4).
- 25 Varma R. (2006) Status of Municipal Solid Waste Generation in Kerala and Their Characteristics, Paper, Suchitwa Mission, Local Self Government Department, Government of Kerala, India.
- 26 Zerbock O. (2003) Urban Solid Waste Management: Waste Reduction in Developing Nations.

O. Abraliyev

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: abraliyevobek@mail.ru

ANALYSING THE CURRENT STRATEGIC POSITION OF THE AGRICULTURAL MARKET OF KAZAKHSTAN

The performance of the agricultural market has the significant impact on maintaining the food security within the Republic of Kazakhstan. Therefore, the purpose of this research paper is to describe the current strategic position of the agricultural market of Kazakhstan. The research has value because its results may help the future researchers in defining the policies and recommendations for developing the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan. The research methodology is based on the philosophy of epistemology because this paper is concerned whether the current strategic position of the agricultural sector in the Republic of Kazakhstan should be treated as the fact. Moreover, the presence of economic trends and links within the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan would be evaluated through applying various scientific methods. The research results show that the gross output level in the agricultural sector of Kazakhstan in 2019 equals to 5151163 million tenge. Moreover, the following key success factors were found for the agricultural market in Kazakhstan: prices, innovation, creating trust with the consumers. The internal market analysis showed the following results: new entrant threat was medium, the supplier power was low, the power of buyers was medium, the substitution threat was high and the rivalry was high. It was worth noting that employees and shareholders were the most powerful stakeholders in the agricultural sector of Kazakhstan.

Key words: agricultural market, Kazakhstan, innovation, efficiency, strategic analysis.

О. Абралиев

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: abraliyevobek@mail.ru

Қазақстанның ауыл шаруашылығы нарығының ағымдағы стратегиялық жағдайын талдау

Ауылшаруашылық нарығының көрсеткіштері Қазақстан Республикасының азық-түлік қауіпсіздігін сақтауға айтарлықтай әсер етеді. Сондықтан, бұл ғылыми жұмыстың мақсаты – Қазақстанның аграрлық нарығының қазіргі стратегиялық жағдайын сипаттау. Зерттеудің маңызы зор, өйткені оның нәтижелері болашақ зерттеушілерге Қазақстан Республикасының аграрлық секторын дамыту бойынша саясат пен ұсыныстарды анықтауға көмектеседі. Зерттеу әдістемесі гносеология философиясына негізделген, өйткені бұл мақалада Қазақстан Республикасындағы аграрлық сектордың қазіргі стратегиялық ұстанымы факт ретінде қарастырылуы керек пе деген сұрап туындаиды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының аграрлық секторындағы экономикалық тенденциялар мен байланыстардың болуы әр түрлі ғылыми әдістерді қолдану арқылы бағаланатын еді. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстанның ауылшаруашылық секторындағы жалпы өнім деңгейі 2019 жылы 5151163 миллион теңгеге тең. Сонымен қатар, Қазақстанның ауылшаруашылық нарығы үшін табыстың келесі негізгі факторлары табылды: бағалар, инновация, тұтынушыларға сенім тұдыру. Ішкі нарықты талдау келесі нәтижелерді көрсетті: жаңа қатысушы қаупі орташа, жеткізушилік қуаты төмен, сатып алушылардың күші орташа, алмастыру қаупі жоғары және бәсекелестік жоғары болды. Қызметкерлер мен акционерлер Қазақстанның аграрлық секторындағы ең қуатты мұдделі тараптар болғанын атап еткен жөн.

Түйін сөздер: аграрлық нарық, Қазақстан, инновация, тиімділік, стратегиялық талдау.

О. Абралиев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы
e-mail: abraliyevobek@mail.ru

Анализ текущего стратегического положения сельскохозяйственного рынка Казахстана

Показатели сельскохозяйственного рынка оказывают значительное влияние на поддержание продовольственной безопасности в Республике Казахстан. Таким образом, цель данного исследования – описать текущее стратегическое положение сельскохозяйственного рынка Казахстана. Исследование имеет ценность, потому что его результаты могут помочь будущим исследователям в определении политики и рекомендаций для развития сельскохозяйственного сектора Республики Казахстан. Методология исследования основана на философии эпистемологии, поскольку в данной статье рассматривается вопрос о том, следует ли рассматривать текущее стратегическое положение сельскохозяйственного сектора в Республике Казахстан как факт. Более того, наличие экономических тенденций и связей в сельскохозяйственном секторе Республики Казахстан будет оцениваться с применением различных научных методов. Результаты исследования показывают, что уровень валовой продукции в сельскохозяйственном секторе Казахстана в 2019 году равен 5 151 163 млн тенге. Кроме того, были выявлены следующие ключевые факторы успеха сельскохозяйственного рынка в Казахстане: цены, инновация, создание доверия со стороны потребителей. Анализ внутреннего рынка показал следующие результаты: угроза для новых участников – средняя, сила поставщика – низкая, сила покупателей – средняя, угроза замещения – высокая, конкуренция – высокая. Стоит отметить, что сотрудники и акционеры были самыми влиятельными заинтересованными сторонами в аграрном секторе Казахстана.

Ключевые слова: аграрный рынок, Казахстан, инновация, эффективность, стратегический анализ.

Introduction

Defining the successful model for developing the agricultural sector of the Kazakhstan should start from shaping the strategy (Mazzucato, 2002). Describing the strategic framework that could work for the case of the Republic of Kazakhstan through application of different analytical methods and techniques is the aim of this research. The agricultural sector of the Republic of Kazakhstan has one of top priorities for the national safety due to the significance of the food safety in the framework of the global economic security concerns. Therefore, this research has significance because it may help the government of the Republic of Kazakhstan and researchers to determine what kind of policy packages and recommendations may help in strengthening the agricultural sector of Kazakhstan.

The research methodology is based on the philosophy of epistemology and the philosophical stance of positivism.

The purpose of the research is to define the current strategic position of the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan through applying various scientific methods. The research has four different goals: analysing stakeholder power; external macroenvironmental and internal analyses which question what kind of strategic and tactical issues Kazakhstani agricultural sector may face. The conclusion of the research is made through summing

these mentioned four research goals in order to make assumptions about driving forces and factors that bring success in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan.

Literature review

The role of flexibility in defining the potential paths for developing any sector of the economy is not fully exploited in the Central Asian region. It is worth mentioning that availability of the limited resources and inability to control every possible outcome due to the complicated nature of the international cooperation may not allow to achieve every defined goal in the development strategy (Gong, 2013). Therefore, in order to develop the comprehensive list of recommendations for any sector of the economy would require very deep understanding of the current state of that economic sector. Maintaining flexibility in terms of achieving development goals could become the competitive advantage to meet the peaks and fluctuations within the global economy (Deyo et al., 2001). As a result, one of the most important steps in defining the current strategic position of the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan is to decide which economic models, theories and concepts should applied upon analysing the agricultural market.

It is worth noting that needs of the consumer community have the significant impact upon how

the agricultural market operates (Garrido et al., 2016). It is worth also noting that not only the local population but also commodity and food product factories may be considered as consumers in the agricultural sector (Williams, 2013). The importance of understanding the current strategic position of the agricultural sector could be related to referencing to the hierarchical order for the human needs defined by Maslow's theory (Boddy, 2014).

This theory states that the lower level for the human needs has to be satisfied before an individual may start considering the higher ones as significant (Robbins et al., 2015). Eating should be considered as the lowest level of the human needs and without satisfying the survival would not be possible (Robbins et al., 2015; Solomon, 2002). Therefore, understanding the current state of the agricultural sector, which helps to satisfy the lowest level of Kazakhstani population needs, is an important step in providing the food security in the internal market. Moreover, developing the agricultural sector in the Republic of Kazakhstan is one of the most significant instruments in maintaining the national security.

The agricultural industry as any sector of economy in the Republic of Kazakhstan consists of two different groups representing the supply and demand sides of the market. The supply side consists of farmers, factories (food or commodity products) and their suppliers while consumers represent the demand side of the market. The economic interaction between these two categories of the agricultural market could be explained through applying the exchange theory. According to the mentioned theory any participant of any economic system would be interested to provide services or share resources only if it receives something valuable in return (Solomon, 2002).

It could be worth noting that the majority of products from the animal husbandry or the agrarian sector should be consumed (for food) after the special treatment in the specific atmosphere. For instance, raw meat, eggs or vegetables usually cooked before consumption. Moreover, even fruits, e.g. apples or peach, are often subjected to the special heat treatment to increase their shelf storage length. In addition, eating only raw fruits and vegetables is too extreme dietary approach for many people. Therefore, there are two different ways that are proposed for strengthening the strategic position of the agricultural sector. Firstly, the government may implement policies and introduce the government subsidies to support the restaurant sector (Dorfman, 2014). Eating outlets in order to survive in the

market would require to build trust in their brand name. Restaurants and other eating outlets have to please consumers in order to receive money in exchange. However, consumers would also want to satisfy their eating needs while they hope that restaurants would try hard to meet the expectations of the customer community. As a result, that would be impossible without high quality ingredients that restaurants should use for cooking, e.g. locally sourced and fresh vegetables and meat. Therefore, the government policies motivating restaurants and cafes to buy locally sourced meat and grown vegetables may give some boost to the standard of life for the local farming community (Champ et al., 2011).

Another approach to strengthen the strategic position of the agricultural sector is to boost the overall demand for its output (Ellis, 1992). For instance, creating the industrial zones where factories that make food and commodity products would be located. The next step of strengthening the agricultural market in the Republic of Kazakhstan is setting up the production of intermediary and advanced final commodities that use as the raw materials the output of the agrarian sector and the animal husbandry (Eichengreen et al., 2020). For instance, Kazakhstan has one of the highest qualities for the raw meat. However, there are very few factories that convert that meat into something competitive in the global market. On the other hand, there are so many types of sausages made in Germany that are known throughout the world. The same story repeats itself with Kazakhstani milk. On the hand, Swiss or French cheese and other milk products are famous around the globe. Therefore, the overall equilibrium in the agricultural market in the Republic of Kazakhstan is in favour of the consumer community (Barkley et al., 2020). Kazakhstan is an active member of the WTO, therefore, a customer may always choose to buy an imported product which often has better quality than the domestically produced one. As a result, in order to define the clear balance of powers in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan the multi-step approach analysing every aspect of the market is required (and defined below).

Methodology

The research methodology is based upon the philosophical stance of positivism because:

- the research purpose of defining the current strategic position of the agricultural market in Kazakhstan is testable;
- it is impossible to draw any conclusions without relying on the statistical analysis;

- the research results are generated through testing relationships that are present;
- the research data is coming from the observable reality.

The research takes place in the period after the coronavirus pandemic has already negatively impacted the global economy and the regional food markets. Therefore, the research results could become useful for the future researchers who would try to define measures of recovering the national economy in the post-COVID-19 period.

There are several steps taken to define the current strategic position of the agricultural market in the Republic of Kazakhstan. Firstly, the output analysis of the agricultural industry is made. The following indicators are analysed in order to achieve that goal: the industrial output of the food products; the gross output of the animal husbandry, the agrarian sector and the agricultural industry (overall).

Secondly, the stakeholder analysis is completed through initially analysing the number of units for farm households (in villages, settlements, and the rural districts) and farming entities in order to understand the overall power balance of stakeholders in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan. Then, the power interest framework analysis is made for the following group of stakeholders: shareholders, employees, the higher management team, suppliers, customers, rival enterprises, local communities, regulators, the government of the Republic of Kazakhstan, creditors. Finally, the most powerful groups of stakeholders for the current moment in the agricultural market of Kazakhstan are defined.

Thirdly, the external analysis is made based on the macroenvironmental analysis of the main trends for the following aspects: political, economic, social, labour force, technologic, competition, customer, supplier.

Fourthly, the internal market analysis is made through applying the Porter's five forces framework analysis.

Finally, conclusions are made about driving forces and the success factors in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan.

Results and Discussion

Industrial output analysis

The industrial output analysis could be considered as one of the first steps towards understanding the current structure of the agricultural market in Kazakhstan.

According to the Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the

Republic of Kazakhstan (2020a) the industrial output for the food products in the internal market is the following:

- in 2005 – 370,239 million tenge;
- in 2018 – 1527,687 million tenge;
- in 2019 – 1708,013 million tenge.

The analysis of the data above demonstrates that the standard deviation for the food product output between 2005 to 2019 equals to 435773,562. The first quartile for the same value from 2005 to 2019 equals to 626621,7325 million tenge. On the other hand, the third quartile of the industrial output for the same period is 1275938,5 million tenge. Therefore, the interquartile range of the food product output in the Republic of Kazakhstan between 2005 to 2019 is going to be equal to 649316,7675 million tenge.

It is worth mentioning that the total output for the agricultural sector overall and for the food products (only) are not the same indicators. Therefore, there is the need to define the gross output level of the agricultural sector in the Republic of Kazakhstan (Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan, 2020a):

- in 2005 – 749077,8 million tenge;
- in 2017 – 4070916,8 million tenge;
- in 2018 – 4474088,1 million tenge;
- in 2019 – 5151163 million tenge.

The interquartile range of the gross output level in the agricultural sector of Kazakhstan between 2005 to 2019 is equal to 1972778,9 because the first quartile for the same value equals to 1522922,5 million tenge and the third quartile – 3495701,4 million tenge. The median value for the agricultural gross output is 2720453,4 million tenge for the same period.

The agricultural sector of the Republic of Kazakhstan includes two major sectors of the economy as the agrarian sector and the animal husbandry.

The gross output of the agrarian sector in Kazakhstan for the mentioned period of time looks the following way (Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan, 2020a):

- in 2005 – 389526,6 million tenge;
- in 2017 – 2249166,9 million tenge;
- in 2018 – 2411486,7 million tenge;
- in 2019 – 2817660,6 million tenge.

The median value for the total industrial output in the agrarian sector of the Republic of Kazakhstan from 2005 to 2019 is 1654428,5 million tenge. The industrial output analysis demonstrates that the first quartile for the same indicator between 2005

to 2019 is 832832,4 million tenge while the third quartile – 1936408,75 million tenge. Therefore, the interquartile range for the gross output of the agrarian sector equals to 1103576,35 million.

The total output in the animal husbandry for the same period may be defined in the following way (Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan, 2020a):

- in 2005 – 355786,3 million tenge;
- in 2017 – 1810914,1 million tenge;
- in 2018 – 2050455,8 million tenge;
- in 2019 – 2319496,7 million tenge.

The average value for the gross output in the animal husbandry from 2005 to 2019 equals to 1174674,9 million tenge while the median value – 1145437,3 million tenge.

To sum up, the analysis above demonstrates that the gross output for the food products (only), the agrarian sector, the animal husbandry and the agricultural sector (overall) show growth patterns between 2005 to 2019. Therefore, the industrial output analysis shows that the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan was experiencing overall growth trends from 2005 till 2019 in terms of the gross output.

Stakeholder analysis

The gross output growth or decline in any industry could be affected by the stakeholders. There are several concepts that have significance in the stakeholder framework analysis (Kimmich et al., 2012). Moreover, different countries around the world have different financial climate which would impact the economic prospects of the ventures operating in those countries (Haites, 2015). In addition, every sector of any national economy may also have its own microclimate which may impact different economic parameters as ease of doing business.

Therefore, there is the need to analyse the overall structure of the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan in order to determine the primary and secondary stakeholders in the market. According to the Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan (2020b) there are 17403 registered legal entities in Kazakhstan that either operate or provide services to the enterprises that operate in the field of the agrarian sector, animal husbandry and hunting (for the first of January 2020). On the other hand, there are 1638561 units of farm households in settlements, villages, and the rural districts of the Republic of Kazakhstan (in total) or:

- in Akmola region – 124213 units;
- in Aktobe region – 54114 units;

- in Almaty region – 294 998 units;
- in Atyrau region – 51558 units;
- in West Kazakhstan region – 76260 units;
- in Jambyl region – 123916 units;
- in Karaganda region – 89711 units;
- in Kostanay region – 111617 units;
- in Kyzylorda region – 86050 units;
- in Mangystau region – 60025 units;
- in Pavlodar region – 66435 units;
- in North Kazakhstan region – 96478 units;
- in Turkestan region – 255449 units;
- in East Kazakhstan region – 147737 units.

On the other hand, there were 211740 farming entities on the first of January 2020, including (Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan, 2020b):

- in Akmola region – 5507 units;
- in Aktobe region – 6670 units;
- in Almaty region – 45123 units;
- in Atyrau region – 2746 units;
- in West Kazakhstan region – 7302 units;
- in Jambyl region – 18075 units;
- in Karaganda region – 10416 units;
- in Kostanay region – 6112 units;
- in Kyzylorda region – 8286 units;
- in Mangystau region – 2394 units;
- in Pavlodar region – 3380 units;
- in North Kazakhstan region – 4517 units;
- in Turkestan region – 71102 units;
- in East Kazakhstan region – 16133 units;
- in the capital of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan) – 186 units;
- in the city of Almaty – 624 units;
- in the city of Shymkent – 3167 units.

As a result, we may come to conclusion that there are significant number of small players in the agricultural market of the Republic of Kazakhstan. Therefore, stakeholders in the agricultural sector of Kazakhstan could be separated into two distinct groups: internal and external. The internal shareholders in the agricultural market of the Republic of Kazakhstan include employees, the higher management stuff (if the enterprise is big enough to have the separation between management and employees) and shareholders (not always present due to the small size of the agricultural entity). The external stakeholders could include the following groups: suppliers, rival ventures, customers, regulators, local communities, creditors and governments.

It is worth noting that each group of stakeholders may have their own set of interests:

- shareholders are interested in increasing their own profits;

- employees are keen to be paid higher wages or improve own working conditions;
- the higher management team would like to ensure that the strategic corporate goals would be met;
- suppliers would be interested in better contract deals;
- customers would like to have better product quality for lower price;
- rival enterprises would always try to outperform each other;
- local communities would like to create the sustainable environment for its population for the socio-economic development and the corporate growth;
- regulators would like to ensure that the agricultural sector of the economy would be properly regulated through different set of socioeconomic or political measures;
- the government of the Republic of Kazakhstan is interested in protecting internal security and peace through ensuring food safety and making sure that people are abiding rules and regulations;
- creditors are interested in being paid on time and fully.

The analysis of the stakeholder interests may help us to define four distinct groups of power interest framework:

1. High influence – high interest: shareholders and employees.
2. High influence – low interest: the government of the Republic of Kazakhstan, regulators (Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan, National Bank of Kazakhstan), creditors (usually second-tier banks in Kazakhstan).
3. Low influence – high interest: suppliers and rivals.
4. Low influence – low interest: customers and the local communities.

It is worth noting that employees (high number of small players including many self-employed farmers) and shareholders (the significant portion of modern farming practices require complex machinery and capital investment) are the most powerful stakeholders.

External analysis

The research methodology is based on the idea of moving from the macro-level analysis towards the micro-level. Therefore, the potential model for developing the agricultural industry in the Republic of Kazakhstan would consist of analysing the external macroenvironment before the internal market analysis.

The initial state of the macroenvironmental analysis would be defining the main trends that could

impact the agricultural market from the following 8 significant aspects:

1. The political aspect. Joe Biden, known for his anti-Russian stands, won 2020 presidential elections in the USA (The Wall Street Journal, 2020). Therefore, there is the potential that the USA could impose tighter trade and other types of economic sanctions with Russia. Moreover, the United States could force its partners to adopt economic sanctions against the Russian Federation. Therefore, trade negotiations with Russia for the post-Trump period could impact how Kazakhstani agricultural enterprises would run in the future. There is the significant potential for the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan to expand into the Russian market if the USA starts the trade war against the Russian Federation.

2. The economic aspect. The coronavirus pandemic is expected to have its negative impact on the global economy. Moreover, the consequences of the COVID-19 epidemic could trigger the recession (World Bank, 2020).

3. The social aspect. The population of the Republic of Kazakhstan is expected to grow even without any migration. For instance, according to the United Nations (2020) 24024045 residents could be expected to live in Kazakhstan without any immigration to Kazakhstan, and 25948363 people would live in the Republic of Kazakhstan if the fertility index would stay constant.

4. The labour force. The process of the labour migration was negatively impacted by the coronavirus epidemic due to the introduction of the travel restrictions on the global scales. Moreover, the expected negative economic impact of the COVID-19 could decrease the demand for the labour force in the short-term.

5. The technologic aspect. In the last century, electrification and the emergence of powerful engines allowed the spread of mechanization in agriculture. In this century, the next technological breakthrough in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan could be based on the complete automation of the production. For instance, there are already automated robots for harvesting strawberries. The next stage of the agricultural development could be the creation of harvesting robots that would automatically determine and switch the harvesting program for different types of agricultural crops. The development of the agricultural productivity in Kazakhstan is impossible without reducing energy consumption and resource inputs through the introduction of robots. Moreover, the rise of the digital economy increased the significance of the big data analysis. For instance, the collection and the analy-

sis of the big data could allow to treat the location of weeds through spraying only the required dose of pesticides. It is worth noting that the precision farming requires regardless of the size of the agricultural enterprise (from small farmers to agricultural cooperatives and conglomerates) knowledge in what places, volumes, when and what types of the resource investments are needed. In order to achieve these goals, it could be necessary to collect the huge amount of data from different sources and from different parts of agricultural lands about various factors such as soil nutrition, the presence of weeds and pests, the state of maturity of crops, resource costs, and weather forecast. On the other hand, it would also be possible to use the laser technology for the weed control, which could be beneficial for organic farming (which tries to minimize the use of harmful chemical fertilizers). Small sensors and cameras could alert farmers when different types of crop threats could arise. For instance, a farmer could be notified about large number of pests. It is also possible necessary to build in an algorithmic model of processes in order to understand the possibility of automated methods for the rational use of remote sensing materials.

6. The aspect of competition. The most significant vital trend in the global agricultural market is the threat of new strong entrants due to adoption of the technologic innovations. For instance, the rise of the social media, the smartphone market and the internet of the things could significantly impact the economic competition in the global scales. For instance, the food product manufacturers in Europe and the USA nowadays are trying hard to maintain positive public image in the social media. Therefore, Kazakhstani agricultural enterprises should start adopting policies that could fully exploit the potentials of the internet of the things and the social media.

It is also worth noting that global agricultural corporations could gain competitive advantage in the internal Kazakhstani market of the data mining and analysis would not be adopted by the majority of domestic agricultural producers.

7. The customer aspect. The disposable income of Kazakhstani citizens decreased due to the global COVID-19 epidemic. Therefore, the agricultural market could require the government intervention to stimulate the consumer demand.

8. The supplier aspect. The coronavirus pandemic made the location aspect of the production chain significant. The potential of introducing the global lockdown due to another pandemic threat could significantly disrupt the agricultural production chains. Therefore, in order to provide the food safety of the

Republic of Kazakhstan there is the need to reduce the technologic dependence of the agricultural sector from the global economy.

Internal market analysis

The internal market analysis is focused on the comparative analysis of the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan through applying Porter's five forces framework:

1. New entrant threat is medium because any Kazakhstani resident could buy or rent agricultural plot of land for farming purposes. However, huge investments could be needed in order to compete with the transnational enterprises. Moreover, the government of the Republic of Kazakhstan tries to stimulate farmers through different programmes.

2. The supplier power is low but could grow if the negative economic consequences of the coronavirus epidemic would not be dealt soon (because due to the global lockdown the potential of outsourcing could be severely limited across country borders).

3. The power of buyers in the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan is currently at the medium level (because a single buyer by himself/herself has no power over the market).

4. The substitute threat is high because the advanced farming techniques are not widespread in the Republic of Kazakhstan. Therefore, Kazakhstani agricultural enterprises are at the competitive disadvantage against the transnational corporations.

5. The rivalry is high because there are many competitors which provide similar products.

Conclusion

There are several agricultural industry driving forces that are worth mentioning:

1. The birth of the internet and the social media made sharing information about agricultural techniques easier, e.g. farmers nowadays are able to share ideas, thoughts and new knowledge with each other online without taking into consideration how far are they located (from each other). Moreover, the distance learning is becoming a cheaper alternative for training and retraining farmers about advanced and precise agricultural techniques.

2. Innovation, automatization and operating with the big data are becoming one of the major sources of the competitive advantage.

3. The remote sensing advancement are shifting perceptions of the ordinary farmers about collecting data and decision making.

In conclusion, the analysis of the driving forces could help us to determine the following success

factors for the agricultural sector of the Republic of Kazakhstan:

1. Offering as low prices as possible through the combination of operation outsourcing, technologic advancements and independent data operating centres.

2. Utilizing the full potential of innovations in automatization and remote sensing in the agricultural sector.

3. Creating the consumer trust in Kazakhstani agricultural brand quality.

References

- 1 Barkley A., Barkley P.W. (2020) Principles of Agricultural Economics. Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis.
- 2 Boddy D. (2014) Management: An Introduction. 6th edition. Harlow: Pearson Education Limited.
- 3 Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan (2020a) Dynamics of basic socio-economic indicators. <https://www.stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT105377>.
- 4 Bureau of national statistics in the Agency for strategic planning and reforms in the Republic of Kazakhstan (2020b) № 36-9/37. <https://www.stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT341684>.
- 5 Champ B., Freeman S., Haslag J. (2011) Modeling Monetary Economies. Cambridge: Cambridge University Press.
- 6 Deyo F.C., Doner R.F., Hershberg E. (2001) Economic Governance and the Challenge of Flexibility in East Asia. Lanham, Maryland, US: Rowman & Littlefield Publishers.
- 7 Dorfman J.H. (2014) Economics and Management of the Food Industry. Abingdon: Routledge.
- 8 Eichengreen B., Lim W., Park Y.C. (2020) The Korean Economy: From a Miraculous Past to a Sustainable Future. Leiden: Brill.
- 9 Ellis F. (1992) Agricultural Policies in Developing Countries. Cambridge: Cambridge University Press.
- 10 Garrido A., Brümmer B., M'Barek R. (2016) Agricultural Markets Instability: Revisiting the Recent Food Crises. Abingdon: Routledge.
- 11 Gong Y. (2013) Global Operations Strategy: Fundamentals and Practice. Berlin: Springer-Verlag.
- 12 Haites E. (2015) International Climate Finance. London: Routledge.
- 13 Kimmich C., Janetschek H., Meyer-Ohlendorf L., Meyer-Ueding J., Sagebiel J. (2012) Methods for Stakeholder Analysis. Bremen: Europäischer Hochschulverlag GmbH & Co. KG.
- 14 Mazzucato M. (2002) Strategy for Business: A Reader. London: SAGE Publications.
- 15 Robbins S., DeCenzo D., Coulter M. (2015) Fundamentals of Management: Essential Concepts and Applications. 9th edition. Harlow: Pearson Education Limited.
- 16 Solomon (2002) Consumer behaviour: A European Perspective. 2nd edition. Harlow: Pearson Education Limited.
- 17 The Wall Street Journal (2020) Putin Criticizes Joe Biden's 'Sharp Anti-Russian Rhetoric'. <https://www.wsj.com/articles/putin-criticizes-bidens-sharp-anti-russian-rhetoric-11602073537>.
- 18 United Nations (2020) Total population, both sexes combined (thousands). http://data.un.org/Data.aspx?q=Kazakhstan&d=PopDiv&f=variableID%3a12%3bcrID%3a398%3btimeID%3a103%2c109%2c115%2c121%2c127%2c133%2c181%2c97&c=2,4,6,7&s=_crEngNameOrderBy:asc,_timeEngNameOrderBy:desc,_varEngNameOrderBy:asc&v=1.
- 19 Williams J. (2013) Agricultural Supply Chains and the Challenge of Price Risk. Abingdon: Routledge.
- 20 World Bank (2020) COVID-19 to Plunge Global Economy into Worst Recession since World War II. <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/06/08/covid-19-to-plunge-global-economy-into-worst-recession-since-world-war-ii>.

**Д.Е. Баксултанов¹ , Н.А. Курманов^{1*} , Н.Ш.Сырлыбаева² **

¹Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Нур-Султан

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г.Алматы

*e-mail: kurmanov_na@enu.kz

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

В статье исследованы концептуальные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы Республики Казахстан. По итогам контент-анализа содержания трудов ученых и основных публикаций ОЭСР в рамках проекта по разработке концепции инновационных систем предложено авторское видение понятия «национальная инновационная система» и определены ее основные составляющие, рассмотрена сущность инновационной системы в ретроспективе и в современных условиях. Даны оценка принятым стратегическим и программным документам в системе государственного планирования по вопросам индустриально-инновационного развития на предмет наличия системных и комплексных мер развития инновационного потенциала. Выявлены слабые стороны проводимой инновационной политики, препятствующие эффективному функционированию НИС и являющиеся следствием относительно низких позиций Казахстана в международных рейтингах оценки конкурентоспособности и инновационного потенциала. Определены основные предпосылки для развития наукоемкой и инновационной экономики Казахстана. Разработана «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана, включающая в себя последовательность компонентов (сегменты потребителей, ценностные предложения, каналы продвижения, взаимоотношения участников, потоки доходов, ключевые ресурсы, ключевые действия, ключевые партнеры и структура расходов), необходимых для повышения эффективности функционирования НИС в целом.

Ключевые слова: национальная инновационная система, экономика знаний, наукоемкая экономика, инновационная инфраструктура, государственная политика.

D.E. Baksultanov¹, N.A. Kurmanov^{1*}, N.Sh. Syrlybayeva²

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Nur-Sultan

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: kurmanov_na@enu.kz

The formation and development issues of the National Innovation System of Kazakhstan

The article reflects the conceptual aspects of the formation and development of the National Innovation System (NIS) of the Republic of Kazakhstan. Based on the results of the content analysis, which includes the works of foreign scientists and the OECD publications on the innovative system development, the article provides author's vision of the «national innovation system» and main components of the system. The essence of the innovation system is examined within the retrospect and modern conditions. It also assesses set of systemic and integrated measures for the innovative capacity development based on the adopted strategic and program documents within the state planning system of industrial and innovative development issues. Weaknesses of the current innovation policy, that creates barriers for the effective functioning of the NIS and underestimates positions of Kazakhstan in international rankings on the competitiveness and innovative potential assessment, are identified. The main prospects for the knowledge-based and innovative economy development of Kazakhstan are determined. Kazakhstan innovation ecosystem, which includes a set of components (consumer segments, value propositions, promotion channels, relationships between participants, revenue streams, key resources, key activities, key partners and cost structure) necessary to improve the efficiency of the NIS, was visually graphed and presented via «Canvas» model.

Key words: national innovation system, knowledge-based economy, innovation infrastructure, state policy.

Д.Е. Баксултанов¹, Н.А. Курманов^{1*}, Н.Ш. Сырлыбаева²

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.

²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: kurmanov_na@enu.kz

Қазақстанның ұлттық инновациялық жүйесін қалыптастыру мен дамыту сұрақтары

Мақалада Қазақстан Республикасының ұлттық инновациялық жүйесін қалыптастыру мен дамыту мәселелерінің тұжырымдамалық аспектілері көрініс тапқан. Шетел ғалымдары еңбектерінің және Экономикалық ынтымақтастық пен даму үйімінің инновациялық жүйелер тұжырымдамасын әзірлеу жобасы аясында негізгі басылымдардың контент-талдауының нәтижесінде «ұлттық инновациялық жүйе» (ҰИЖ) түсінігінің авторлық түсіндірмесі ұсынылған және жүйенің негізгі құрамдас бөліктері айқындалды, ретроспективадағы және қазіргі жағдайдағы инновациялық жүйенің мәні қарастырылды. Индустримальық-инновациялық даму мәселелері бойынша мемлекеттік жоспарлау жүйесінің шенберіндегі қабылданған стратегиялық, және бағдарламалық құжаттарға инновациялық әлеуетті дамытуға бағытталған жүйелі және кешенді шаралар кешенін қамту тұрғысынан баға берілді. ҰИЖ-нің тиімді жұмыс істеуіне теріс әсерін тигизетін және бәсекеге қабілеттілік пен инновациялық әлеуетті бағалаудың халықаралық рейтингтерінде Қазақстанның салыстырмалы тәмен деңгейде орналасуының салдары болып табылатын, жүргізіліп жатқан инновациялық саясаттың әлсіз жақтары анықталды. Қазақстанның ғылымды қажет ететін және инновациялық экономикасын дамыту үшін негізгі алғышарттар айқындалды. ҰИЖ жұмыс істеу тиімділігін арттыру үшін қажетті құрамдас бөліктерді (тұтынушылар сегменттері, құнды ұсыныстар, жылжыту арналары, қатысушылардың өзара қарым-қатынастары, кірістер ағындары, түйінді ресурстар, түйінді әрекеттер, түйінді серіктестер және шығындар құрылымы) қамтитын Қазақстанның инновациялық экожүйесінің «Канвас» моделі әзірленді.

Түйін сөздер: ұлттық инновациялық жүйе, білімді экономика, инновациялық инфрақұрылым, мемлекеттік саясат.

Введение

Высокая волатильность цен на энергетические ресурсы, сырьевая направленность экономики Казахстана делают её уязвимой ко многим внешним факторам. Перед Казахстаном остро стоит задача диверсификации национальной экономики путем построения конкурентоспособной экономики с высокой добавленной стоимостью, основанной на знаниях, которая должна стать фундаментом благосостояния общества. Для этого необходимо дальнейшее развитие эффективно действующей национальной инновационной системы (далее – НИС), включающей в себя комплекс системных мер, инструментов поддержки и механизмов генерации, распространения и коммерциализации новых знаний.

В то же время, развитие НИС Республики Казахстан зависит от степени реализации целенаправленной инновационной политики и четко обозначенных стратегических подходов к развитию инновационного потенциала. Государственная политика по стимулированию инновационной деятельности должна быть соответствующим образом адаптирована на основе прочной концептуальной основы, где создание,

распространение и коммерциализация инноваций станут ключевым фактором экономического роста и являются частью ответа на многие новые социальные вызовы в условиях глобализации экономики, основанной на знаниях.

Современные концептуальные подходы к формированию и развитию НИС основываются на эффективном взаимодействии новаторов, предприятий, учебных заведений, научных организаций и государства, которые обеспечивают поток новых технологий и знаний, являющихся ключом к инновационным процессам и появлению инноваций. Понимание сущности и определение элементов НИС – важная научно-практическая задача, позволяющая развить механизмы стимулирования инновационной активности и повысить конкурентоспособность предприятий. Детальное изучение НИС позволяет выявить как несогласованность действий между участниками системы, так и вопросы эффективности государственной политики, являющиеся препятствием к становлению и развитию новых знаний и инноваций. В данном контексте целесообразным является определить подходы и стратегии, направленные на укрепление взаимодействия между участниками в системе и на повышение их инновационного потенциала.

Обзор литературы

Концепция НИС последние 20 лет находится в центре внимания и является объектом дискуссий как для государственных и международных организаций, ответственных за разработку инновационной политики, так и ученых со всего мира, занимающихся вопросами инновационного и технологического развития.

Вопросам формирования НИС посвящены аналитические обзоры и публикации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). ОЭСР занимает важное место в научном обществе в рамках работ, связанных с вопросами инновационного развития. В течение 1995–2001 годов осуществлялась реализация проекта ОЭСР по разработке подхода НИС. Реализация проекта осуществлялась в два этапа, проект находился под управлением Рабочей группы по политике в области технологий и инноваций, и был

направлен на изучение возможностей для изменения направлений инновационной политики в странах ОЭСР. В проекте учтены новые взгляды на инновационный процесс, вытекающие из исследования инноваций. По итогам исследований опубликовано несколько публикаций, посвященных таким вопросам, как инновационные кластеры, сети и мобильность человеческих ресурсов, а также подготовлены сводные отчеты, направленные на обновление инновационной политики. Заключительная публикация экспертов ОЭСР – *Dynamising National Innovation Systems*, OECD, 2002, где отражены основные результаты многолетнего проекта, была опубликована в 2002 году.

По результатам поиска публикаций и работ ОЭСР были изучены следующие труды ученых и экспертов (таблица 1), которые, на наш взгляд, оказали существенное влияние на дальнейшее развитие концепции НИС.

Таблица 1 – Публикации ОЭСР по НИС

Название публикации	Описание
National Innovation Systems (OECD, 1997)	Подробно описано понятие и сущность концепции НИС, анализировались возможности применения данной концепции для формирования инновационной политики государства
Managing National Innovation Systems (OECD, 1999)	Описываются результаты первой фазы проекта ОЭСР по разработке подхода НИС, раскрываются вопросы ее формирования, в том числе определено, что эффективность инноваций зависит от того, каким образом различные компоненты НИС взаимодействуют друг с другом на местном, национальном и международном уровнях. Отмечается необходимость разработки грамотной политики к продвижению инноваций, определены цели и инструменты новой инновационной политики
Dynamising National Innovation Systems (OECD, 2002)	Обобщаются результаты последней – второй фазы многолетнего проекта ОЭСР по НИС, которая посвящена углубленному анализу по 3-м направлениям: кластеры, инновационные предприятия и сети, человеческие ресурсы. Публикация демонстрирует, как подход НИС может быть реализован при разработке и реализации более эффективных политик в области технологий и инноваций
Примечание – составлено авторами	

В то же время, широкому распространению концепции НИС способствовали активность группы ведущих ученых, которые пытались выработать единый подход понятия инновационной системы и определить ее место и роль в развитии национальной экономики, а также активное использование в качестве теоретико-методологической основы для выработки инновационной политики.

Несмотря на различные точки зрения и определения инновационной системы, концепция НИС была разработана благодаря усердию большой группы ученых, в частности, благодаря научным трудам К. Фримена, Б. Лундвалла и Р. Нельсона.

Б. Лундвалл (1992) в своей работе предположил, «что инновационные системы включают в себя все организации и учреждения, которые в той или иной степени способствуют возникновению инноваций».

В свою очередь Р. Нельсон (1993) предложил, «что организации, осуществляющие НИ-ОКР и (или) поддерживающие науку, технологии и инновации, составляют ядро НИС». Таким образом, оба ученых едини в понимании содержания понятия «инновации» как «комплексный процесс, в основе которого находится взаимодействие всех участников НИС, эффективность которой зависит от степени взаимодействия ее участников».

После 1990 года наблюдается возрастание внимания ученых к вопросам формирования и развития национальных инновационных систем, в нескольких странах концепция НИС была принята как официальная. В настоящее

время в научной литературе сформированы несколько различных определений «национальной инновационной системы» (таблица 2), которые нам позволяют раскрыть ее содержание.

Таблица 2 – Определение «национальной инновационной системы»

Авторы	Определение национальной инновационной системы
С. Фриман (1987)	«это сеть организаций в государственном и частном секторах, деятельность которых направлена на создание, импорт, усовершенствование и распространение новых технологий»
Б. Лундвалл (1992)	«элементы и взаимоотношения, возникающие при создании, распространении и использовании новых или экономически полезных знаний, которые расположены внутри или на границе государства»
Р. Нельсон и Н. Розенберг (1993)	«это сеть организаций, взаимодействие которых определяет инновационную деятельность национальных компаний»
С. Эдквист и Б. Лундвалл (1993)	«состоит из институтов развития и экономических структур, влияющих на темпы и направления технологических изменений в обществе»
Дж. Niosi (1993)	«система взаимодействия частных и государственных фирм (больших или малых), университетов и государственных учреждений, нацеленных на производство науки и технологий в пределах государства»
П. Патель и К. Павитт (1994)	«национальные институты, их стимулирующие структуры и компетенции, которые определяют темпы и направления развития технологического обучения в стране»
С. Меткалф (1995)	«это совокупность отдельных институтов, которые совместно или по отдельности способствуют созданию и распространению новых технологий, а также создают основу, в рамках которой правительство формирует и реализует политику, влияющую на инновационный процесс»

Примечание – составлено авторами на основе источника (Niosi, 2002)

Контент-анализ содержания понятия «национальная инновационная система» позволяет установить, что основным ее компонентом является понятие «национальный», которое необходимо обсуждать совместно с такими понятиями, как «региональный» и «отраслевой». Важность НИС обусловлена тем, что она характеризирует степень инновационного развития экономики того или иного государства в целом, а также оказывает существенное влияние на поведение и развитие инновационных систем на глобальном уровне.

По итогам исследования публикаций ОЭСР и трудов различных ученых можно сформулировать следующее определение: национальная инновационная система – совокупность взаимосвязанных организаций, в той или иной степени принимающие участие в пределах национальных границ в создании и распространении новых и (или) усовершенствованных знаний, технологий и инноваций. Основными составляющими национальной инновационной системы являются:

- система знаний – возможность сотрудничества различных носителей знаний и технологий для осуществления совместных проектов и исследований;

- система взаимосвязей – наличие инфраструктуры или платформы, где бы различные стороны инновационного процесса могли действовать совместно;

- система финансирования – своевременное обеспечение инновационных проектов необходимыми финансовыми ресурсами.

Методология

В статье используется метод количественно-качественного анализа содержания трудов ученых и основных публикаций ОЭСР в рамках проекта по разработке концепции инновационных систем, а также сравнительный анализ, систематизация и обобщение.

Процесс формирования НИС Казахстана связан с принятием ряда государственных программ и стратегических документов, обеспечивших институциональную, законодательную и инфраструктурную основу для развития инновационной деятельности.

Для проведения ретроспективного анализа принятых государственных программ и стратегических документов на предмет наличия системных

и комплексных мер, а также выделения основных этапов формирования и развития НИС Казахстана в статье изучены следующие документы:

- Закон РК «Об инновационной деятельности» от 3 июля 2002 года;
- Закон РК «О государственной поддержке инновационной деятельности» от 23 марта 2006 года;
- Закон РК «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности» от 9 января 2012 года;
- Предпринимательский кодекс РК от 9 января 2012 года;
- Стратегия индустриально-инновационного развития РК на 2003-2015 годы;
- Программа по формированию и развитию НИС РК на 2005-2015 годы;
- Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию РК на 2010-2014 годы;
- Программа по формированию и развитию национальной инновационной системы РК на 2005-2015 годы. Следует отметить, что это была единственная программа, включавшая в себя системный и комплексный подход к вопросу создания НИС, где предполагалось использование оптимальных механизмов возникновения, распространения и коммерциализации инноваций в экономике страны;
- Государственная программа индустриально-инновационного развития РК на 2015-2019 годы (ГПИИР). В ходе реализации второй пятилетки индустриально-инновационного развития был принят Предпринимательский кодекс РК, проведен первый Национальный конкурс инноваций, запущена программа «Стартап Казахстан», осуществлялось развитие инфраструктуры инновационных кластеров «ПИТ» и Назарбаев Университет, создан Международный технопарк ИТ-стартапов «Astana Hub», созданы центры развития технологий при автономном кластерном фонде «ПИТ», предоставлялись инновационные гранты для технологического развития отраслей, предприятий, а также для коммерциализации технологий (на условиях софинансирования).

Для выявления перспектив развития НИС Казахстана следует использовать современный инструмент стратегического планирования – «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана. Стратегическая «Канва», используемая для описания бизнес-моделей новых и уже действующих предприятий, представляет собой схематическое отображение всех бизнес-процес-

сов компании: предложение, инфраструктуру, потребителей и финансы. В рамках данной работы модель была адаптирована к существующей инновационной экосистеме Казахстана, которая охватывает следующую последовательность компонентов: (1) сегменты потребителей; (2) ценностные предложения; (3) каналы продвижения; (4) взаимоотношения участников; (5) потоки доходов; (6) ключевые ресурсы; (7) ключевые действия; (8) ключевые партнеры и (9) структура расходов.

Предложенная модель «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана позволит определить основные ценности, ключевых игроков, основные конкурентные преимущества инновационной системы, а также поможет найти слабые стороны, выявить новые точки роста, отслеживать взаимосвязь участников системы и настраивать отношения между элементами инновационной инфраструктуры для повышения эффективности НИС.

Результаты и обсуждения

По результатам проведенного исследования были выделены основные этапы формирования НИС Казахстана (таблица 3).

Анализ государственных программ и стратегий, а также опубликованных отчетов АО «QazTech Ventures» (ранее – АО «НАТР») показывает, что в период с 2003 по 2014 год в стране формировались первые элементы инновационной инфраструктуры, в том числе созданы 9 региональных технопарков, 5 отраслевых конструкторских бюро, 15 офисов коммерциализации при ВУЗах и научных организациях, 5 международных центров трансферта технологий, профинансировано 13 венчурных фондов. Однако, начиная с 2015 года началась работа по передаче в конкурентную среду 4 региональных технопарков (ТОО «Технопарк «Алгоритм», ТОО «Технопарк Сары-Арка», ТОО «Восточно-Казахстанский региональный технопарк «Алтай», ТОО «Технопарк КазНТУ имени К.И. Сатпаева»), располагающих собственной инфраструктурой, и 4 отраслевых конструкторских бюро (ТОО «Конструкторское бюро транспортного машиностроения», ТОО «Конструкторское бюро горно-металлургического оборудования», ТОО «Конструкторское бюро нефтегазового оборудования», ТОО «Конструкторское бюро сельскохозяйственного машиностроения»). Технопарки, которые не владели собственной инфраструктурой, были ликвидированы.

Таблица 3 – Этапы формирования НИС Казахстана

Программные документы	Стратегия индустриально-инновационного развития РК на 2003-2015 годы	Программа по формированию и развитию НИС РК на 2005-2015 годы	ГПФИР РК на 2010-2014 годы	ГПИИР РК на 2015-2019 годы
Период	2000-2010		2010-2014	2015-2019
Законодательная база	Закон РК «Об инновационной деятельности» от 3 июля 2002 года	Закон РК «О государственной поддержке инновационной деятельности» от 23 марта 2006 года	Закон РК «О государственной поддержке индустриально-инновационной деятельности» от 9 января 2012 года	Предпринимательский кодекс РК от 9 января 2012 года
Институты развития	1) Центр инжиниринга и трансфера технологий (ЦИТТ) 2) Национальный инновационный фонд (НИФ)		1) Национальное агентство технологического развития (НАТР) 2) Казахстанский институт развития индустрии (КИРИ)	1) «QazTech Ventures» 2) Казахстанский центр индустрии и экспорта «QazIndustry» 3) Центр инжиниринга и трансфера технологий – «Qazinnovation»
Инновационная инфраструктура	1) СЭЗ «Парк информационных технологий» 2) 8 региональных технопарков 3) конструкторское бюро транспортного машиностроения 4) участие НИФ в 12 Венчурных фондах (5 зарубежных, 7 отечественных)		1) инновационный кластер «ПИТ» 2) технопарк «Алатау» (Алматы, 2012) 3) 4 отраслевых конструкторских бюро горно-металлургического, нефтегазового оборудования, сельскохозяйственного машиностроения и приборостроения 4) 15 офисов коммерциализации при ВУЗах 5) 5 международных центров развития технологий 6) Участие НАТР в зарубежном венчурном фонде	1) инновационный кластер «Назарбаев Университет» 2) Международный технопарк ИТ-стартапов «Astana Hub» 3) СЭЗ «Астана-Технополис» 4) центры развития технологий при инновационном кластере «ПИТ» 5) передача технопарков в конкурентную среду (4), ликвидация отраслевых конструкторских бюро (4)
Финансовая инфраструктура	1) государственные натурные гранты	1) инновационные гранты на выполнение НИОКР, на подготовку ТЭО инновационного проекта, патентование объектов интеллектуальной собственности за рубежом 2) венчурное и проектное финансирование	1) технологическое бизнес-инкубирование 2) инновационные гранты (9 видов инновационных грантов) 3) обязательство недропользователя по финансированию НИОКР (1% от СГД) 4) возмещение части затрат 5) венчурное финансирование	1) инновационные гранты на технологическое развитие отраслей, развитие действующих предприятий и коммерциализацию технологий 2) возмещение части затрат 3) обязательство недропользователя по финансированию НИОКР (1% от затрат на добычу)

Примечание – составлено авторами

По итогам проведенной работы по передаче в конкурентную среду региональных технопарков и конструкторских бюро: 4 технопарка были приватизированы, 4 конструкторских бюро были ликвидированы. Также, была приостановлена деятельность международных центров

трансфера технологий, осуществлен выход из 8 венчурных фондов.

Следует отметить, что согласно ГПИИР на 2015-2019 годы, «на базе действующих конструкторских бюро, созданных с участием государства, предполагалось создание инжини-

рингового центра с опытно-экспериментальным участком для разработки новых продуктов, совершенствования существующих на предприятиях технологий и адаптации лучших мировых технологий к условиям действующих предприятий». Более того, в соответствии с Планом мероприятий по реализации ГПИИР было предусмотрено мероприятие по развитию отраслевых конструкторских бюро. Таким образом, учитывая итоги проведенной работы по приватизации, поставленная задача по дальнейшему развитию конструкторских бюро в рамках ГПИИР не была достигнута, что оказывает негативное воздействие на состояние развития инновационной инфраструктуры.

Кроме того, необходимо отметить, что в последние годы часто менялись национальные институты развития в области технологического развития, уполномоченные на реализацию мер государственной поддержки инновационной деятельности. Так, оператором по предоставлению инновационных грантов до 13 декабря 2018 года было АО «НАТР», с декабря 2018 года по декабрь 2019 года АО «Казахстанский инсти-

тут развития индустрии» (далее - АО «КИРИ») и с 23 декабря 2019 года оператором определено АО «ЦИТТ». Также, в феврале 2019 года АО «НАТР» было переименовано в АО «QazTech Ventures», а 29 июля 2019 года АО «КИРИ» было переименовано в АО «Казахстанский центр индустрии и экспорта «QazIndustry».

Пересмотру также подвергались меры государственной поддержки инновационной деятельности, в частности инновационные гранты (рисунок 1).

Так, согласно статистике предоставления инновационных грантов, полученных по итогам изучения отчетов АО «НАТР» за 2011-2019 годы, можно выделить следующие выводы:

- в связи с поздним утверждением правил предоставления инновационных грантов (ППРК от 9 августа 2012 года №1035, 1036, 1037), в 2012 году инновационные гранты не предоставлялись;

- с 2011 года по 2015 год правила предоставления инновационных грантов изменялись 3 раза, что существенно повлияло на динамику предоставления грантов;

Рисунок 1 – Статистика предоставления инновационных грантов

Примечание – составлено авторами на основе ежегодных отчетов АО «QazTech Ventures»

- в связи с изменением оператора по предоставлению инновационных грантов в 2019 году инновационные гранты не предоставлялись.

Вместе с тем, постоянный пересмотр задач и функций институтов развития негативно влияют как на организацию бизнес-процессов мер поддержки, так и на уровень осведомленности населения о мерах государственной поддержки инновационной деятельности.

По итогам проделанной работы по структурированию и реорганизации институтов развития получено следующее разделение их функций (таблица 4).

Таким образом, по итогам изучения государственных программ и Стратегии индустриально-инновационного развития РК на 2003-2015 годы можно сделать следующие выводы и рекомендации.

Таблица 4 – Основные функции субъектов государственной поддержки инновационной деятельности

Субъекты государственной поддержки инновационной деятельности	Основные направления деятельности и оказываемые меры поддержки
АО «QazTech Ventures»	<ul style="list-style-type: none"> – экспертно-технологическое сопровождение – поддержка бизнес-инкубаторов – акселерация проектов – венчурное финансирование
АО «Центр инжиниринга и трансфера технологий»	<ul style="list-style-type: none"> – предоставление инновационных грантов – информационная аналитика – технологическое проектное управление
АО «Казахстанский центр индустрии и экспорта «QazIndustry»	<ul style="list-style-type: none"> – повышение производительности труда субъектов индустриально-инновационной деятельности – развитие территориальных кластеров – возмещение части затрат по продвижению товаров, работ и услуг на внутреннем и внешнем рынках – деятельность по СЭЗ
Примечание – составлено авторами	

Во-первых, в государственных программах, несмотря на наличие задач и мероприятий по инновационному и технологическому развитию, отсутствует системный и комплексный подход, необходимый для развития НИС в целом и отдельных элементов инновационной инфраструктуры. Единственной программой, где наиболее детально раскрывались отдельные компоненты НИС, была Программа по формированию и развитию национальной инновационной системы РК на 2005-2015 годы, которая была поставлена на утрату в связи с принятием ГПФИИР. В этой связи предлагается в рамках новой программы ГПИИР предусмотреть отдельное направление по дальнейшему развитию НИС и всех ее элементов.

Во-вторых, каждая новая принятая программа является логическим продолжением ранее принятых программ и учитывает опыт их реализации. При этом, анализ показывает, что в новых принимаемых программах слабо выражена преемственность инновационной политики, также отсутствует преемственность новых принимаемых мер и задач. Кроме того, не рассматривается текущее состояние развития инновационной инфраструктуры, с учетом проделанной работы по приватизации и ликвидации технопарков и конструкторских бюро, а также с учетом создания новых элементов. Учитывая низкую эффективность отдельных элементов инновационной инфраструктуры, стоит также затронуть вопросы повышения эффективности корпоративного управления элементов.

Таким образом, предлагается в программных документах отражать общую картину текущего

состоянию развития НИС в целом и его отдельных элементов. Такой подход позволяет выявить сильные и слабые стороны системы, на основании которых можно определить конкретные мероприятия, обеспечивая общую системность функционирования НИС. Кроме того, в последние годы государство все меньше участвует в создании инновационной инфраструктуры, в связи с чем, считаем целесообразным уделять особое внимание вопросам стимулирования частного сектора в создании новых элементов инновационной инфраструктуры, в том числе на принципах ГЧП.

В-третьих, отсутствуют количественные и качественные показатели, которые позволяют оценить текущее состояние развития НИС. В данном направлении считаем возможным использовать опыт ОЭСР и международных рейтингов в области оценки конкурентоспособности и развития инновационного потенциала, таких как Глобальный индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ГИК ВЭФ) и Глобальный индекс инноваций.

В тоже время, при описании в ГПИИР текущей ситуации развития приоритетных секторов не указывается, в каких технологических укладах находится отрасль. При этом очевидно, что большая часть предприятий Казахстана относится к третьему технологическому укладу и порядка трети всех предприятий – к четвертому технологическому укладу. В этой связи необходимо применение дифференцированного подхода к развитию приоритетных секторов, так как они находятся на разном уровне развития. Необходимо также изучение предпосылок и потенциала

для развития NBIC конвергентных технологий (nano-, био-, информационные и когнитивные технологии), которые являются ядром перспективного шестого технологического уклада.

В-четвертых, проделанная работа экспертов ОЭСР и группы ученых демонстрирует, что постоянное взаимодействие участников и элементов НИС является одним из условий эффективного и долгосрочного функционирования и развития НИС. Так, необходимо обеспечить постоянное взаимодействие элементов системы для вовлечения всех игроков системы в инновационный процесс. Базовой основой для совместной деятельности могут стать технологические платформы, которые объединят все усилия и заинтересованных участников на решение технологических задач.

В-пятых, для обеспечения устойчивого и долгосрочного функционирования национальных институтов развития в области технологического развития, уполномоченных на реализацию мер государственной поддержки инновационной деятельности, вопросы реорганизации институтов развития предлагается рассматривать после анализа оценки деятельности, эффективности оказания мер государственной поддержки, а также возможных последствий и рисков как со стороны государства, так и со стороны субъектов инновационной деятельности. В связи с этим, считаем целесообразным разработать единый подзаконный нормативно-правовой акт, где будут определены возможные механизмы реорганизации институтов развития, а также вопросы оценки эффективности их деятельности.

Вышеуказанные проблемы в вопросах инновационной политики являются следствием низких темпов развития инновационного потенциала Казахстана, о чем свидетельствуют как данные Бюро национальной статистики, так и данные анализа оценки конкурентоспособности в рамках рейтинга ГИК ВЭФ и результаты Глобального инновационного индекса.

Так, по итогам рейтинга ГИК ВЭФ за 2019 год в рамках фактора «Инновационный потенциал» Казахстан расположился на 95 месте среди 141 страны. Относительно низкая позиция в рейтинге по данной категории связана с такими факторами, как очень низкий уровень узнаваемости научных институтов (0,01 из 100), низкий уровень активности по патентным заявкам (0,39 на 1 млн. человек), низкий уровень заявок на регистрацию товарного знака (195 на 1 млн человек), а также очень низкие объемы расходов

на НИОКР (0,1% от ВВП). Последний является ключевым показателем, отражающим уровень развития наукоемкой экономики. Кроме того, согласно опросу руководителей предприятий, в Казахстане недостаточно развиты кластеры (122-я позиция).

Согласно рейтингу глобального инновационного индекса, проводимого в рамках совместного проекта Международной бизнес-школы INSEAD, Корнелльского университета и Всемирной организации интеллектуальной собственности (WIPO), по итогам 2019 года Казахстан занял 79 место среди 129 стран. Низкая позиция объясняется относительно низкими рейтингами по следующим группам: человеческие ресурсы и НИОКР – 67 позиция (29,8 пунктов из 100), развитие технологий и новых знаний – 81 позиция (18,2 пунктов), результаты креативной деятельности – 102 позиция (18,4 пунктов).

Вместе с тем, на сегодняшний день созданы все необходимые предпосылки для дальнейшего развития инновационного потенциала Казахстана. В последние годы созданы такие крупные элементы НИС, как инновационные кластеры «Назарбаев Университет» и «Парк инновационных технологий», Международный технопарк IT-стартапов «Astana Hub» и Международный финансовый центр «Астана», которые обладают большим потенциалом, чтобы стать точками роста инновационной и наукоемкой экономики. Как показывает опыт, темпы развития инноваций зависят от качественно выстроенной государственной инновационной политики, а также в условиях правильной настройки и взаимодействия основных элементов инновационной экосистемы:

- экосистемы знаний – возможность сотрудничества различных носителей знаний и технологий для осуществления совместных проектов и исследований;

- экосистемы взаимосвязей – наличие инфраструктуры или платформы, где бы различные стороны инновационного процесса могли действовать совместно;

- экосистемы финансирования – своевременное обеспечение инновационных проектов необходимыми финансовыми ресурсами.

По итогам проведенного анализа состояния развития НИС Казахстана с учетом дальнейших перспектив развития была построена «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана (таблица 5).

В рамках данной работы модель была адаптирована к существующей инновацион-

ной экосистеме Казахстана, которая охватывает следующую последовательность компонентов:

- сегменты потребителей;
- ценностные предложения;
- каналы продвижения;

- взаимоотношения участников;
- потоки доходов;
- ключевые ресурсы;
- ключевые действия;
- ключевые партнеры;
- структура расходов.

Таблица 5 – «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана

Ключевые партнеры	Ключевые действия	Ключевые ценности	Взаимоотношения участников	Сегменты потребителей
<ul style="list-style-type: none"> • государственные органы (отраслевые министерства, акиматы) • институты развития (QazTechVentures, Центр инжиниринга и трансфера технологий, Казахстанский центр индустрии и экспорта «QazIndustry» и др.) • инновационные кластеры (Назарбаев Университет, Парк инновационных технологий) • международный технопарк IT-стартапов «Astana Hub», региональные технопарки • Международный финансовый центр «Астана» • специальные экономические зоны (Астана-Технополис, Парк инновационных технологий) • бизнес-инкубаторы • венчурные фонды 	<ul style="list-style-type: none"> • НИОКР • бизнес-инкубирование проектов • бизнес-акселерация проектов • венчурное финансирование • коммерциализация НИОКР • конкурсные мероприятия по решению задач компаний • предоставление специализированных сервисов (прототипирование, опытное производство, защита объектов интеллектуальной собственности, консалтинг) • образовательные мероприятия по инновационному предпринимательству • размещение компаний • размещение корпоративных R&D лабораторий/центров 	<ul style="list-style-type: none"> • благоприятная среда для осуществления инновационной деятельности (законодательство, налоговые льготы и преференции) • современная инфраструктура • высокотехнологические сервисы • меры государственной поддержки • доступ к квалифицированным кадрам (ученые, студенты) и ИТ-талантам • экспертное сопровождение • партнерские отношения с крупными зарубежными компаниями и инновационными центрами 	<ul style="list-style-type: none"> • технологические платформы • совместные программы поддержки инновационных проектов • технологические консорциумы • корпоративные инновации • совместные конкурсные мероприятия (хакатоны, конкурсы технологических решений) • программы совместных исследований 	<ul style="list-style-type: none"> • государственный и квазигосударственный сектор • МСБ и крупный бизнес • национальные компании • недропользователи • стартап-компании • ВУЗы, научные организации • инноваторы • ученые • студенты
	<ul style="list-style-type: none"> • площади для размещения инновационных компаний • профильные лаборатории • инструменты грантового финансирования • обязательства недропользователей 		Каналы продвижения <ul style="list-style-type: none"> • тематические мероприятия • участие в форумах, выставках • интернет продвижение, СМИ • выпуск/ публикация информационного материала (справочники, вестники и т.д.) 	
Структура расходов <ul style="list-style-type: none"> • развитие инновационной инфраструктуры • оказание мер государственной поддержки • организация программ бизнес-инкубирования и акселерации стартап-проектов • проведение образовательных мероприятий по инновационному предпринимательству • операционные расходы на содержание основных элементов НИС 			Потоки доходов <ul style="list-style-type: none"> • налоговые поступления от производства инновационных ТРУ • продажа доли в инновационных компаниях • аренда производственных помещений • предоставление доступа к специализированному оборудованию центров и лабораторий • роялти от лицензионных соглашений 	
<p>Примечание – составлено авторами</p>				

«Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана – это наиболее наглядная форма представления всех основных составляющих национальной инновационной системы. «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана представляет визуальную целостную картину инновационной экосистемы Казахстана с отражением взаимосвязей наиболее ключевых структурных элементов системы, определяющих уникальность, конкурентоспособность и успех инновационных компаний на рынке.

Предложенная «Канва» модель инновационной экосистемы Казахстана позволяет определить основные ценности, ключевых игроков, основные конкурентные преимущества инновационной системы, а также помогает найти слабые стороны, выявить новые точки роста, отслеживать взаимосвязь участников системы и настраивать отношения между элементами инновационной инфраструктуры для повышения эффективности национальной инновационной системы.

Заключение

В сегодняшних реалиях концепция НИС является актуальной и требует внимания как со стороны ученых для ее дальнейшего изучения и определения оптимальных механизмов функционирования и взаимодействия ее элементов, так и со стороны государства для выработки на базе данной концепции инновационной политики, основанной на интеграции всех участников инновационной системы для эффективного использования интеллектуального потенциала, генерации, распространения и коммерциализации новых знаний.

По итогам проведенного контент-анализа основных трудов ученых, которые оказали существенное влияние на возникновение и даль-

нейшее развитие концепции инновационных систем, было предложено авторское видение понятия «НИС», определены основные составляющие системы.

Анализ стратегических и программных документов позволил выявить ряд особенностей, который, на наш взгляд, препятствуют процессу формирования и развития НИС. Наиболее значимые из них – это отсутствие системного подхода, слабая преемственность между принимаемыми мерами и проводимой инновационной политики, постоянная сменяемость институтов развития, уполномоченных на оказание мер государственной поддержки, отсутствие мер для обеспечения эффективной интеграции и взаимодействия участников НИС. По итогам проведенного анализа, была отмечена необходимость выделения в новой государственной программе индустриально-инновационного развития отдельного направления по дальнейшему развитию НИС с определением конкретных мероприятий по совершенствованию институциональных, инфраструктурных и финансовых составляющих системы.

Наиболее наглядной формой представления всех основных компонентов НИС является «Канва» модель, которая в последние годы широко используется для конкретизации бизнес-процессов существующей компании и поиска возможности для роста. В нашем случае бизнес-модель «Канва» представляет визуальную целостную картину инновационной экосистемы Казахстана с отражением взаимосвязей наиболее ключевых структурных элементов системы, определяющих уникальность, конкурентоспособность и успех инновационных компаний на рынке.

Статья подготовлена по результатам исследования по гранту №AP08052209 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Литература

- 1 Den Hartigh E., Uzun P., Anwar A.A. Company innovation system: an exploration based on examples from arçelik and vestel // PressAcademia Procedia. – 2017. – vol. 4(1). – P. 93-104.
- 2 Edquist C. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. – London: Pinter Publishers/Cassell Academic, 1997. – 432 p.
- 3 Edquist C., Lundvall B. Comparing the Danish and Swedish Systems of Innovation. In: Nelson R. National Innovation Systems. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – P. 133-153.
- 4 Feinson S. National innovation systems overview and country cases. Knowledge flows and knowledge collectives: understanding the role of science and technology policies in development. A Project for the Global Inclusion Program of the Rockefeller Foundation. – 2003. – 280 p.
- 5 Gregersen B., Johnson B., Kristensen A. Comparing national systems of innovation. The case of Finland, Denmark and Sweden. Explaining Technical Change in a Small Country // Physica, Heidelberg. – 1994. – P. 116-158.
- 6 Schwab K. Global Competitiveness Report. – World Economic Forum, 2019 – 666 p.

- 7 Schwab K. Global Competitiveness Report. – World Economic Forum, 2018. – 671 p.
- 8 Lundvall B., Vang J., Joseph K., Chaminade C. Bridging innovation system research and development studies: Challenges and research opportunities // 7th Globelics Conference. – Senegal, 2009. – 39 p.
- 9 Malerba F. Sectoral systems of innovation and production // Research Policy. – 2002. – vol. 31(2). – P. 247-264.
- 10 Nelson R. National Innovation Systems. A Comparative Analysis. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 558 p.
- 11 Niosi J. National systems of innovations are “x-efficient” (and x-effective): Why some are slow learner // Research Policy. – 2002. – vol. 31(2). – P. 291-302.
- 12 OECD. Dynamising National Innovation Systems. – Paris: OECD Publishing, 2002. – 49 p. <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf>.
- 13 OECD. Main Science and Technology Indicators. – Paris: OECD Publishing, 2016. <https://www.oecd.org/sti/msti.htm>.
- 14 OECD. Managing National Innovation Systems. – Paris: OECD Publishing, 1999. https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/managing-national-innovation-systems_9789264189416-en.
- 15 Постановление Правительства Республики Казахстан. Об утверждении «Программы по формированию и развитию национальной инновационной системы Республики Казахстан на 2005-2015 годы»: утв. 25 апреля 2005 года, № 387.
- 16 Силуянова Е.В. Национальные инновационные системы: в поисках рабочей концепции // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2007. – №2. – С. 59-65.
- 17 Указ Президента Республики Казахстан. «О Государственной программе по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010-2014 годы»: принят 19 марта 2010 года, № 958.
- 18 Указ Президента Республики Казахстан. «О Стратегии индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2003-2015 годы»: принят 17 мая 2003 года, № 1096.
- 19 Указ Президента Республики Казахстан. «Об утверждении Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы»: принят от 1 августа 2014 года, № 874.

References

- 1 Den Hartigh E., Uzun P., Anwar A.A. (2017) Company innovation system: an exploration based on examples from arçelik and vestel. *PressAcademia Procedia*, vol. 4(1), pp. 93-104.
- 2 Edquist C. (1997) Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. London: Pinter Publishers/Cassell Academic, 432 p.
- 3 Edquist C., Lundvall B. (1993) Comparing the Danish and Swedish Systems of Innovation. In: Nelson R. National Innovation Systems. Oxford: Oxford University Press, pp. 133-153.
- 4 Feinson S. (2003) National innovation systems overview and country cases. Knowledge flows and knowledge collectives: understanding the role of science and technology policies in development. A Project for the Global Inclusion Program of the Rockefeller Foundation, 280 p.
- 5 Gregersen B., Johnson B., Kristensen A. (1994) Comparing national systems of innovation. The case of Finland, Denmark and Sweden. Explaining Technical Change in a Small Country. *Physica*, Heidelberg, pp. 116-158.
- 6 Lundvall B., Vang J., Joseph K., Chaminade C. (2009) Bridging innovation system research and development studies: Challenges and research opportunities. 7th Globelics Conference, Senegal, 39 p.
- 7 Malerba F. (2002) Sectoral systems of innovation and production. *Research Policy*, vol. 31(2), pp. 247-264.
- 8 Nelson R. (1993) National Innovation Systems. A Comparative Analysis. Oxford: Oxford University Press, 558 p.
- 9 Niosi J. (2002) National systems of innovations are “x-efficient” (and x-effective): Why some are slow learner. *Research Policy*, vol. 31(2), pp. 291-302.
- 10 OECD (1999) Managing National Innovation Systems. Paris: OECD Publishing. https://www.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/managing-national-innovation-systems_9789264189416-en
- 11 OECD (2002) Dynamising National Innovation Systems. Paris: OECD Publishing, 49 p. <https://www.oecd.org/science/inno/2101733.pdf>
- 12 OECD (2016) Main Science and Technology Indicators. Paris: OECD Publishing. <https://www.oecd.org/sti/msti.htm>
- 13 Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazahstan. Ob utverzhdenii «Programmy po formirovaniyu i razvitiyu nacional'noj innovacionnoj sistemy Respubliki Kazahstan na 2005-2015 gody» [Programs for the formation and development of the national innovation system of the Republic of Kazakhstan for 2005-2015]: utv. 25 aprelya 2005 goda, № 387.
- 14 Schwab K. (2018) Global Competitiveness Report. World Economic Forum, 671 p.
- 15 Schwab K. (2019) Global Competitiveness Report. World Economic Forum, 666 p.
- 16 Siljanova E.V. (2007) Nacional'nye innovacionnye sistemy: v poiskakh rabochej koncepcii [National innovation systems: in search of a working concept]. *Vestnik RUDN. Serija: Jekonomika*, vol. 2, pp. 59-65.
- 17 Ukaz Prezidenta Respublikи Kazahstan. «O Gosudarstvennoj programme po forsirovannomu industrial'no-innovacionnemu razvitiyu Respublikи Kazahstan na 2010-2014 gody» [On the State Program for Forced Industrial and Innovative Development of the Republic of Kazakhstan for 2010-2014]: принят 19 марта 2010 года, № 958.
- 18 Ukaz Prezidenta Respublikи Kazahstan. «O Strategii industrial'no-innovacionnogo razvitiya Respublikи Kazahstan na 2003-2015 gody» [On the Strategy of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2003-2015]: принят 17 мая 2003 года, № 1096.
- 19 Ukaz Prezidenta Respublikи Kazahstan. «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy industrial'no-innovacionnogo razvitiya Respublikи Kazahstan na 2015-2019 gody» [On approval of the State program of industrial and innovative development of the Republic of Kazakhstan for 2015-2019]: принят от 1 августа 2014 года, № 874.

A.O. Syzdykova , **G.Zh. Azretbergenova***

Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Kazakhstan, Turkestan

*e-mail: gulmira.azretbergenova@ayu.edu.kz

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN FOREIGN DIRECT INVESTMENT AND ECONOMIC GROWTH IN KAZAKHSTAN

The most important contribution expected from foreign investments for developing countries is that it helps to ensure the commercial balance and economic growth of the country. Empirical studies investigating the relationship between foreign investments and economic growth have shown that capital movements have led to a high rate of economic growth in some developing countries, and also paved the way for economic crises in some countries. In this study, the effects of foreign direct investments on economic growth in Kazakhstan are tried to be revealed. For this purpose, the relationship between international foreign investments and economic growth in Kazakhstan has been tested by using quarterly data on GDP, gross fixed capital formation, public expenditures, openness and foreign investments between 2005-2020. Beginning with the Augmented Dickey-Fuller (ADF) unit root test, the analysis ended with the Granger causality test, the VAR analysis. According to the results of the Granger causality test, the only reason for the growth of the Kazakhstan economy in the sense of Granger is openness. Examples of foreign investment affecting growth have not been found in the causality test. On the other hand, there was no statistically significant effect of foreign investments on economic growth.

Key words: foreign direct investment, economic growth, Kazakhstan economy, VAR analysis, Granger causality.

А.О. Сыздықова, Г.Ж. Азретбергенова*

Кожа Ахмет Ясави атындағы халықаралық қазақ-турік университеті, Қазақстан, Түркістан қ.

*e-mail: gulmira.azretbergenova@ayu.edu.kz

Қазақстанда сыртқы тікелей инвестиция мен экономикалық өсу арасындағы қарым-катаистарды талдау

Дамушы елдер үшін шетелдік инвестициялардан күтілетін ең маңызды үлес – бұл елдің коммерциялық, тепе-тендігі мен экономикалық өсүін қамтамасыз етуге көмектеседі. Шетелдік инвестициялар мен экономикалық өсу арасындағы байланысты зерттейтін эмпирикалық зерттеулер капиталдың қозғалысы кейбір дамушы елдерде экономикалық өсудің жоғары қарқынына әкелгенін, сонымен қатар кейбір елдерде экономикалық дағдарыстарға жол ашқанын көрсетті. Қазақстан тәуелсіздігін жариялағаннан кейін, экономикалық өсу үшін сырттан инвестиция тартуға міндепті болды. Осы зерттеулер арқылы Қазақстанның экономикалық өсүіне тікелей шетелдік инвестициялардың әсерін анықтауға оны зерделеу жұмыстары жасалды. Осы мақсатта 2005-2020 жылдар кезеңінде ЖІӨ, негізгі капиталдың жалпы жинақталуы, мемлекеттік шығыстар, ашықтық және шетелдік инвестициялар бойынша тоқсан сайынғы деректер негізінде халықаралық шетелдік инвестициялар мен Қазақстандағы экономикалық өсу арасындағы өзара байланыс сипатталды. Толықтырылған Дикки-Фуллер (ADF) бірлік түбірлік тесті, Грейнджендердің себептілік тестімен талдау, VAR талдау сияқты әдістер қолданылды. Грейнджендердің себеп-салдарлық сынағының нәтижелеріне сәйкес, Грейндженер мағынасында Қазақстан экономикасының өсүіне он ықпал ететін бағыт ашықтық болып табылады. Сонымен қатар, шетелдік инвестициялардың экономикалық өсуге әсер ету мысалдары себеп-салдар тестінде табылған жоқ. Екінші жағынан, шетелдік инвестициялардың экономикалық өсуге статистикалық маңызды әсері байқалмады.

Түйін сөздер: тікелей шетелдік инвестициялар, экономикалық өсу, Қазақстан экономикасы, VAR-талдау, Грейнджендердің себеп-салдарлық байланысы.

А.О. Сыздыкова, Г.Ж. Азретбергенова*

Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмета Ясави, Казахстан, г. Туркестан
*e-mail: gulmira.azretbergenova@ayu.edu.kz

Анализ взаимоотношения между прямыми иностранными инвестициями и экономическим ростом в Казахстане

Для развивающихся стран наиболее важным вкладом, ожидаемым от иностранных инвестиций, является то, что он помогает обеспечить коммерческий баланс и экономический рост страны. Эмпирические исследования, изучающие связь между иностранными инвестициями и экономическим ростом, показали, что движение капитала привело к высоким темпам экономического роста в некоторых развивающихся странах, а также открыло путь к экономическим кризисам в некоторых странах. После провозглашения независимости Казахстан был обязан привлекать внешние инвестиции для экономического роста. Этими исследованиями была проведена работа по его изучению для выявления влияния прямых иностранных инвестиций на экономический рост Казахстана. С этой целью на основе ежеквартальных данных по ВВП, валовому накоплению основного капитала, государственным расходам, прозрачности и иностранным инвестициям за период 2005-2020 годы была описана взаимосвязь между международными иностранными инвестициями и экономическим ростом в Казахстане. Использовались такие методы, как расширенный тест Дикки Фуллера (ADF) на стационарность, анализ с помощью теста причинности Грейндженера, анализ VAR. Согласно результатам причинно-следственных испытаний Грейндженера, позитивным направлением роста экономики Казахстана в понимании Грейндженера является открытость. Кроме того, примеры влияния иностранных инвестиций на экономический рост не были найдены в teste причинно-следственных связей. С другой стороны, статистически значимого влияния иностранных инвестиций на экономический рост не наблюдалось.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, экономический рост, казахстанская экономика, VAR-анализ, причинно-следственная связь Грейндженера.

Introduction

Direct investments are made through purchasing a firm in any country, providing founding capital for a newly established company or increasing the capital of any firm; also they bring about the technological and administrative knowledge and control ability along with the capital. Direct foreign capital investments have taken a significant role in the development of developing countries and enabled the production process to become international in these countries. Considering the comparison of the global countries, it can be seen that there are several differences between the economic growth performances of the countries in the long term. The differences between the long term growth rates can be explained by the determinants of the economic growth. In the applied studies, it is taken as a goal to define the economic growth determinants and how they influence the growth in different countries or different country groups. Macroeconomic stability, capital stock, foreign trade improvements and structural transformation reforms for market economy can be listed under the title of economic determinants of the growth. Direct foreign capital investment leads to economic growth by contributing to the capital stock or the solution to the disposal insufficiency problem of the related country. Direct foreign capital investment provides great opportunities related

to finance, technology, know-how, education and marketing, along with the capital in cash transfer for developing countries. On the other hand, the foreign capital brings an advanced level of administrative information and manufacturing technology to the country where it makes the investment. Due to the fact that they do not create any liability and they are long term, international direct investment is significant finance resources for the global economies and especially the capital transfers of a multinational companies have become the key element which finances the economic growth for developing countries. Especially for the economies of the developing countries which have restricted local capital stock and greater need for finance, direct international investment has a great deal of importance in terms of stable economic growth. Today the majority of the developing countries accept direct international investment as an important source for reaching the funds which are required for creating the economic growth.

Examining the influence of foreign investment on the economic growth is also important in terms of political assumptions. In other words, if direct foreign investment has a positive influence on the economic growth of the host country, then the arguments of the researchers and politicians who would like to restrict the foreign investments would be invalid. On the contrary, if direct foreign investment

does not have a positive influence on the economic growth, it would be necessary to revise the tax incentives, infrastructure subventions, tax exemptions for importation and other incentive applications which the countries apply in order to attract direct foreign investments yet which cause additional costs for the economies of those countries.

In this study, it is taken as a goal to reveal the influences of direct foreign investment on the economic growth in Kazakhstan. With this purpose, the relationship between international direct investment and economic growth in Kazakhstan is tested by using the third month data related to GDP, gross fixed capital formation, public expenditures, openness and direct foreign investment. Before performing the analysis a related literature review is made.

Kazakhstan economy and foreign direct investment. Kazakhstan has a significant place among the CIS countries (Commonwealth of Independent States) with its population over 18,7 million and its surface area of 2 million 717 kilometer square. In terms of surface area, it takes second place among CIS after The Russian Federation. Kazakhstan economy is characterized by its rich natural resources. The wide agricultural fields, petroleum, natural gas and the existence of other mines comprise of the most important resources of competition for Kazakhstan to open up to global markets (Kim, 2017: 5-6).

Kazakhstan is the most important oil-energy region in the entire world. In terms of the petroleum resources that it has, Kazakhstan is ahead of most countries where oil is drilled. The country still has 172 oil resources, 42 coal resources and 94 gas resources and the drilled oil and coal amount is 2.8 billion tones; the gas production is 1.9 trillion cubic meter. Therefore, Kazakhstan has a very significant place among the global energy markets. After the independency period, there has been a transformation process from a central planned economy to a market economy. In this transformation period, Kazakhstan has made progress in terms of applying complex political, economic and social reforms for establishing a stable market economy.

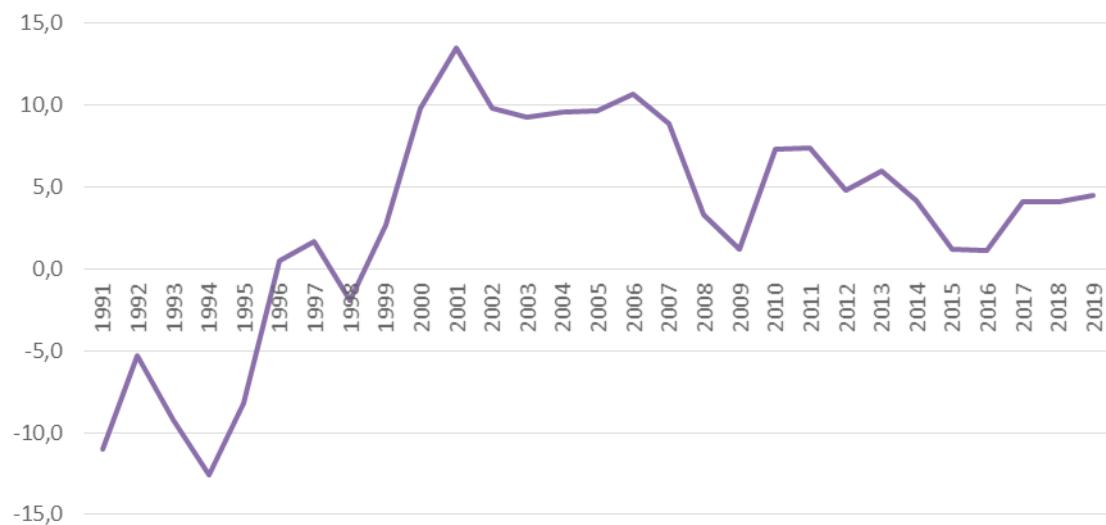
Kazakhstan is a country which has the highest economic performance among CIS countries in recent years and it is regarded as the free economy of the Middle East. Considering the total production – in other words the GDP – of the Turkic-Speaking republics (Kazakhstan, Azerbaijan, Uzbekistan, Turkmenistan and Kyrgyzstan) which take place in the Commonwealth of Independent States), it can be seen that the share of Kazakhstan among the total displayed a significant increase within the period of 2000-2019. The GDP share of Kazakhstan was 42%

in 2000 among the total GDP of these five countries; this rate increased to 56% in 2019. Until the middle of 1990s, there was an economic regression in Kazakhstan rather than increase. Two years after the independence, the hyperinflation period in Kazakhstan (1660%) has begun, but since 1996, it has achieved a steady growth trend, albeit at a low level (Syzdykova et al., 2019). However, the Kazakhstan economy started to grow in 2000 and except for the crisis in 2008-2009, the economy has continued to grow each year at a rate of over 9%. The GDP of Kazakhstan which decreased at an average rate of 3,4% annually in the time period 1991-2000 displayed an average growth of 8,3% in the period of 2001-2018. As a result of this rapid growth, Kazakhstan reached an income per capita of 11512 dollars and a GDP of 170 billion dollars in 2019.

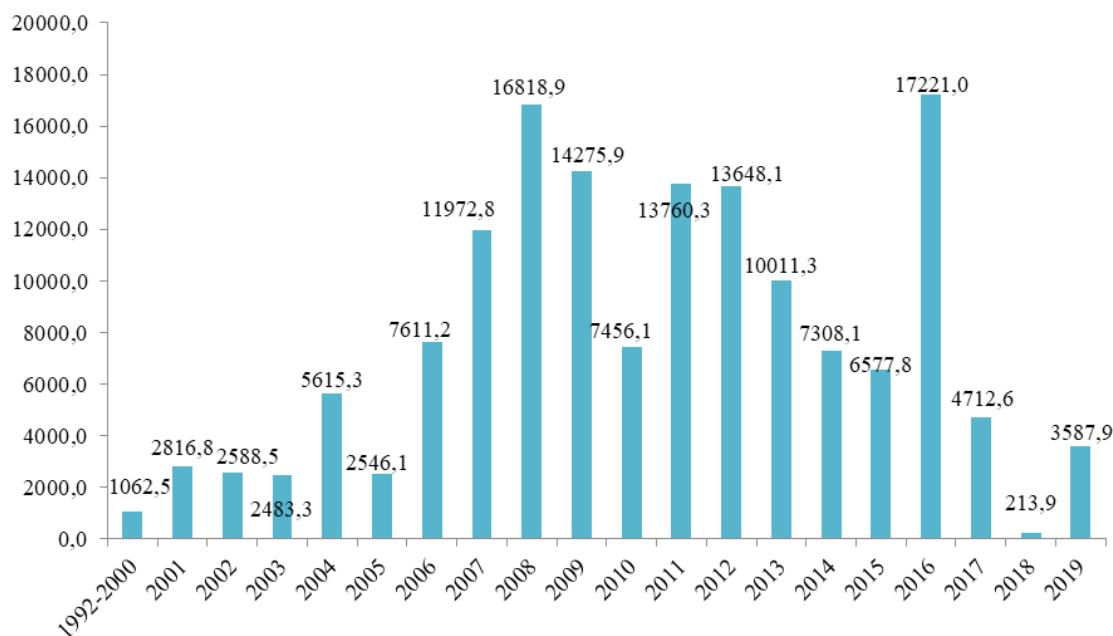
Kazakhstan developed the “Kazakhstan – 2030” strategy for the sake of long term development and determined policies for attracting direct foreign investment within the frame of this development strategy. This strategy aims at diversifying the economy and empowering the economic growth trend and the competitive ability of the country. Therefore Kazakhstan requires both local and foreign capital. In the “Kazakhstan – 2030” strategy, it is anticipated that joint ventures and other foreign investment in Kazakhstan would not only be allowed but also primarily encouraged. By this means, Kazakhstan is considered as the most demanding country in terms of foreign investment among all the other Eastern Europe and former Soviet Union countries. According to the foreign investment potential and performance index which was published by UNCTAD most recently in 2018, Kazakhstan takes the 33rd place in the world.

Gaining important successes related to attracting direct foreign investments since independency, Kazakhstan has attracted more than 80% of the direct foreign investments made to the Central Asia. The increase in direct foreign investment occurred thanks to the improvements in the field of hydrocarbon especially in the Kashagan field. According to the UNCTAD, the total volume of direct foreign investment in the country in 2019 accounted for around 3,6 billion dollars.

As can be seen from Figure 2, there has been a remarkable increase in direct foreign investment in the country since independence. The total foreign investment stock in Kazakhstan is about 150 billion dollars (Kazakhstan National Bank, 2019). This direct investment stock of Kazakhstan into the first 40 countries in the world. Considering the fact that the country became independent in December 1991, this can be defined as a very significant development.

Figure 1 – Development of growth rate (%) in Kazakhstan, 1991-2019
Source: World Bank data

Figure 2 – Net inflow of international foreign direct investments in Kazakhstan (million dollars)
Source: World Bank data

Literature review

In the literature, it is accepted that direct foreign investment affects economic growth and economic growth affects foreign direct investment (Jiménez, 2011). The effect of economic growth on foreign direct investments emerges through market size. Market size, usually represented by per capita real

gross domestic product; it enables the investor to benefit from economies of scale and enable production and reduce costs such as transportation and marketing by producing relevant goods and services and selling them on-site (Iamsiraroj and Doucouliagos, 2015). The studies which examine the relationship between direct foreign capital investment and economic growth display differences in accordance

with the countries studied, the method used and the outcomes. While the majority is comprised of studies dealing with country groups, there are also studies which examine single countries. In the following section, you will find an examination of some related studies, the methods used intentionally and the results achieved by the study.

Apergis et al. (2008) analyzed the relationship between foreign direct investment and economic growth by using panel data method in their studies covering 27 transition economies between 1991-2004. According to panel cointegration and causality test results, no significant relationship was found between foreign direct investment and economic growth in the countries discussed.

In study Altintas et al. (2008) used the data for the time period of 1995-2004 and tested the relationship between direct foreign investments and economic growth for Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan and Azerbaijan by using an econometric methodology. The achieved correlation coefficient indicated that except for Azerbaijan there was a negative relationship between the foreign capital and growth. In a study which was conducted assuming that all countries have a homogenous structure since they emerge from the same economic structure, Granger and Sims used Causality tests and concluded that there was no causality in either way between foreign capital and growth.

Nath (2009) in his study on 13 transition economies, the findings obtained in the study differ from other studies in the literature. In transition economies, it is stated that there is no significant effect of direct foreign investment on economic growth, while it is stated that the effect of domestic investments and trade on foreign direct investments is controlled.

Considering the economy of Kazakhstan, Lee, et al. (2010) in their study examined the relationships among the variables; direct foreign capital inflow, exchange rate and economic growth for Kazakhstan through the usage of the annual data of 1997-2006, Multiple Regression analysis and LSM method. Furthermore, the employment rate, fixed capital stock, retail trade endorsement and industrial production were examined as additional variables and the dollar exchange rate was tested as the control variable. As a result of the study, it was seen that there was no statistically significant influence of the direct foreign investments on the economic growth.

The work of Melnyk et al. (2014) examines the impact of foreign direct investment on economic growth. As a result of the study covering transition economies after communism and covering 26 coun-

tries for the years 1998-2010, it was concluded that foreign direct investments had a significant effect on the economic growth of the host country. Yingxi and Hung (2018) explored the factor that made their input more beneficial to economic growth in China than most other developing countries. The study focused on comparing FDI's estimated impact on growth in China and growth in China. Their literature review indicates FDI inflows have positively affected economic growth in both China and India, but that this positive impact was larger in China than in India. Analysis suggests that there are two key reasons for this difference. First, China has better transportation and communication infrastructure, therefore better business efficiency. Second, China's higher level of human capital means Chinese employees learn new technology and managerial know-how brought in by FDI more quickly, speeding up the spillover of technology and improving productivity rapidly in China.

Chanegegriha et al. (2018) In their study investigate the causal relationship between the ratio of FDI to GDP (FDIG) and economic growth (GDPG). They use innovative econometric methods which are based on the heterogeneous panel test of the Granger non-causality hypothesis based on the works of Hurlin (2004a), Fisher (1932, 1948) and Hanck (2013), using data from 136 developed and developing countries over the 1970-2006 period. According to the Hurlin and Fisher panel tests FDIG unambiguously Granger-causes GDPG for at least one country. However, the results from these tests are ambiguous regarding whether GDPG Granger-causes FDIG for at least one country. Using Hanck's panel test we are able to determine whether and for which countries there is Granger-causality. This test suggests that at most there are three countries (Estonia, Guyana and Poland) where FDIG Granger-causes GDPG and no countries where GDPG Granger-causes FDIG.

Ahmad et al. (2018) analyze the causal relationships between exports, FDI and economic growth among the ASEAN5 countries. We have used a three-stage procedure based on unit root, co-integration and causality tests applied to the panel data from 1981 to 2013. The results reveal that there is a bi-directional causal relationship between FDI and growth in the long run, while there is a unidirectional causal relationship from FDI to exports in the short run. Their results also confirm that the export-led growth (ELG) and FDI-led growth hypotheses hold true in the long and short run. To reinforce the FDI inflows, authorities should continue the progressive reduction of barriers, and increase the sophistication of quality exports to compete in the global market. This paper is the first of its kind to analyze the role

of both FDI and exports in the ASEAN5 economies using panel analysis.

Syzdykova (2019) Analyzed the effects of foreign direct investments coming to Central Asian countries on the economic growth of these countries with the data of 1995-2017 with the help of Panel ARDL test. According to the results of the study, 1% increase in FDI in Central Asian countries increases GDP by 0,9%. In addition, the variables of export and industry have a positive effect on economic growth. Rakhmatullayeva et al. (2020) investigated the effect of foreign investments directly on economic growth in Kazakhstan using the Multiple

regression model for 2000-2017. The simulation results didn't reveal the negative impact of FDI on economic growth, but the analysis revealed that the presence of a positive relationship is not essential for assessing the growth of the national economy.

To sum up, the empirical studies which search for the relationship between the foreign investments and economic growth show differences in terms of the method, model and outcomes. We summarize the country-specific and multi-country studies in Table 1. Overall, our literature review suggests that the empirical results of the previous studies are contradictory.

Table 1 – Summary of existing empirical studies

Author(s)	Countries	Econometric techniques	Results
Al-Iriani (2006)	6 Gulf countries	Granger causality test	FDI → GDP
Rudra and Pradhan (2009)	5 ASEAN countries	Cointegration and causality test	FDI → GDP
Moudatsou and Kyrkilis (2011)	26 countries	Causality based on an error correction model	FDI → GDP
Azlina and Mustapha (2012)	Malaysia	Johansen cointegration test and Granger causality based on VECM	FDI → GDP
Lee (2013)	BRIC countries	Panel cointegration	FDI → GDP
Aga (2014)	Turkey	Vector Auto regression (VAR)	FDI ≠ GDP
Omri et al. (2014)	54 countries	Dynamic simultaneous-equation	FDI ↔ GDP
Azatbek and Ramazanov (2016)	Kazakhstan	method of regression analysis	FDI → GDP
Hakimi and Hamdi (2017)	MENA countries	panel cointegration analysis and Granger causality	FDI ≠ GDP
Asamoah et al. (2019)	sub-Saharan Africa	Structural Equation Modelling (SEM) technique	FDI → GDP
Rao et al. (2020)	South-East Asia and South Asia	system-GMM	FDI → GDP
Raza et al. (2020)	OECD countries.	GMM estimator	FDI ↔ GDP
Rakhmatullayeva et al. (2020)	Kazakhstan	multiple regression model	FDI ≠ GDP

Notes: 1) →, ↔, and ≠ indicate the unidirectional causality hypothesis, Bidirectional hypothesis, and neutral hypothesis, respectively;
2) compiled by authors.

Methodology

The following econometric model is formed in this study with the purpose of examining the relationships between gross domestic product—as we describe as economic growth—and gross fixed capital formation (domestic investment), public expenditure—government final consumption expenditure—foreign trade and direct foreign investments:

$$\begin{aligned} gdp_t = & \alpha_0 + \alpha_1 gfce_t + \alpha_2 gfcf_t + \\ & + \alpha_3 open_t + \alpha_4 fdi_t + u_t \end{aligned} \quad (1)$$

where, gdp_t is gross domestic product, $gfce_t$ is government final consumption expenditure (public spending), $gfcf_t$ is gross fixed capital formation, $open_t$ is opening ratio, fdi_t is foreign direct investment. u_t refers to the term stochastic error and t is time (2005-2020).

GDP, gross fixed capital formation, government final consumption expenditures are collected from Kazakhstan Statistics Institute data; the data related to foreign investments from “Kazakhstan Republic Central Bank, Payments Balance”, the total import and export values in order to create the $open$ variable from “Kazakhstan statistics institute foreign trade statistics”. All the data related to the foreign investments are collected from the “net obligation formation” unit of the Central Bank, Payments Balance Analytic Presentation.

Unit Root Test. While developing any time series model, it should be known whether the achieved stochastic period changes depending on time, or not. Because the relationships among the variables are important for the sake of interpretation of financial variables and a non-existent relation among these does not meet the requirements; so it can be seen as if there is a relation (Syzdykova et al., 2019). The stability of the time series can be determined in accordance with the results of auto-correlation or unit root tests. The stability of the series used in the study will be tested with the unit root test. The Augmented Dickey-Fuller (ADF) unit root test is the most common model (which is) used for determining if the time series include unit roots, or not. The most common model for the ADF unit root test (stable and including trend) can be performed with the help of equation numbered (2). It is based on the assumption that error terms have a stable variant.

$$\Delta Y_t = \alpha + \gamma t + \rho Y_{t-1} + \sum_{i=1}^n \phi_i Y_{t-i} + \varepsilon_t \quad (2)$$

In the equation stated above (2), the macroeconomic variable Y displays the series by which the difference is calculated; $\Delta Y = Y_t - Y_{t-1}$, t shows the trend variable, n shows the optimal delay length and ε displays the error term; white noise. In the unit root (stability) test, $H_0 = \rho = 0$ hypothesis is tested in order to determine if the Y series is stable or not.

$H_0 = \rho = 0$ The series is not stable, there is unit root in the series.

$H_1 = \rho < 0$ The series is stable, there is not any unit root.

After the hypothesis stated above, according to the test results it can be said that the series is not stable if H_0 is not rejected. The first difference of the non-stable series is calculated and the operation continues (Enders, 2004: 182).

Vector Autoregressive Regression (VAR) Model. VAR model is an econometric model that gives development and interdependence between multiple time series that have generalized single variable AR models. VAR models were developed by Christopher Sims and have become a popular method in econometrics. Since VAR models can reveal dynamic relationships without any restrictions on the structural model, time series are frequently preferred in analysis methods. The model differs from systems of simultaneous equations in this respect since it does not require the internal and external separation of variables based on any economic theory (Kilian and Chang, 1998). In addition, the delayed values of dependent variables in VAR models make it possible to make strong predictions for the future. The VAR model is based on the model of the Granger causality test, and as mentioned earlier, there is no internal-external distinction. Accordingly, considering the two series Y_t and X_t with the VAR model, the classical equation system of the model is defined as follows.

$$\begin{aligned} Y_t = & \sum_{j=1}^m \beta_j Y_{t-j} + \sum_{j=1}^m \delta_j X_{t-j} + \varepsilon_{1t} \\ X_t = & \alpha + \sum_{j=1}^m \theta_j Y_{t-j} + \sum_{j=1}^m \vartheta_j X_{t-j} + \varepsilon_{2t} \end{aligned} \quad (3)$$

In the equation system above, ε_1 and ε_2 refer to the error terms. Also, as can be seen in both equation systems, the lagged values of the X variable have an effect on the Y variable and the lagged values of the Y variable on the X variable. In this model, the error terms and the lagged values of the variables are on

the right side of the equation. However, error terms are not related to these variables. Since only the lagged values of the variables are on the right side of the model, no concurrency problem arises.

VAR models can be used with the purpose of making predictions. However, Sims (1980) in his study used VAR models for the first time to research the mutual dynamic relationships among the variables. There are two approaches that he used in these analysis. These are: impulse-response functions and variance decomposition for prediction error. The impulse-response functions achieved from VAR models are utilized in order to examine the influence of a shock coming to one of the system variables on the other variables within the system. In other words, the impulse-response functions show the dynamic reaction of each variable in the VAR model towards these shocks when the structural shocks emerge. Since the impulse-responses are not the linear function of the VAR coefficients, it is impossible to learn their actual values. In order to decrease the statistical uncertainty of the im-

pulse-response coefficients, it is a common method to apply the confidence intervals. Variance research shows the sources of changes in variables and other variables as a percentage. In other words, it is stated how much of the change that will occur in the examined variable is due to itself or other variables. If the change occurring in a variable is caused by shocks in a high rate, it indicates that this variable acts externally. At the same time, variance research gives an idea about the degree of causality relationship between variables.

Results and Discussion

The analysis starts with the testing of stability and continues with the Granger causality test, VAR method, impulse-response functions, and variance research and is finalized with the LSM with the purpose of testing the compliance of the parameters with the theoretical expectations and their significance levels. The data related to the stability test of the series in the research is displayed in the Table 2.

Table 2 – ADF unit root test results of the variables

Variables	Level	Lag	p-value	First difference	Lag	p-value	Result
<i>lngdp</i>	-1,4524	0	0,5467	-6,4672	0	0,0000	I(1)
<i>lngcfe</i>	0,2889	4	0,9743	-9,7132	3	0,0000	I(1)
<i>lngcfc</i>	-6,8450	3	0,0000	-9,3593	2	0,0000	I(0)
<i>lnopen</i>	-2,1159	0	0,2397	-5,9908	1	0,0000	I(1)
<i>lnfdi</i>	-5,3781	0	0,0001	-5,3644	2	0,0001	I(0)

Notes: 1) Lag length is selected according to the AIC criteria;
 2) *lnfdi* Critical Table Values: 1% (-3,61), 5% (-2,93), 10% (-2,60);
 3) compiled by authors.

As can be seen from the Table 2, in the stability test; the *lngdp*, *lngcfe* and *lnopen* (used as ratio) variables, the logarithms of which are taken, have become stable when their first rank difference is calculated. Again as can be seen from the table, the other variables are the stable series on the level. For instance, since the t statistics for *lnfdi* variable have lower values (-5.37) than the critical 1% and 5% values; it is concluded that it is stable by rejecting the H_0 . At the same time, the fact that the probability value is lower than 5% confirms this result. After the variables have become stable, it is necessary to sort the variables from exterior to interior in order to perform VAR analysis. In order to sort them, Granger causality test is utilized. Before the Granger causal-

ity test, it was necessary to determine the delay belonging to the model. The most important methods used for determination of the delay values are the Akaike Information Criterion and Schwarz Information Criterion methods. The method preferred in this analysis is AIC. The proper delay length maximum delay for VAR model is considered as 4, and the delay lengths within the frame of AIC are presented in Table 3. The results of the Granger Causality test are listed in Table 4.

In the table shown above, you will find the test results of the Granger Causality test. When the results of the Granger Causality test are evaluated on the 5% level of significance, it can be seen that there is a causality relation between gross fixed capital in-

vestments and economic growth, and between the growth and OPEN variable. No other statistically significant relationship is found on the 5% significance level. There is no causality found in terms of Granger between foreign investment and GDP variables.

Due to the fact that the confidence interval for the impulse-response coefficients include zero for all conditions, except for the coefficient of the investment variable, there is no statistically significant variable coefficient. The response of the economic

growth to a “one standard deviation shock” in the investment variable is statistically significant in the first quarter of the related year. The response of the growth to a “one standard deviation shock” in the investment variable is being positive for the first period of the related year. Considering the response of the growth to the shock coming to the other variables, it generally includes zero, therefore we can comment that it is not significant (Figure 1). The variation research belonging to the growth variable is shown in the Table 5.

Table 3 – The determination of the proper delay length for VAR model

Lag	LogL	LR	FPE	AIC	SC	HQ
0	148,3727	NA	1,90e-10	-8,192726	-7,970534	-8,116026
1	230,0889	135,4153	7,58e-12	-11,43365	-10,10049	-10,97344
2	274,0549	60,29630	2,81e-12	-12,51742	-10,07331	-11,67371
3	333,5871	64,63498	5,05e-13	-14,49069	-10,93561	-13,26348
4	390,5438	45,56532*	1,43e-13*	-16,31679*	-11,65074*	-14,70607*

Note – compiled by authors

Table 4 – Test Results of Granger Causality among the Variables

Causality Aspects of Variable	Lags	F statistic	Probability
Gross fixed capital formation does not Granger Cause of the growth.	4	3,13549	0,0313
Growth does not Granger Cause of gross fixed investment.		1,97122	0,1286
Public spending does not Granger Cause of the growth.	4	1,91218	0,1384
Growth does not Granger Cause of public spending		2,33654	0,0819
Openness ratio does not Granger Cause of the growth.	2	0,53640	0,5900
Growth does not Granger Cause of the openness ratio		9,91110	0,0004
Foreign direct investment does not Granger Cause of the growth.	1	0,03318	0,8565
Growth does not Granger Cause of the foreign direct investment		0,89908	0,3495

Note – compiled by authors

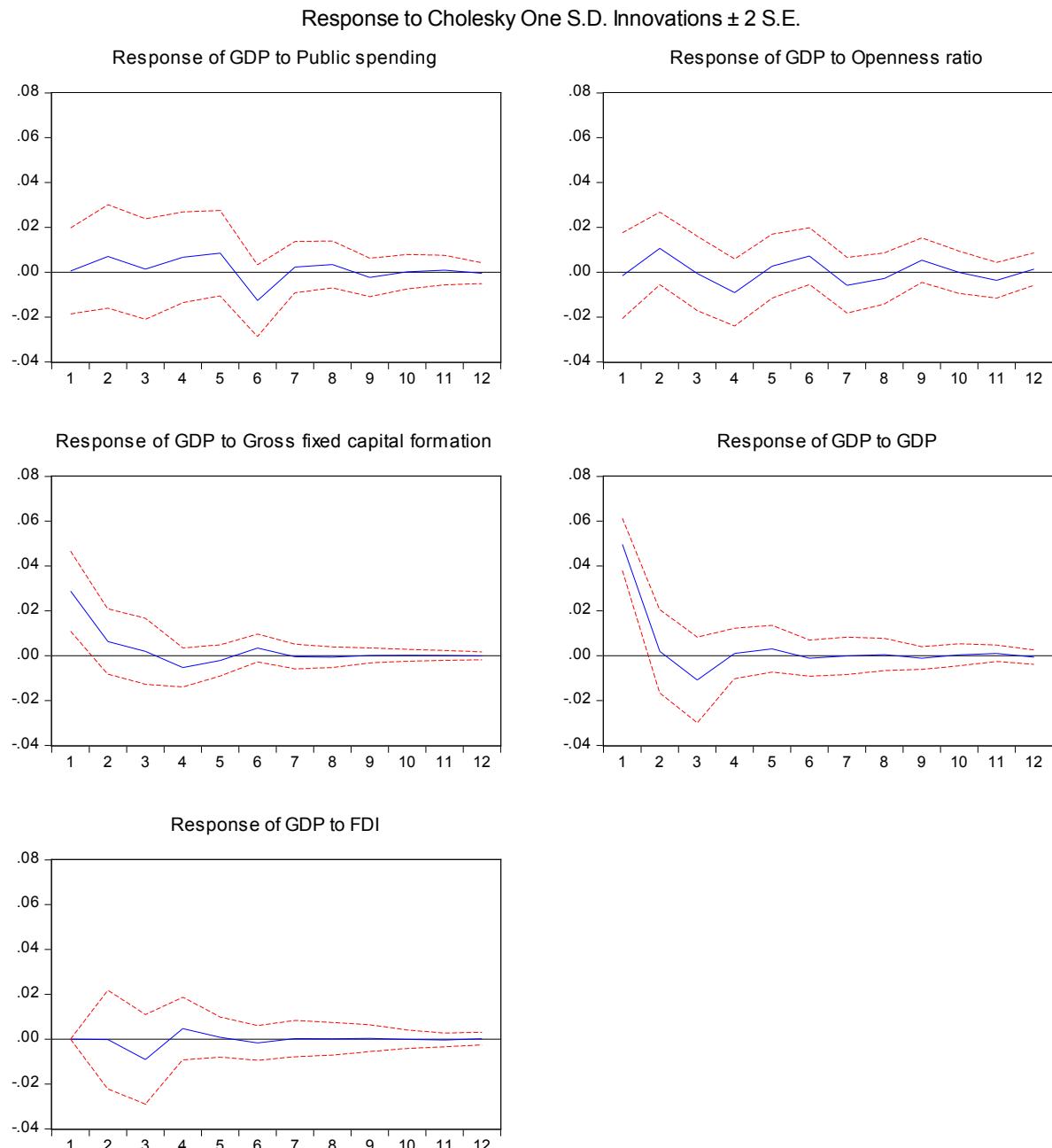
Table 5 – Variance decomposition of the growth variable

Period	S.E.	d(lngfcf)	d(lnopen)	lngfcf	d(lngdp)	lnfdi
1	0,051200	0,045023	0,052870	0,140874	99,76123	0,000000
2	0,054274	0,297052	4,461854	4,550335	88,83427	1,856486
3	0,054997	1,713488	4,615616	4,445620	87,19882	2,026457
4	0,055547	2,348123	4,529498	4,567815	85,49891	3,055656
5	0,057331	6,700887	5,029855	4,603554	80,71336	2,952342
6	0,057557	6,979937	5,001391	4,575020	80,25529	3,188365
7	0,058283	8,117585	5,205286	4,684913	78,26771	3,724510

Continuation of table 5

Period	S.E.	d(lngcfe)	d(lnopen)	lngcfc	d(lngdp)	lnfdi
8	0,058306	8,112947	5,211792	4,698921	78,21463	3,761713
9	0,058477	8,234219	5,255235	4,727359	77,76452	4,018664
10	0,058527	8,309491	5,260573	4,750246	77,64026	4,039426
11	0,058561	8,326318	5,264122	4,760441	77,56540	4,083720
12	0,058596	8,384321	5,274791	4,780433	77,47675	4,083703

Note – compiled by authors

Figure 3 – Impulse response function results
Note – compiled by authors

While looking at Table 5, it can be seen that GDP has a very high self-explanation rate – 85% on average – within the first periods. At the same time, the domestic investment in the first periods explain approximately 4% of the growth. For the following periods, nearly 13% of the growth can be explained through public expenditure and OPEN variables. Public expenditure and OPEN variables explain successively 8% and 5% of the growth. While examining the foreign investment's explanation rate for economic growth, it can be seen that totally 4% of the growth can be explained through this variable.

The linear regression equation performed with the stable time series, the parameters in the model which includes economic growth as the dependent variable and the prediction results with LSM are summarized in Table 6.

The determination coefficient which displays the model's power of explanation for the model in growth equation is determined on a sufficient level with a value of 65.12%. It is concluded that the model which is established with F statistics and probability value is significant. Error terms have a normally-distributed structure which does not include auto-correlation. Considering the significance of the coefficients, it can be seen that all the variables except for the investment and public expenditure variables—having a 5% significance level—are insignificant. This fact is also confirmed by the probability value and it can be seen that the increase in domestic investment and public expenditure has a positive influence on GDP in compliance with the theoretical expectations. The coefficient belonging to the foreign investment is not significant.

Table 6 – Growth Variable Prediction Results with LSM

Variable	Coefficient	Std.error	t-Statistic	p-value
C	24,91358	36,39474	0,684538	0,4987
D(LNGFCE)	0,541836	0,203430	2,663508	0,0122
D(OPEN)	0,030258	0,529092	0,057188	0,9548
LNGCFC	0,967332	0,131475	7,357543	0,0000
LNFDI	-0,103326	0,113324	-0,911779	0,3689
R-squared			0,651271	
Adjusted R-squared			0,572526	
Durbin Watson stat.			1,08118	
F-statistic			8,270612	
Prob. (F-statistic)			0,000011	
Note – compiled by authors				

Conclusion

Theoretically it is expected that the direct foreign capital investment would lead to economic growth by contributing to the capital stock or the solution to the disposal insufficiency problem of the related country. On the other hand, the direction of the direct foreign capital inflows would be towards to the countries which have a high growth performance and a high level of economic and political stability. Most of the studies conducted related to the relationship between foreign capital investment and economic growth have yielded different consequences. While some of the theoretical and empirical studies reveal the consequences which support that direct foreign investment has a positive influence on economic growth, though not all of it achieves significant outcomes.

In this study, the relationship between direct foreign capital investment and economic growth in Kazakhstan is analyzed with the usage of the three-month data in 2005-2020 periods. The analysis is performed with the research of unit roots, the Granger causality test, VAR method and related impulse-response functions, variance decomposition and LSM. The Granger causality test indicates that there is no significant interaction among the variables within the examined time period. According to the impulse-response analysis, it is seen that there is no significant influence of an exterior shock to emerge in FDI on the economic growth. According to the results of the variant decomposition, nearly 4% of the economic growth can be explained by direct foreign investment; however, the LSM results show that the foreign investment is insignificant in terms of explaining the economic growth.

References

- 1 Aga A.K. (2014) The impact of foreign direct investment on economic growth: A case study of Turkey 1980–2012.
- 2 Ahmad F., Draz M.U., Yang S-C. (2018) Causality nexus of exports, FDI and economic growth of the ASEAN5 economies: Evidence from panel data analysis. *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 27, pp. 685-700.
- 3 Al-Irani M.A. (2006) Energy–GDP relationship revisited: An example from GCC countries using panel causality. *Energy Policy*, vol. 34, pp. 3342-3350.
- 4 Altıntaş M., Güvercin D., ve Uğurlu E. (2008) Geçiş Ekonomilerinde Doğrudan Yabacı Sermaye Yatırımları Ve Ekonomik Büyüme İlişkisi. *Ekonominik Yaklaşım*, vol. 19, pp. 17-32.
- 5 Apergis N., Lyroudi K., Vamvakidis A. (2008) The relationship between foreign direct investment and economic growth: Evidence from transition countries. *Transition Studies Review*, vol. 15, pp. 37-51.
- 6 Asamoah L.A., Mensah E.K., Bondzie E.A. (2019) Trade openness, FDI and economic growth in sub-Saharan Africa: do institutions matter? *Transnational Corporations Review*, vol. 11(1), pp. 65-79.
- 7 Azatbek T., Ramazanov A. (2016) Assessment of foreign direct investment, export and economic growth on the example of Kazakhstan. *Investment Management and Financial Innovations*, vol. 13(4), pp. 129-135.
- 8 Azlina A.A., Mustapha N.H.N. (2012) Energy, economic growth and pollutant emissions nexus: The case of Malaysia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 65, pp. 1-7.
- 9 Chanegriha M., Stewart C., Tsoukis C. (2018) Testing for causality between FDI and economic growth using heterogeneous panel data.
- 10 Enders W. (2004) Applied Econometric Time Series. Wiley Series, Alabama
- 11 Granger C. (1969) Investigating Causal Relation by Econometric Models and Cross-Spectral Methods. *Econometrica*, vol. 37.
- 12 Haendel D. (2019) Foreign investments and the management of political risk. Routledge.
- 13 Hakimi A., Hamdi H. (2017) Does corruption limit FDI and economic growth? Evidence from MENA countries. *International Journal of Emerging Markets*.
- 14 Iamsiraroj S., Doucouliagos H. (2015) Does Growth Attract FDI? Economics Discussion Papers 18.
- 15 Jimenez A. (2011) Political Risk as a Determinant of Southern European FDI in Neighboring Developing Countries. *Emerging Markets Finance and Trade*, vol. 47(4), pp. 59-74.
- 16 Kilian L., Chang P.L., (1998) How Reliable Are VAR Estimates of Responses to Monetary Policy Shocks? Papers 98-06, Michigan, Center for Research on Economic & Social Theory.
- 17 Kim O. (2017) Effects and Implications of Kazakhstan's Adoption of International Financial Reporting Standards: A Resource Dependence Perspective. Columbia University Press.
- 18 Lau L.S., Chong C.K., Eng Y.K. (2014) Investigation of the environmental Kuznets curve for carbon emissions in Malaysia: Do foreign direct investment and trade matter? *Energy Policy*, vol. 68, pp. 490-497.
- 19 Lee J.W. (2013) The contribution of foreign direct investment to clean energy use, carbon emissions and economic growth. *Energy Policy*, vol. 55, pp. 483-489.
- 20 Lee J.W., Baimukhamedova G., Akhmetova S. (2010) Foreign direct investment, exchange rate, and their roles in economic growth of developing countries: Empirical evidence from Kazakhstan. *Journal of International Business Research*, vol. 9(2), pp. 75-90.
- 21 Linh M.M.A., Ha D.H., Sen M.D.T. (2019) The effect of FDI on economic growth in Vietnam. *Socio-economic and environmental issues in development*, vol. 57.
- 22 Melnyk L., Kubatko O., Pysarenko S. (2014) The impact of foreign direct investment on economic growth: Case of post communism transition economies. *Problems and Perspectives in Management*, vol. 12(1), pp. 17-24.
- 23 Moudatsou A., Kyrkilis D. (2011) FDI and economic growth: Causality for the EU and ASEAN. *Journal of Economic Integration*, vol. 26, pp. 554-577.
- 24 Nath H. (2009) Trade foreign direct investment and growth: Evidence from transition economies. *Comparative Economic Studies*, vol. 51, pp. 20-50.
- 25 Omri A., Khuong N.D., Rault C. (2014) Causal interactions between CO2 emissions, FDI, and economic growth: Evidence from dynamic simultaneous-equation models. *Economic Modeling*, vol. 42, pp. 382-389.
- 26 Rakhmatullayeva D., Kuliyev I., Beisenbaiyev Z., Tabayev T. (2020) Assessment of the influence of FDI on the economic growth of the host country: evidence from Kazakhstan. *E3S Web of Conferences*, vol. 159, 06007.
- 27 Rao D.T., Sethi N., Dash D.P., Bhujabal P. (2020) Foreign aid, FDI and economic growth in South-East Asia and South Asia. *Global Business Review*, 0972150919890957.
- 28 Raza S.A., Shah N., Arif I. (2019) Relationship between FDI and economic growth in the presence of good governance system: Evidence from OECD Countries. *Global Business Review*, 0972150919833484.
- 29 Rudra P., Pradhan (2009) The FDI led-growth hypothesis in ASEAN-5 countries: Evidence from co-integration panel analysis. *International Journal of Business and Management*, vol. 4, pp. 53-64.
- 30 Sims C.A. (1986) Are forecasting models usable for policy analysis? *Quarterly Review*, pp. 2-16.

- 31 Syzdykova A., Abubakirova A., Kelesbayev D., Omarova A., Amaniyazova G., Saubetova B., Anshayeva D. (2019) The Effect of Export and Imports on National Income in Kazakhstan: Econometric Analysis. *Espacios*, vol. 40(35), p. 22.
- 32 Syzdykova A. (2019) Doğrudan Yabancı Yatırımların Ekonomik Büyüme Üzerine Etkisi: Orta Asya Ülkeleri Örneği. *Uluslararası Kültürel ve Sosyal Araştırmalar Dergisi (UKSAD)*, vol. 5(1), pp. 291-307.
- 33 Tsai P. (1994) Determinants of foreign direct investment and its impact on economic growth. *Journal of Economic Development*, vol. 19, pp. 137-163.
- 34 UNCTAD (2019) World investment report-2019, trends and determinants. United Nations, New York and Cenova. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_overview_en.pdf.
- 35 World Bank (2020) World development indicators. <http://databank.worldbank.org/data/source/world-developmentindicators>.
- 36 Yingxi M., Hung J.H. (2018) Inward FDI and Economic Growth: A Comparative Analysis of China Versus India. In The State of China's State Capitalism (pp. 239-262). Palgrave Macmillan, Singapore.

И.В. Мищенко^{1*} , В.В. Мищенко¹ , И.С. Бианчи²

¹Алтайский государственный университет, Россия, г. Барнаул

²Федеральный университет Санта Катарины, Бразилия, г. Флорианополис

*e-mail: mis.iv@mail.ru

ПЕРЕХОД НА ЭКОНОМИКУ ЗНАНИЙ И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ОПЫТ РОССИИ

Экономика знаний и высоких технологий стала одним из приоритетных направлений инновационного развития стран. Подобный ориентир был поставлен и перед российским правительством. Однако глобальные вызовы поставили под вопрос его реализацию. Цель статьи – на основе статистического анализа дать оценку состояния научной сферы России, выделить перспективные направления ее развития. Анализ развития сферы НИОКР позволил выявить ряд проблем: низкая доля отрасли в ВВП страны, отток специалистов за рубеж, недостаточный уровень включенности бизнеса в научные разработки и, как следствие, низкая степень коммерциализации научных разработок. Вместе с тем пандемия 2019 года стала импульсом для развития российской науки. В условиях пандемии Россия может занять прочные позиции на мировой арене по диагностике и борьбе с ней, а также поставлять другие перспективные несырьевые товары и услуги мировому сообществу в ключевых отраслях современной науки. Эти направления могут стать прочной основой для создания научных международных консорциумов и выхода на мировую арену российских предприятий, а значит – ускорить процесс перехода на экономику знаний и новых технологий.

Ключевые слова: экономика знаний и новых технологий, состояние научной сферы, направления развития, пандемия.

I.V. Mishchenko^{1*}, V.V. Mishchenko¹, I.S. Bianchi²

¹Altai State University, Russia, Barnaul

²Federal University of Santa Catarina, Brazil, Florianópolis

*e-mail: mis.iv@mail.ru

Transition to the knowledge and high technology economy in pandemic conditions: experience in Russia

The economy of knowledge and high technology has become one of the priority areas of innovative development of countries. A similar benchmark was set for the Russian government. However, global challenges have challenged its implementation. The purpose of the article is to assess the state of the scientific sphere of Russia on the basis of statistical analysis, to highlight promising areas of its development. An analysis of the development of the R & D sector revealed a number of problems: the low share of the industry in the country's GDP, the outflow of specialists abroad, the insufficient level of business inclusion in scientific developments and, as a result, the low degree of commercialization of scientific developments. At the same time, the pandemic of 2019 became an impulse for the development of Russian science. In the context of the pandemic, Russia can take a strong position on the world stage to diagnose and combat it, as well as supply other promising non-resource goods and services to the world community in key sectors of modern science. These areas can become a solid basis for creating scientific international consortia and entering the world arena of Russian enterprises, which means accelerating the process of transition to the economy of knowledge and new technologies.

Key words: economics of knowledge and new technologies, state of scientific sphere, directions of development, pandemic.

И.В. Мищенко^{1*}, В.В. Мищенко¹, И.С. Бианчи²

¹Алтай мемлекеттік университеті, Ресей, Барнаул қ.

²Санта-Катарина федералды университеті, Бразилия, Флорианополис қ.

*e-mail: mis.iv@mail.ru

Пандемия жағдайында білім мен жоғары технологиялар экономикасына көшү: Ресей тәжірибесі

Білім және жоғары технологиялар экономикасы елдердің инновациялық дамуының басым бағыттарының біріне айналды. Осындағы бағдар Ресей үкіметінің алдына да қойылды. Алайда, жаһандық сын-қатерлер оны жүзеге асыру мәселесіне кедергі келтірді. Мақаланың мақсаты – статистикалық талдау негізінде Ресейдің ғылыми саласының жағдайын бағалау, оның дамуының перспективалық бағыттарын айқындау. Ғылыми-зерттеу және тәжірибелік-құрастырымдық жұмыстар саласының дамуын талдау бірқатар проблемаларды анықтауға мүмкіндік берді: саланың елдің жалпы ішкі өніміндегі үлесінің төмендігі, мамандардың шетелге кетуі, бизнестің ғылыми әзірлемелерге қосылуының жеткілікі деңгейі және соның салдарынан ғылыми әзірлемелерді коммерцияландырудың төмен деңгейі. Сонымен бірге, 2019 жылғы пандемия Ресей ғылымының дамуына серпін берді. Пандемия жағдайында Ресей диагностика және оған қарсы құрес бойынша әлемдік аренада берік ұстанымға ие бола алды, сонымен қатар қазіргі ғылымның негізгі салаларында әлемдік қоғамдастыққа басқа да перспективалы шикізаттық емес тауарлар мен қызметтерді жеткізе алды. Бұл бағыттар ғылыми халықаралық консорциумдар құру және ресейлік кәсіпорындардың әлемдік аренага шығуы үшін берік негіз бола алды, яғни білім мен жаңа технологиялар экономикасына көшү процесін жеделдете алды.

Түйін сөздер: білім және жаңа технологиялар экономикасы, ғылым саласының жай-күйі, даму бағыттары, пандемия.

Введение

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития России, был провозглашен переход на экономику нового типа – экономику знаний и высоких технологий. Она должна занять одно из основных мест в отраслевой структуре российской экономики наряду с ТЭК. Такой ориентир был поставлен еще в начале 2008 года. Этот период по праву считается одним из самых экономически благополучных в истории современной России. Высокие цены на нефть позволяли сформировать профицитный бюджет и пополнить государственные резервы. Однако развитие мировой экономики внесло свои коррективы в стратегии развития многих государств, в том числе и России. Так, кризис 2008 года, падение цен на нефть до рекордных 35 долларов за баррель, политика ОПЕК и падение курса национальной валюты сделали невозможным реализацию поставленных целей и стратегий.

Вместе с тем, по мнению академика А. Аганбегяна, именно экономика знаний должна стать главным локомотивом социально-экономического развития России в ближайшие годы. А значит, необходимо развивать такие сферы, как НИОКР, образование, информационные и биотех-

нологии, а также здравоохранение. По мнению эксперта, доля экономики знаний очень мала (даже с учетом планов на ее рост) по сравнению с другими странами. Так, в Европейском союзе эта сфера в настоящее время производит до 35% ВВП, а в Америке – около 40% ВВП (Аганбегян, 2016: 40). Особый акцент, по мнению аналитика, стоит сделать на развитие «зеленых» технологий и сберегающих производствах. Их доля в структуре производства должна выйти на уровень 15% в ближайшие 2-4 года (Aganbegyan et al., 2020: 601).

Более того, переход на экономику знаний стал необходимым условием выживания человека в условиях пандемии. Сегодня на повестке дня стоит множество глобальных вопросов, для решения которых необходимо объединить усилия: борьба с пандемией и другими смертельными вирусами, глобальное потепление, освоение космоса, искусственный интеллект и многие другие. Это, в свою очередь, должно стать прочной основой для организации дальнейших исследований и разработок в будущем. Наша задача – определить, возможен ли переход на новую экономическую модель в условиях пандемии и какие направления развития российской науки могут стать основой для дальнейшей ее интеграции в мировое пространство.

Методология

2021 год в России стал годом «Науки и технологий». По словам Президента РФ В.В. Путина, именно на науку возложены надежды по борьбе с новым глобальным вызовом – пандемией COVID-19. Вместе с тем, по оценкам экспертов и научного сообщества, данная сфера сегодня сталкивается со множеством проблем: как материальных, так и организационных. Так, в основе исследования лежит анализ качественных и количественных показателей развития сферы НИОКР. Метод сравнительного анализа позволил глубже понять проблемы, с которыми сталкивается научное сообщество России, и предложить ряд рекомендаций по их сглаживанию в условиях пандемии.

Обзор литературы

Характерной чертой современной экономики является доминирование информационных ресурсов и знаний. Несмотря на то, что данное направление получило свое развитие в 21 веке, его концепции сформировались во второй половине 20 века. Вместе с тем, до сегодняшнего дня ведутся дискуссии о сущности и природе данного понятия. Считается, что термин «экономика знаний» был введен в оборот представителями американской школы П. Друкером и Ф. Махлупом (Drucker, 1969; Machlup, 1972). Ф. Махлуп исследует индустрию знаний, ее влияние на структуру занятости. В своих исследованиях ученый указывает на переход к новой стадии общественного развития благодаря развитию системы образования. П. Друкер занимается вопросами формирования общества знаний и экономики знаний как ее составной части. Также в это время широкое применение находят исследования такого понятия, как информационное общество (Умесао, 1991: 26), где подчеркивается центральное место информации, как источника передачи знаний.

В России изучение феномена «экономики знаний» началось относительно недавно. Работы российских ученых носили междисциплинарный характер и относились в основном к отрасли философских наук. К примеру, ряд работ посвящены анализу развития экономических систем, их роли в жизни общества (Р.Н. Нуриева), другое направление – исследование роли человека и образования в экономической науке, выявление особенностей российской модели экономики знаний (С. Автономов, К.А. Зуев, И.Е. Моск-

лев, Е.О. Соломатина). В рамках данного исследования предлагаем использовать определение экономики знаний – это экономика, которая для обеспечения своего роста и конкурентоспособности создает, распространяет и применяет знания в виде высокотехнологичной продукции и услуг (Говорова, 2006: 110). При этом главной движущей силой такой экономики является человеческий капитал. Именно уровень развития общества, развитие системы образования и здравоохранения населения, желание и умение применять инновации являются главными движущими силами развития экономики знаний в современном обществе. Основу же экономики нового типа формирует научная сфера, область новых технологий и разработок.

Результаты и обсуждения

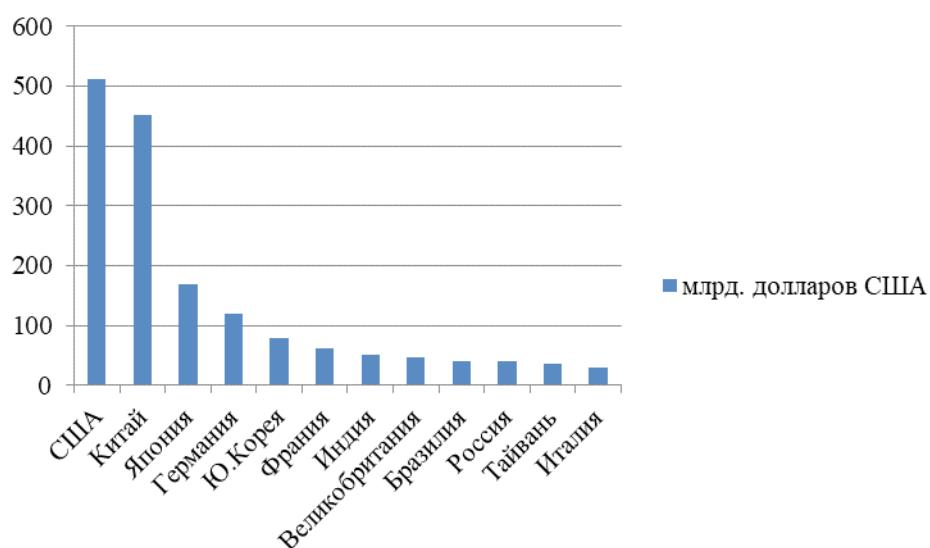
Расходы на НИОКР являются одним из ключевых показателей научности экономики. Согласно данным Счетной палаты Российской Федерации, Россия значительно отстает от ведущих стран по величине расходов на науку. Так за последние 10 лет их размер составляет примерно 1% ВВП. Даже в рамках нацпроекта «Наука» были заявлены расходы к 2024 году в размере 1,2% ВВП. Невысокие позиции занимает Россия по доле внутренних затрат на НИОКР в ВВП (35 место за 2016 год) (официальный сайт счетной палаты РФ). При этом крупнейшие научно-технические страны направляют на эти цели более 3% ВВП: 4,24% ВВП – у Южной Кореи, 3,37% ВВП – в Швеции, 3,16% ВВП – у Тайваня, 2,74% ВВП – в США, 2,12% ВВП – в Китае и 1,28% ВВП – в Бразилии (Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия, 2020). Отметим, что в СССР доля расходов на НИОКР доходила до 5% ВВП. По мнению ряда ученых, это может стать существенной угрозой для экономической безопасности России в глобальной экономике (Официальный сайт счетной палаты).

Эксперты делают выводы, что уровень затрат на НИОКР не позволяет перейти к экономике знаний. Несмотря на то, что в 2017 году Россия занимала 10-е место в мире по фактическим затратам на науку (рисунок 1) и лидировала по абсолютным масштабам занятости в этой сфере, то в части результативности научной деятельности Россия на порядок отстает от стран-лидеров. Это проявляется в низкой патентной активности российских разработок: от США – почти в 16 раз, от Китая – в 38 раз.

Отметим, что США являются одним из лидеров экономики знаний. Правительство объявило о переходе на новую концепцию экономического роста еще в 1990 году. Это позволило стране завоевать передовые позиции по экономическому развитию (Xushu, 2007: 410). Китай также по праву считается один из лидеров экономики знаний и новых технологий. Курс на экономику нового типа был взят еще в начале 2000 годов и затрагивал многие стороны жизни ее населения: умные города, полная автоматизация производства, искусственный интеллект. Государство вкладывает значительные ресурсы в поддержка-

ние данного курса (Rama, 2020). Подобную политику проводят и США, и страны Европы (Benjamin et al., 2020; Lund et al., 2017: 561).

Анализ структуры патентных заявок на изобретения по заявителям показывает, что в России 62,5% составляют национальные заявители, 37,5% – иностранные. В свою очередь, в Белоруссии – 82,8 и 17,2%, в Германии – 70,6 и 29,4%, в США – 48,4 и 51,6%, в Японии – 81,7 и 18,3%, в Китае – 90,2 и 9,8% соответственно (Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия, 2020: 33). Это связано с высокой стоимостью патентирования для отечественных ученых.

Рисунок 1 – Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете по паритету покупательной способности национальных валют, 2016
Примечание – составлено авторами

Основной тренд в области современной науки – уход от государственного финансирования в сторону частных инвестиций. По мнению экспертов, доля частного сектора в финансировании российских научных разработок мала и составляет не более 30%. В странах-лидерах 70% исследовательских разработок оплачиваются крупные компании: в Японии – 78,1%, Тайване – 77,7%, Китае – 76,1%, Республике Корея – 75,4%, Словении – 69,2%, Германии – 65,2%, Швейцарии – 63,5%, США – 62,3%, Австралии – 61,9% (OECD, 2013: 15). В России же эта доля с 33% в начале 2000-х уменьшилась до 28% в 2019 году. При этом доля государственного сектора превышает 60%. Незначительной остается и часть иностранного сектора в рос-

сийские разработки – 2,63% (Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия, 2020: 42).

По оценкам экспертов, такая ситуация создает неэффективную основу для развития российской науки. Во-первых, она задает неактуальные тематики и распространяет заявки среди определенного числа научно-исследовательских учреждений. Во-вторых, избыточные требования к отчетности и жесткие процедуры контроля за результатами расходования средств негативно скаживаются на интересе к научным разработкам. Это объясняет невостребованность получения государственного финансирования на разработки малого и среднего инновационного бизнеса (Вихорева, 2011: 37).

Еще одним уязвимым местом российской науки является низкий объем научных расходов в расчете на одного исследователя. Россия занимает 47-е место. В результате чего привлекательность науки для молодежи падает. Количество молодых ученых в возрасте до 29 лет в России с 2010 по 2019 год уменьшилось почти на 20%, с более 71,1 тыс. до 58,5 тыс. человек (Гохберг и др., 2021: 105).

Глобальный мир создает возможности для мобильности ученых. По статистике, на сегодняшний день более 700 тыс. российских научных сотрудников работают за рубежом. Это касается в первую очередь высококвалифицированных ученых с мировым именем. Одной из причин отъезда ученых из России эксперты называют низкий уровень коммерциализации научных разработок, разрыв между наукой, образованием и бизнесом (Тасс).

Кроме того, каждый год Россию покидают около 15% выпускников отечественных высших учебных заведений. Вместе с тем растет численность иностранных аспирантов в России. Так, за период 2014-2019 гг. их число увеличилось на 30,2% (Индикаторы науки 2021, 2021: 156).

Согласно высказыванию, Россия стоит только на пороге перехода на новую экономическую модель. Несмотря на значительные финансовые вливания со стороны государства, российские разработки остаются невостребованными. Одной из причин является низкий уровень кооперации между российскими научно-исследовательскими центрами, их коллегами за рубежом и частным бизнесом. Для этого необходимо активно заявлять о себе на мировой арене и оформлять патенты на свои разработки.

Перспективные направления развития науки в условиях пандемии

Сегодня основная повестка дня в области новых технологий и разработок связана с методами борьбы с пандемией и другими смертельными для человечества болезнями. Не теряют своей актуальности вопросы, связанные с обеспечением устойчивого развития, глобальными экологическими проблемами, искусственным интеллектом, работы с базами данных, освоения космоса (Responding to COVID-19, 2020: 36). Отметим, что наука сыграла важнейшую роль в борьбе с коронавирусной инфекцией, начиная с расшифровки вируса, разработки вакцин, методов лечения и диагностики и заканчивая разработкой и реализацией антикризисных мер поддержки наиболее пострадавших отраслей экономики.

И пандемия, в свою очередь, оказала масштабное влияние на науку. Глобальный поиск решений для остановки коронавирусной инфекции COVID-19, с одной стороны, способствовал росту миллиардных инвестиций в сферу НТИ, беспрецедентным образом расширил международное сотрудничество в этой сфере, укрепил авторитет науки в общественном сознании, с другой – оказался своеобразным краш-тестом научно-технических политик как национального, так и международного уровня (ОЭСР, 2020).

По мнению генерального директора Национального медицинского исследовательского центра имени В.А. Алмазова академика Российской академии наук Е.В. Шляхто, именно наука позволила добиться определенных успехов в борьбе с COVID-19. С ним соглашается и мировое сообщество. Как любая война дает импульс развитию новых видов оружия, так и любая пандемия создает основу для прорывного развития фундаментальной науки. Так, с одной стороны, фундаментальные открытия создают новые направления, на основе которых мы получаем инновации для улучшения жизни. А с другой стороны, необходимость разработки и применения практических средств на основе новых открытий, обостряет и ускоряет развитие соответствующих фундаментальных научных областей.

По мнению ученых, в ближайшие годы фокус внимания мировых исследователей сместится на науку о жизни – биологию, медицину. Повышенный интерес к данным отраслям приведет к увеличению их финансирования. Это, в свою очередь, возможно только при объединении усилий многих стран мира. Ярким примером стала борьба с новым вирусом COVID-19. И в данном направлении развития современной науки Россия может занять значимое место (Фундаментальная наука и пандемия COVID-19, 2020).

Так, весь мир объединяет усилия, в том числе и финансовые, для разработки новых вакцин. Евросоюз увеличил финансирование исследований по коронавирусу. Было выделено дополнительно 37,5 млн евро на научные исследования, разработку вакцины, диагностических тестов и медицинских систем. Данный объем финансирования поможет обеспечить работу по 17 проектам. Фонд солидарности по реагированию на пандемию коронавируса собрал более 220 млн долл. США. Об этом заявил генеральный директор ВОЗ Тедрос Аданом Гебрейесус. Международные организации финансируют исследования по разработке вакцины и лекарств для лече-

ния коронавируса. Участники международной донорской онлайн-конференции «Глобальный ответ на коронавирус» 04.05.2020 под эгидой ВОЗ и Еврокомиссии за один день собрали 7,4 млрд евро на разработку вакцины, лекарств и тест-систем. Деньги пожертвовали как государства, так и представители бизнеса, финансовые и научно-исследовательские организации. В частности, на всемирные исследования по поиску вакцины от коронавируса Италия выделила 140 млн евро, Франция – 500 млн евро, Германия – 525 млн евро, Финляндия – 36 млн евро, Бельгия – 27 млн евро, Испания – 125 млн евро, Вишеградская группа (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) – 3 млн евро. Кроме того, Великобритания обязалась выделить более 922 млн долл. США, Норвегия направили свыше 1 млрд долл. США, Канада – 850 млн долл. США. ЕС со своей стороны выделил 1 млрд евро (Наука и борьба с COVID-19, 2020: 16).

По данным авторитетного журнала *Science*, именно разработка вакцины от COVID-19 стала самым большим открытием 2020 года. На сегодняшний день российские ученые разрабатывают 9 вакцин, еще одним важным направлением в борьбе с пандемией можно назвать разработку тест-систем. Так, на эти меры из федерального бюджета было направлено 3,1 млрд рублей. В настоящий момент в стране разрабатываются 47 вакцин на 14 платформах. Важно не просто продавать разработанную отечественную вакцину в другие страны, но и объединять усилия для выработки совместных вакцин, обмена опытом и расширения положительных последствий от их использования по миру.

Еще одним из важных направлений в области медицины стал поиск новых способов борьбы со смертельными болезнями. При этом важно использовать дисциплинарный подход. В качестве примера приведем коллоквиум российских ученых математиков и биологов. Они создают программный комплекс для изучения сложных системных заболеваний, в том числе ВИЧ и COVID-19, чтобы помочь медикам искать эффективные методы комбинированной терапии (Российский научный фонд). Также значительные открытия были сделаны в области лечения вирусов антибиотиками. Они направлены на подавление эффекта привыкания бактерий к лекарствам. Российские ученые нашли ингибиторы (подавители) бактериальных ферментов, ответственных за синтез сероводорода в организме. Их применение повысит

эффективность действия широкого круга антибиотиков в лечении бактериальных инфекций. Перспективным направлением для развития российской науки могут стать разработки в области генной инженерии и совместная работа с зарубежными коллегами по редактору генома человека.

Еще одно важное направление современной науки – использование новых технологий в имплантации различных частей тела. Российские ученые тестируют новый материал для производства сверхпрочных имплантов человеческих костей, изготовленный из полипропилена (Научные открытия прошлого года).

Россия уже давно занимает лидирующие позиции в области космических разработок. Страна является площадкой для регулярных пилотируемых полетов в космос. Также было налажено передовое производство спутников. Россия является одним из мировых лидеров по производству ракетно-космической техники. Космические технологии являются одними из самых рисковых, затратных и наукоемких, поэтому необходима тесная кооперация в данной области между различными странами. Примером такой успешной коллаборации является проект по обнаружению гравитационных волн (Нобелевская премия, 2017) и в разработке метода анализа данных о космической погоде (РФФИ).

К числу глобальных проблем современного общества относится и потепление. И в данном направлении открытия российских ученых вносят значительный вклад в прогнозирование погоды и таких опасных природных явлений, как грозы и тайфуны (Российский научный фонд).

В атомной энергетике российским ученым и инженерам нет равных. Российские атомные колладайдеры славятся своей безопасностью. Кроме того, в 2019 году был создан сенсор нейтринного излучения РЭД-100, который позволяет предотвратить возникновение техногенных катастроф на атомных электростанциях.

Экономика знаний невозможна без современной системы хранения и обработки данных. Ученые из России создали супердолговечный диск для записи и хранения больших объемов информации. Это всего лишь малая часть тех перспективных направлений, по которым Россия может занять важные позиции для перехода к экономике знаний и высоких технологий.

Как правило, данные исследования относятся к числу фундаментальных и требуют сосредоточения усилий не только отдельных научных коллективов, но и стран в целом. С учетом политической нестабильности в современном мире необходимо объединять усилия в первую очередь в рамках устойчивых межгосударственных соглашений и ассоциаций. Прочной основой для таких взаимодействий может стать интеграция в рамках Евразийского экономического союза. Наличие тесных связей и выстраивание единого экономического пространства позволят снизить транзакционные издержки и нивелировать возникающие политические риски. Другой основой совместных исследований могут стать проекты, разработанные совместно в рамках международных объединений стран типа БРИКС и ШОС. Сегодня уже ведется работа в данном направлении. Среди приоритетных направлений можно выделить совместные исследования в сфере биотехнологий и биомедицины, информационных технологий, изучения океана, нанотехнологий, фотоники (III BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting).

Ситуацию на российском рынке новых технологий и инноваций усугубляет низкий спрос на продукцию данного типа из-за высокой ее стоимости. Поэтому она концентрируется в основном в военно-промышленном комплексе, где заказы гарантированы со стороны государства. Вместе с тем реальный спрос всегда формируется не на внутреннем, а на глобальном рынке. Как выход из сложившейся ситуации – стимулирование патентов на российские изобретения зарубежными компаниями, когда государство компенсирует до 80% издержек при одобрении патента за рубежом (Вихорева, 2011: 29).

Заключение

Наличие экономики знаний и новых технологий является неотъемлемым условием инновационного развития стран мира и удержания прочных позиций на мировой политической и экономической арене. Россия не стала исключением в данном направлении. Так, еще в начале 2000-х годов в рамках «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» была поставлена задача форсированного перехода на новую экономическую модель. Однако время внесло свои корректизы, и глобальные вызовы замедлили данный процесс. Финансовый кризис, стагнация российской экономики, девальвация рубля создали новые приоритеты для развития страны. Однако пандемия 2019 года способствовала объединению стран для поиска путей ее преодоления и дала новый импульс для развития науки и техники. Россия была одной из первых, кто разработал вакцину для предотвращения заболевания COVID-19, что создало предпосылки для встраивания российских научных кругов в мировые консорциумы для совместного решения глобальных проблем. Это должно стать важным спусковым механизмом для реализации поставленной еще в начале 21 века задачи – перехода на экономику знаний.

Статья подготовлена по проекту АР09057847 «Формирование и развитие экономики знаний в условиях цифровизации Республики Казахстан: концептуальные основы и перспективы реализации» в рамках грантового финансирования научных исследований для молодых ученых Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Литература

- 1 Аганбегян А.А. Новая модель экономического роста России // Управленческое консультирование. – 2016. – №1. – С. 31-46.
- 2 Вихорева О.М., Инструментов В.С. Малый инновационный бизнес в российской экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2011. – № 5. – С. 27-40.
- 3 Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 352 с.
- 4 Тасс. Наука. Исследование: ученые мирового уровня продолжают уезжать из России. <https://nauka.tass.ru/nauka/5377368>.
- 5 Наука и борьба с COVID-19. – 2020. – 45 с.
- 6 Об эффектах пандемии для науки, технологий и инноваций в обзоре ОЭСР. – ВШЭ. <https://issek.hse.ru/news/435594846.html>.
- 7 Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». – 2020. – 53 с.

- 8 Официальный сайт счетной палаты РФ <https://ach.gov.ru/checks/9658>.
- 9 Российский научный фонд. Топ-10 самых ярких научных открытий 2020 года. <https://rscf.ru/news/found/top-10-yarkikh-nauchnykh-otkrytiy-2020-goda/>.
- 10 РФФИ. Ударная пятилетка: самые прорывные исследования и разработки российских ученых. https://www.rfbr.ru/rffi/ru/press_about/o_2099428.
- 11 Фундаментальная наука и пандемия COVID-19: уроки года // Новости сибирской науки. <http://www.sib-science.info/ru/institutes/fundamentalnaya-nauka-i-pandemiya-covid-19-24122020>
- 12 Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiriev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. Post-Pandemic Recovery: The Russian Economy and the Transition to Sustainable Social and Economic Development // Studies on Russian Economic Development. – 2020. – vol. 31. – P. 599-605.
- 13 Benjamin K., Sovacoolab D.D., Furszyfer D.R. Smart home technologies in Europe: A critical review of concepts, benefits, risks and policies // Renewable and Sustainable Energy Reviews. – 2020. – vol. 120.
- 14 Drucker P.F. Post-Capitalist Society. – New York: HarperBusiness, 1993.
- 15 Goulden M., Spence A., Wardman J., Leygue G. Differentiating the user in DSR: Developing demand side response in advanced economies // Energy policy. – 2018. – vol. 122. – P. 176-185.
- 16 Lund H., Ostergaard P.A., Connolly D., Mathiesen B.V. Smart energy and smart energy systems // Energy. – 2017. – vol. 137. – P. 556-565.
- 17 Machlup F., Kronwinkler T. Workers Who Produce Knowledge: A Steady Increase, 1900 to 1970 // Review of World Economics. – 1975. – vol. 111, issue 4. – P. 752-759.
- 18 OECD. New sources of growth: knowledge-based capital – key analyses and policy conclusions – synthesis report. – 2013. – 70 p.
- 19 Rama K.R.K. Smart technologies for fighting pandemics: The techno- and human-driven approaches in controlling the virus transmission // Government Information Quarterly. – 2020. – vol. 37.
- 20 Responding to COVID-19 with Science, Innovation, and Productive Development. – 2020. – 54 p.
- 21 Subtil de Oliveira L., Echeveste M., Cortimiglia M. Open Innovation in Regional Innovation Systems: Assessment of Critical Success Factors for Implementation in SMEs // Journal of the Knowledge Economy. – 2019. – vol. 10(2). – P. 1597-1619.
- 22 World Economic Forum. The Global Competitiveness Report. How Countries Are Performing on the Road to Recovery. – 2020. – 95 p.
- 23 Umesao T. Jōhō sangyōron – kitarubeki gaihaiyō sangyō jiidai no yoake [Information Industry Theory – Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry] // Tuo Koronsya. – 1991. – vol. 14. – P. 24-42.
- 24 Xushu P. A comparative study of knowledge-based economy development between China and the USA // Data Science Journal. – 2007. – vol. 6. – P. 408-419.
- 25 III BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Moscow Declaration. – 2015. https://www.hse.ru/data/2015/10/31/1078419368/Moscow_Declaration_STI_eng.pdf.

References

- 1 Aganbegyan A.A. (2016) Novaya model' ekonomicheskogo rosta Rossii [A new model of economic growth in Russia]. Upravlencheskoe konsul'tirovanie, vol. 1, pp. 31-46.
- 2 Aganbegyan A.G., Klepach A.N., Porfiriev B.N., Uzyakov M.N., Shirov A.A. (2020) Post-Pandemic Recovery: The Russian Economy and the Transition to Sustainable Social and Economic Development. *Studies on Russian Economic Development*, vol. 31, pp. 599-605.
- 3 Benjamin K., Sovacoolab D.D., Furszyfer D.R. (2020) Smart home technologies in Europe: A critical review of concepts, benefits, risks and policies. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 120.
- 4 Drucker P.F. (1993) Post-Capitalist Society. New York: HarperBusiness.
- 5 Fundamental'naya nauka i pandemiya COVID-19: uroki goda [Fundamental science and the COVID-19 pandemic: lessons of the year]. Novosti sibirskoj nauki. <http://www.sib-science.info/ru/institutes/fundamentalnaya-nauka-i-pandemiya-covid-19-24122020>
- 6 Goulden M., Spence A., Wardman J., Leygue G. (2018) Differentiating the user in DSR: Developing demand side response in advanced economies. *Energy policy*, vol. 122, pp. 176-185.
- 7 III BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial Meeting. Moscow Declaration (2015) https://www.hse.ru/data/2015/10/31/1078419368/Moscow_Declaration_STI_eng.pdf.
- 8 Indikatory nauki: 2021: statisticheskij sbornik [Science indicators: 2021: statistical collection] (2021) L.M. Gohberg, K.A. Ditkovskij, E.I. Evnevich i dr. M.: NIU VSHE, 352 p.
- 9 Lund H., Ostergaard P.A., Connolly D., Mathiesen B.V. (2017) Smart energy and smart energy systems. *Energy*, vol. 137, pp. 556-565.
- 10 Machlup F., Kronwinkler T. (1975) Workers Who Produce Knowledge: A Steady Increase, 1900 to 1970. *Review of World Economics*, vol. 111, issue 4, pp. 752-759.
- 11 Nauka i bor'ba s COVID-19 [Science and the fight against COVID-19] (2020) 45 p.
- 12 OECD (2013) New sources of growth: knowledge-based capital – key analyses and policy conclusions – synthesis report. 70 p.

- 13 Oficial'nyj sajt schetnoj palaty RF [The official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation] <https://ach.gov.ru/checks/9658>.
- 14 Otchet o rezul'tatah ekspertno-analiticheskogo meropriyatiya «Opredelenie osnovnyh prichin, sderzhivayushchih nauchnoe razvitiye v Rossijskoj Federacii: ocenka nauchnoj infrastruktury, dostatochnost' motivacionnyh mer, obespechenie privlekatel'nosti raboty vedushchih uchenyh» [Report on the results of the expert-analytical event “Determination of the main reasons hindering scientific development in the Russian Federation: assessment of the scientific infrastructure, the sufficiency of motivational measures, ensuring the attractiveness of the work of leading scientists”] (2020) 53 p.
- 15 Rama K.R.K. (2020) Smart technologies for fighting pandemics: The techno- and human-driven approaches in controlling the virus transmission. *Government Information Quarterly*, vol. 37.
- 16 Responding to COVID-19 with Science, Innovation, and Productive Development (2020) 54 p.
- 17 RFFI. Udarnaya pyatiletka: samye proryvnye issledovaniya i razrabotki rossijskikh uchenyh [Shock Five-Year Plan: The Most Breakthrough Research and Development of Russian Scientists]. https://www.rfbr.ru/rffi/ru/press_about/o_2099428.
- 18 Rossijskij nauchnyj fond. Top-10 samyh yarkih nauchnyh otkrytij 2020 goda [Top 10 brightest scientific discoveries of 2020]. <https://rscf.ru/news/found/top-10-yarkikh-nauchnykh-otkrytiy-2020-goda/>
- 19 Subtil de Oliveira L., Echeveste M., Cortimiglia M. (2019) Open Innovation in Regional Innovation Systems: Assessment of Critical Success Factors for Implementation in SMEs. *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 10(2), pp. 1597-1619.
- 20 Tass. Nauka. Issledovanie: uchenye mirovogo urovnya prodolzhayut uezzhat' iz Rossii [Research: world-class scientists continue to leave Russia]. <https://nauka.tass.ru/nauka/5377368>.
- 21 Umesao T. (1991) Jōhō sangyōron – kitarubeki gaihaiyō sangyō jiidai no yoake [Information Industry Theory – Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry]. *Tuo Koronsya*, vol. 14, pp. 24-42.
- 22 Vihoreva O.M., Instruemntov V.S. (2011) Malyj innovacionnyj biznes v rossijskoj ekonomike [Small innovative business in the Russian economy]. Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika, vol. 5, pp. 27-40.
- 23 VSHE. Ob effektah pandemii dlya nauki, tekhnologij i innovacij v obzore OESR [On the effects of the pandemic on science, technology and innovation in an OECD survey]. <https://issek.hse.ru/news/435594846.html>.
- 24 World Economic Forum (2020) The Global Competitiveness Report. How Countries Are Performing on the Road to Recovery. 95 p.
- 25 Xushu P. (2007) A comparative study of knowledge-based economy development between China and the USA. *Data Science Journal*, vol. 6, pp. 408-419.

Р. Исмаилова* , **Т. Баймуханов** , **Р. Салманова**

Академия государственного управления
при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, г. Нур-Султан
*e-mail: r.ismailova@apa.kz

ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА С ГРАЖДАНАМИ

В статье дан анализ деятельности центральных государственных органов и местных исполнительных органов по направлению «Открытое правительство» оценки эффективности взаимодействия государственного органа с гражданами. В исследовании использованы метод контент-анализа, социологический опрос и метод построения «Дерево проблем». Теоретико-методологической и информационной базой исследования явились труды ученых, отчеты Счетного Комитета Республики Казахстан, частного фонда «Благотворительный фонд «ЗОР-РУХ» и общественного фонда «Центр прикладных исследований Талап». По результатам исследования нами разработаны рекомендации по прозрачности и подотчетности государственных органов. Согласно данному подходу, предлагается разработать концепцию «Открытого правительства» с широким вовлечением гражданского общества. Улучшить работу портала «Открытое правительство» с применением современных каналов коммуникации с целью обеспечения бесперебойного и свободного доступа к государственной информации для стейкхолдеров. Во-вторых, даны предложения по улучшению оценки степени открытости государственного органа. В этой связи предлагается ввести в методику оценки эффективности взаимодействия государственного органа, с гражданами следующие изменения: по критерию «Открытые данные» ввести качественный индикатор, обеспечивающий надежность и валидность опубликованных данных; По критерию «Открытые нормативно-правовые акты» – показатель, оценивающий количество граждан, принявших участие в обсуждении проектов, долю принятых от них предложений. В целях исключения формализма при проведении интернет-конференций и онлайн трансляции открытых заседаний предлагается критерии «Открытый диалог» оценивать по количеству участников, просмотров и комментариев.

Ключевые слова: открытое правительство, открытый диалог, открытый бюджет, открытые данные, открытые нормативно-правовые акты, оценка эффективности государственного органа.

R. Ismailova*, T. Baimukhanov, R. Salmanova

The Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Kazakhstan, Kazakhstan, Nur-Sultan
*e-mail: r.ismailova@apa.kz

Open government as the main aspects of evaluating the effectiveness of interaction between a state body and citizens

The article analyzes the activities of central state bodies and local executive bodies in the direction of “Open Government” to assess the effectiveness of the interaction of the state body with citizens. The study uses the method of content analysis, a sociological survey and the method of building a “Problem tree”. The theoretical, methodological and informational base of the research was the works of scientists, reports of the Accounting Committee of the Republic of Kazakhstan, the private foundation “Charitable Foundation “ZOR-RUKH” and the public foundation “Center for Applied Research Talap”. Based on the results of the study, we have developed recommendations for transparency and accountability of state bodies. According to this approach, it is proposed to develop the concept of “Open Government” with broad involvement of civil society. Improve the work of the Open Government portal with the use of modern communication channels to ensure uninterrupted and free access to government information for stakeholders. Secondly, proposals are made to improve the assessment of the degree of openness of the state body. In this regard, it is proposed to introduce the following changes in the methodology for assessing the effectiveness of interaction between a state body and citizens: according to the “Open Data” criterion, a qualitative indicator should be introduced that ensures the reliability and validity of published data; According to the “Open normative legal acts” criterion, an indicator that evaluates the number

of citizens who took part in the discussion of projects, the share of proposals accepted from them; To avoid formalism when conducting Internet conferences and online broadcasting of open meetings, it is proposed to evaluate the "Open Dialogue" criteria by the number of participants, views and comments.

Key words: open government, open dialogue, opens budget, open data, open regulatory legal acts, evaluation of the effectiveness of the state body.

Р. Исмаилова*, Т. Баймуханов, Р. Салманова

Қазақстан Республикасы Президентінің жаңындағы
Мемлекеттік басқару академиясы, Қазақстан, Нұр-Сұлтан қ.
*e-mail: r.ismailova@apa.kz

Ашық үкімет мемлекеттік органдың азаматтармен өзара іс-қимылдының тиімділігін бағалаудың негізгі бағыты

Мақалада орталық мемлекеттік органдар мен жергілікті атқарушы органдардың мемлекеттік органдың азаматтармен өзара іс-қимылдының тиімділігін бағалаудың «Ашық Үкімет» бағыты бойынша қызметіне талдау берілген. Зерттеу мазмұнды талдау әдісін, социологиялық сауланаманы және «Ағаш мәселесін» құру әдісін қолданды. Зерттеудің теориялық-әдіснамалық және ақпараттық базасы ғалымдардың еңбектері, Қазақстан Республикасы есеп комитеттінің, «Қайырымдылық Қор «ЗОР РУХ» жеке қорының және «Талап қолданбалы зерттеулер орталығы» қоғамдық қорының есептері болып табылды. Зерттеу нәтижелері бойынша біз мемлекеттік органдардың ашықтығы мен есептілігі жөнінде ұсынымдар әзірледік. Осы тәсілге сәйкес азаматтық қоғамды кеңінен тарта отырып, «Ашық үкімет» тұжырымдамасын әзірлеу ұсынылады. Стейкхолдерлер үшін мемлекеттік ақпаратқа үздіксіз және еркін қол жеткізуі қамтамасыз ету мақсатында қазіргі заманғы коммуникация арналарын қолдана отырып, «Ашық үкімет» порталының жұмысын жақсарту. Екіншіден, мемлекеттік органдың ашықтық дәрежесін бағалауды жақсарту бойынша ұсыныстар берілді. Осыған байланысты мемлекеттік органдың азаматтармен өзара іс-қимылдының тиімділігін бағалау әдістемесіне мынадай өзгерістер енгізу ұсынылады: «Ашық деректер» критерийі бойынша жарияланған деректердің сенімділігі мен дұрыстығын қамтамасыз ететін сапалы индикатор енгізу; «Ашық нормативтік құқықтық актілер» критерийі бойынша – жобаларды талқылауға қатысқан азаматтардың санын, олардан қабылданған ұсыныстардың үлесін бағалайтын көрсеткіш; Ашық отырыстардың интернет-конференцияларын және онлайн трансляциясын өткізу кезінде формализмді болдырмая мақсатында «Ашық диалог» өшлемешарттарын қатысушылардың саны, қарастыру мен түсініктемелер бойынша бағалау ұсынылады.

Түйін сөздер: ашық үкімет, ашық диалог, ашық бюджет, ашық деректер, ашық нормативтік-құқықтық актілер, мемлекеттік органдың тиімділігін бағалау.

Введение

В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года одной из главных задач создания новой модели государственного управления является открытое правительство, которое направлено на взаимодействие с гражданами, обеспечение прозрачности и подотчетности деятельности государственного органа (Указ Президента, 2021).

«Открытое правительство», возможно, сегодня – наиболее востребованное направление государственной политики, так как мир столкнулся с таким явлением, как пандемия Covid-19. Пандемия породила новую точку зрения на то, что правительство должно стать гибким и быстро реагирующем на внешние вызовы. Государственным структурам пришлось принимать экстренные меры реагирования, которые во многих случаях были неэффективными, что негативно отразилось на социально-экономиче-

ской жизни людей. Здесь очень важно, чтобы государство правильно оценило, мобилизовало и эффективно распределило имеющиеся ресурсы. При этом каналы распространения информации на постоянной основе должны обеспечить активное и осознанное взаимодействие государственных чиновников и граждан.

Многие страны, в том числе и Казахстан, имеют информационные системы, которые публикуют данные для всех пользователей. Их могут использовать общественные организации и граждане с целью ознакомления, принятия участия в открытом диалоге. Здесь задачей правительства является создание «прозрачного подотчетного государства, расширение прав и возможности граждан в управлении государством, усиление борьбы с коррупцией, а также использование новых технологий для повышения эффективности государственного управления» (eGov.kz, 2021).

В мировой практике инициативы по взаимодействию государственных органов с гражданами имеют различные направления, в том числе «Citizens First» (Граждане прежде всего), «Collaborative Government» (взаимодействующее правительство), «Open Government» (открытое правительство). Сегодня в отечественной практике большинство государственных органов только размещает сведения на ведомственном сайтах и портале «Открытое правительство», тем самым ограничивая прямые контакты с гражданами. Сегодня данный портал не в полной мере содержит актуальную информацию. Имеются случаи, когда отсутствуют данные по открытому бюджету отдельных государственных органов или информация на интернет-портале «Оценка эффективности» не обновляется длительное время.

Относительно степени открытости правительства, то в Казахстане, начиная с 2010 года, применяется система ежегодной оценки эффективности государственных органов, способствующая повышению прозрачности и подотчетности их деятельности, а также активизации процесса участия граждан в политической жизни страны. Методика оценки постоянно пересматривается с учетом изменений и современных тенденций развития страны. С другой стороны, частые корректировки влияют на качество проведения оценки деятельности государственных органов. К примеру, за последние три года были приняты две методики, но уже сегодня они утратили юридическую силу, что негативно влияет на процесс и качество проведения самой оценки.

В этой связи актуальным является исследование открытости государственного органа, от эффективности деятельности которого зависит степень вовлечения граждан в процесс принятия решений.

Целью исследования является разработка рекомендаций по совершенствованию прозрачности и подотчетности деятельности государственных органов, а также оценке их открытости.

Объектом исследования является деятельность центральных и местных исполнительных органов, которые применяют современные информационные технологии и новые средства коммуникации.

Предметом являются принципы, механизмы и критерии оценки открытости государственного органа.

При проведении исследования были использованы методы контент-анализа, экспертного интервью и построение «дерево проблем».

Исследование проведено в рамках проекта Астанинского хаба государственной службы по поддержке научной школы госуправления «Совершенствование системы оценки эффективности деятельности административных госслужащих и госорганов» (Результат исследований, 2020).

Обзор литературы

Сегодня нет единого подхода к оценке открытости правительства из-за различия моделей государственного управления в различных странах. Тем не менее, мы придерживаемся позиции, что открытость государства включает как минимум три основные составляющие: информационная и функциональная открытость, а также степень открытости государственного органа.

Информационная открытость в период пандемии потребовала быстрого реагирования государственных структур, эффективности принимаемых ими мер в свете новых вызовов, предоставления оперативной и достоверной информации от граждан, что повлекло соответствующие реформы в системе госуправления и трансформационные изменения общества в целом.

В 2009 году Президент США Барак Обама подписал меморандум об информационной прозрачности и открытости правительства, в котором указаны три основных принципа построения открытого правительства США: прозрачность, вовлеченность граждан в государственное управление и сотрудничество (Peled, 2011: 2085).

В том же году был издан меморандум «О свободе государственной информации», в котором был расширен доступ к государственной информации. В соответствии с данным документом государственные органы должны предоставлять информацию в свободном доступе для всех граждан. В этом документе было указано, что «Открытое правительство» – это не только доступная информация, но и эффективная система подготовки ответов на запросы.

В 2009 году Администрация США объявила о трехэтапной работе по «Инициативе открытого правительства», направленной на сбор информации от граждан о том, как сделать правительство прозрачным, как наладить сотрудничество с общественностью и вовлечь население в государственное управление. Первый этап был «Мозговым штурмом» на этом этапе проводилась работа по сбору информации и идей по реализации «Открытого правительства». На втором этапе

«Обсуждение» проводилась глубокая работа по обсуждению вопросов и предложений, выдвинутых в ходе мозгового штурма. На третьем этапе «Подготовка проекта рекомендации» гражданам было предложено принять участие в подготовке текста рекомендации по «Открытым правительству» (Храмцовская, 2012: 316).

Функциональная открытость ведомств в условиях COVID-19 повышает предсказуемость действий госорганов и эффективно вовлекает стейкхолдеров в решение социально значимых задач, исполнение которых является обязанностью государства. Методы и каналы коммуникации должны адаптироваться в соответствии с потребностями клиентов.

В Южной Корее инновации в государственном секторе через вовлечение граждан являются приоритетным направлением правительства страны. Электронное правительство внесло свой вклад в реформу государственного сектора, оцифровав административную работу и упростив процедуры для клиентов. В условиях COVID-19 люди могли легко получить доступ к любым государственным услугам через веб-сайты и другие электронные приложения. Вся необходимая информация по коронавирусу была представлена на веб-сайтах центральных и региональных государственных органов, которая доступна через мобильное приложение Kakao Talk для мгновенного обмена сообщениями для смартфонов.

Южная Корея разработала национальный механизм электронного правительства для предоставления информации и услуг, ориентированных на клиентов. Электронное правительство ввело следующие электронные сетевые отношения:

- правительство-правительство (G2G) – обмениваются информацией между правительствами и агентствами по вопросам политики и проектов электронного правительства;
- правительство-бизнес (G2B) – предоставляет более качественные общественные услуги для промышленности и компаний. Например, существует «система электронных закупок в едином окне» (<http://www.g2b.go.kr>) для прозрачного и удобного обслуживания закупок и закупок с единой регистрацией;
- правительство для граждан (G2C) – предоставляет услуги, запрашиваемые у граждан и касающиеся того, как изменить роль и масштаб правительства (Centre for Public Impact, 2016).

С 2011 года интегрированная платформа электронного управления используется всеми центральными правительственными ведомствами

и местными органами власти. В рамках этой системы все рабочие процессы, управляемые правительством, такие как планирование, управление эффективностью и принятие решений, стандартизированы и систематизированы. Кроме того, все правительственные решения документируются и архивируются, что приводит к большей прозрачности и подотчетности (World Bank Group, 2016).

С 2013 года Южная Корея реализует стратегию «умного» правительства – электронное правительство 4.0. Главным направлением считается предоставление комплексных услуг на основе мобильных приложений и индивидуального подхода, а также предоставление услуг в интерактивном режиме, основанных на анализе больших данных (Myeong, 2019: 5).

В 2018 году правительство реализует 6-й базовый план содействия информатизации и комплексный план для инновационного правительства, который предписывает:

1. Персонализацию сервис-ориентированного правительства: интегрирование межведомственных услуг с целью создания единого окна обслуживания для каждого гражданина путем предоставления индивидуальных услуг через мобильные телефоны.
2. Гражданско-государственное управление: подталкивание электронного участия граждан во всех политических процессах и содействие совместному управлению, тем самым установив партнерские отношения с гражданами.
3. «Умное» правительство: трансформация административных систем из ориентированных на служение к ориентированным на пользователя, массовому обмену знаниями с помощью облачных вычислений, отстаивание принятия решений на основе фактов для анализа пользовательских данных (Thai et al., 2019: 2).

Новая модель электронного правительства представляет собой систему, в которой правительство укрепляет сотрудничество с людьми и частным сектором. Демократическое и государственное электронное правительство, основанное на интеллектуальном электронном управлении, представляет собой этап, на котором основной прогресс заключается в обеспечении активного участия граждан в делах правительства и их открытой коммуникации с ним. Ожидается, что эти системы будут постепенно переходить на платформенные системы, поддерживая новую парадигму электронного правительства для интеллектуального общества следующего поколения.

Степень открытости государственного органа. Опыт развитых стран мира в этой сфере обладает достаточно широким спектром альтернативных моделей. Так, например, Европейская общая система оценки «Common Assessment Framework» (CAF) – общий инструмент управления качеством, разработанный для государственного сектора на основе модели совершенства Европейского фонда управления качеством (EFQM/ European Foundation for Quality Management). CAF представляет собой универсальную модель, которую можно адаптировать к специфическим требованиям пользователей модели. В модели CAF обследование деятельности организации проводится на основе самооценки государственных учреждений.

В 2019 году была принята новая модель CAF 2020, в которой сохранена базовая структура (9 критериев и 28 составляющих) и система оценки. В новой модели акцент сделан на цифровизацию, устойчивое развитие, инновации, взаимодействие сотрудничество (участие) и многообразие.

Критерий 6 описывает результаты, которых организация достигает в отношении удовлетворенности своих граждан/потребителей продуктами или услугами, которые она предоставляет. Критерий 6 включает 2 подпункта: оценка восприятия и оценка деятельности.

Оценка восприятия осуществляется путем социологического опроса граждан по двум показателям: общее восприятие организации и восприятия продуктов и услуг.

Общее восприятие организации включает следующие вопросы:

- общий имидж и репутация организации;
- доступность организации;
- клиентоориентированность персонала;
- вовлечение и участие гражданина/клиента, включая электронное участие;
- прозрачность, открытость и предоставление информации.

Восприятие продуктов и услуг включает:

- доступность физических и цифровых услуг;
- качество продуктов и услуг;
- дифференциация предоставления услуг с учетом потребностей клиента;
- способность организации к инновациям;
- гибкость организации;
- цифровизация в организации;
- прозрачность и общее доверие граждан/клиентов (Common Assessment Framework, 2020).

Модель CAF 2020 направлена на то, чтобы организация добивалась устойчивого развития за счет последовательного удовлетворения потребностей граждан/клиентов и ожиданий своих заинтересованных сторон на долгосрочной основе.

Европейская комиссия разработала индикаторы и показатели оценки зрелости электронного правительства. В 2016 году по данной методике прошли оценку 34 страны ЕС, в том числе Швейцария, Швеция, Нидерланды, Австрия, Франция, Болгария, Латвия и другие.

К базовым индикаторам отнесены: ориентация на пользователя (User Centricity), прозрачность (Transparency), трансграничная мобильность (Cross Border Mobility) и ключевые факторы поддержки (Key enablers) (eGovernment Benchmark, 2017).

Каждый принцип включает индикаторы оценки зрелости электронного правительства, которые приведены в таблице 1.

Опыт ЕС интересен тем, что при оценке уровня ориентации на потребителя применяется метод «тайный покупатель», который позволяет анонимно оценить качество оказания государственной услуги. Здесь удобство получения услуги предполагает доступность месторасположение центров предоставления услуг для граждан. Кроме того, показатель «трансграничная мобильность» нацелен на повышение доступности услуги в любое время и из любого места (любого устройства) как для граждан, так и для бизнеса. Это является важным стимулом для инвестиционной привлекательности и развития бизнеса.

Преимущество данной модели заключается в перспективности развития Цифрового правительства. Такие развитые государства как Сингапур, Корея продвинулись в вопросе внедрения Электронного Правительства и работают над реализацией концепции Smart и Intelligent Government.

В целом, открытость, как многовекторный и гибкий инструмент государственного управления, способствует гармоничным общественным изменениям и повышает уровень доверия граждан. Однако довольно сложно определить критерии, по которым можно было полно и объективно оценить степень открытости деятельности государственного органа. В Казахстане оценка по направлению «Открытое правительство» направлена на стимулирование оцениваемых государственных органов к публикации наборов открытых данных в рамках утвержденных

ими Перечней и по запросам, а также к анализу потребностей в открытых данных среди ИТ-сообщества, предпринимательских, академиче-

ских и исследовательских организаций, а также представителей средств массовой информации и некоммерческих организаций.

Таблица 1 – Оценка зрелости электронного правительства

Индикатор	Показатели
Ориентация на потребителя	Доступность онлайн услуги Удобство получения услуги Информация о госуслуги Препятствия при получении госуслуги Мобильное дружелюбие (обратная связь)
Прозрачность	Прозрачность процедуры предоставления услуги Личные консультации представителей госорганов
Трансграничная мобильность	Доступность трансграничных услуг Удобство пользования сервисами в трансграничных территориях
Ключевые факторы поддержки	Электронная уникальная идентификация (eID) Электронные документы (eDocuments) Принцип одной учетной записи (Single Sign On) Информационная безопасность (eSafe)

Примечание – составлено авторами на основе данных eGovernment Benchmark 2017 of European Commission

Открытый диалог в условиях пандемии повлиял на процесс взаимодействия представителей государственных органов с бизнесом, общественными организациями и экспертными сообществами через различные диалоговые площадки.

Методология

Исходя из того, что темой исследования является вопрос об открытости правительства как основного направления оценки эффективности взаимодействия государственных органов с гражданами, актуальным является не только анализ официальных данных по их прозрачности и подотчетности, оценка эффективности открытости государственных органов, но и мнения услугополучателей. В этой связи нами использованы следующие методы для решения задач по достижению поставленной цели.

Из существующих методов анализа содержания документов и официально опубликованной информации контент-анализ (Пашинян, 2012: 13) позволил применить как качественные, так и количественные показатели при исследовании проблем по открытости государственных органов. Теоретико-методологической и информационной базой послужили публикации научных, отчеты Счетного Комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета, БФ

«ЗОР-РУХ», ОФ «Центр прикладных исследований «Талап», веб-портал «Открытое правительство».

Метод социологического опроса использован для анализа качества оказываемых государственных услуг, в том числе и онлайн-услуг, доступности и прозрачности информации, размещаемых государственными органами на официальных сайтах, для населения. В соответствии с методологией проведения опроса был разработан список вопросов, ориентированных на целенаправленный сбор мнения респондентов в стандартизированном формате. Интернет-опросом предполагалось охватить различные слои населения, независимо от вида деятельности, возраста и пола. При разработке анкеты соблюдались этические нормы, в том числе содержался запрос о согласии респондента на обработку его демографических данных и ответов, а также безвозмездный характер исследования. Анкета состоит из вводной (демография), основной (вопросы исследования) и заключительной (рекомендации респондента в свободной форме) частей (Яковлева, 2014: 250).

Кроме того, в исследовании был применен метод построения «дерева проблем» с целью определения основных причин, которые влияют на уровень открытости правительства (Problem and Objective Tree Analysis, 2009). Анализ дерева проблем позволит выявить логическую ие-

пархию причин и следствий и увидеть общую картину существующей негативной ситуации открытости государственного органа в процессе его взаимодействия с физическими и юридическими лицами.

Результаты и обсуждение

Нами проведен контент-анализ портала «Открытое правительство». Уровень удовлетворенности пользователями ответами на данном портале центральных государственных органов (далее ЦГО), к примеру, составил по Министерству труда и социальной защиты РК 35,0%; по Министерству финансов РК – 32,0%; по Министерству внутренних дел РК – 28,8%; по Министерству образования и науки РК – 25,0%. По местным исполнительным органам (далее МИО) удельный вес неудовлетворенных пользователей составил по г. Нур-Султан – 52,2%; г. Алматы – 49,3%; Карагандинской области – 29,4%; Западно-Казахстанской области – 28,2%.

Низкий уровень удовлетворенности пользователей веб-портала «Открытое правительство» характеризует недостаточную мотивацию государственных органов в предоставлении своевременного и качественного ответа на обращения пользователей.

Анализ уровня удовлетворённости гражданами качеством, доступностью и процедурой оказания государственных услуг показал, что в 2019 году данный показатель составил 74,8% (Благотворительный фонд «Зор Рух», 2019). Услугополучатели отмечали нарушение сроков оказания услуг, дополнительные затраты на их получение, сбор дополнительных документов,

отсутствие инструкции для пользователей, недостаточное качество обратной связи и недостаточную компетентность и оперативность сотрудников.

В 2020 году уровень удовлетворенности гражданами качеством оказания государственных услуг немного вырос по сравнению с 2019 годом и составил 75,1% (Центр прикладных исследований «Талап», 2020). В прошлом году из-за пандемии COVID-19 государственные услуги оказывались дистанционно и государственные органы работали в онлайн-формате. Веб-порталы «Электронное правительство» и «Правительство для граждан» в определённый период работали с перебоями, что привело к серьезным нагрузкам на информационные системы государственных органов и повлияло на качество и доступность получения государственных услуг.

Анализ открытости ЦГО показал, что данный показатель значительно уменьшился – с 82,32 балла в 2018 году до 75,9 баллов в 2019 году. Если по направлению «открытые данные» и «открытый бюджет» в 2019 году произошел небольшой рост (от 0,05 до 1,34 баллов соответственно), то по направлениям «открытые НПА» и «открытый диалог» наблюдается значительное снижение (от 2,72 до 3,32 баллов соответственно) (Счетный комитет РК, 2019).

Результаты оценки «Открытость государственных органов» по МИО в целом продемонстрировали небольшой рост в 2019 году и составили 71,01 балла, т.е. на 0,75 балла по сравнению с 2018 годом. Тогда как по направлению «открытый диалог» произошло значительное снижение в 2019 году по сравнению с 2018 году, а именно на 4,48 балла (таблица 2).

Таблица 2 – Оценка открытости государственных органов по критериям

	2018		2019	
	ЦГО	МИО	ЦГО	МИО
Открытые данные	17,84	14,9	19,18	17,20
Открытый бюджет	20,77	16,29	20,82	17,26
Открытый НПА	23,15	18,62	20,43	20,48
Открытый диалог	20,57	20,54	17,25	16,06
Итого	82,32	70,35	75,9	71,0

Примечание – составлено авторами на основе анализа результатов оценки эффективности деятельности государственных органов за 2019 год в разрезе блоков оценки Счетного комитета по контролю за исполнением республиканского бюджета

Выявленные недостатки отчасти обусловлены частными внесениями изменений в методику оценки по блоку «Взаимодействие государственного органа с гражданами» и отсутствием системы мониторинга и административных мер воздействия за процесс заполнения соответствующих разделов электронного портала «Открытое правительство» ЦГО и МИО.

Нами проведен социологический опрос по оценке взаимодействия государственных органов с гражданами, который включал следующие разделы: общая информация, оценка качества оказания государственных услуг, автоматизация, открытость государственного органов и

жалобы. Опрос проводился через онлайн платформу Survio и полевое исследование в Государственной корпорации «Правительство для граждан» Есильского района города Нур-Султан.

В опросе приняло участие 117 респондентов, из них женщины составили 52,1% и мужчины – 47,9%. Возраст респондентов в основном составляет от 25-35 лет – 29,9% и от 36-45 лет – 30,8%. В разрезе социального статуса респондентов, в большинстве оказались наемные работники – 64,3%. В опросе также участвовали безработные, временно не работающие, домохозяйки, предприниматели, студенты и пенсионеры (таблица 3).

Таблица 3 – Демографическая характеристика респондентов

Параметр	Ответы	Количество	Процент
Общее		117	100%
Возраст	До 25 лет	14	12%
	25-35 лет	35	29.9%
	36-45 лет	36	30.8%
	46-55 лет	19	16.2%
	56 лет и старше	13	11.1%
Пол	Мужской	56	47.9%
	Женский	61	52.1%
Социальный статус	Наемный работник	75	64,3%
	Безработный, временно не работающий, домохозяйка	12	10,3%
	Предприниматель	11	9,4%
	Студент	10	8,5%
	Пенсионер	7	6%
	Другое	2	1,7%
Примечание – составлено авторами			

На вопрос «Каким способом получили государственную услугу» большинство респондентов – 51% ответили, что в период пандемии использовали платформу «Электронное правительство», а платформу Государственная корпорация «Правительство для граждан» – 39% респондентов. Наименьшей популярностью пользовалась платформа eGov mobile «Мобильное правительство» – 10%.

В единый Call центр 1414 обращались за консультацией при получении государственных услуг 52% опрошенных, в государственные органы – 13%, в Ikomek – 3%, отставшие

– 32% опрошенных не обращались за консультациями.

В соответствии с системой ежегодной оценки эффективности деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов (Указ Президента РК, 2010) опрос проводился с учетом критериев качества оказания государственных услуг, автоматизации государственных услуг, открытости государственного органа, рассмотрения жалоб и заявлений граждан.

Основные результаты анализа приведены на рисунке 1. Респонденты оценили качество

оказания государственных услуг в целом положительно (82,9%), но при оказании электронных государственных услуг количество удовлетворенных услугополучателей соста-

вило только 51%. Относительно доступности информации по получению государственных услуг положительно ответили 55,56% респондентов.

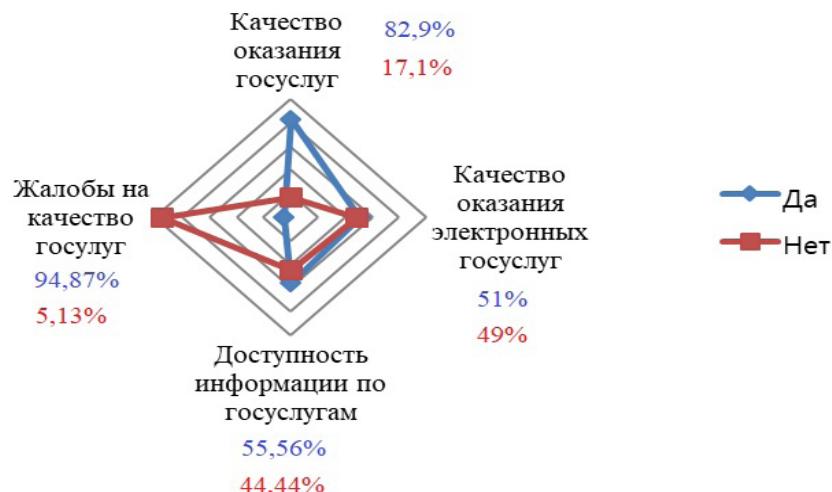

Рисунок 1 – Результаты анализа критериев по качеству оказания государственных услуг

Примечание – составлено авторами

Несмотря на то, что в целом граждане отмечают удовлетворенность качеством оказания государственных услуг, тем не менее, при более детальном опросе выявились определенные недостатки. Так, критерий «качество оказания государственных услуг» оценивался по следующим показателям: сроки рассмотрения и оказания государственных услуг, удовлетворенность сроками получения услуг, истребование дополнительных документов и отказ в предоставлении государственных услуг.

Как видно из рисунка 2, согласно показателю предоставления государственной услуги 78,63% ответили положительно о том, что услуга была предоставлена в срок. Тем не менее, большинство опрошенных отметили, что не знают о стандарте предоставления государственных услуг и не владеют информацией о положенных сроках их оказания. Поэтому процент респондентов, отметивших нарушение сроков, составил бы не 21,37%, а намного выше.

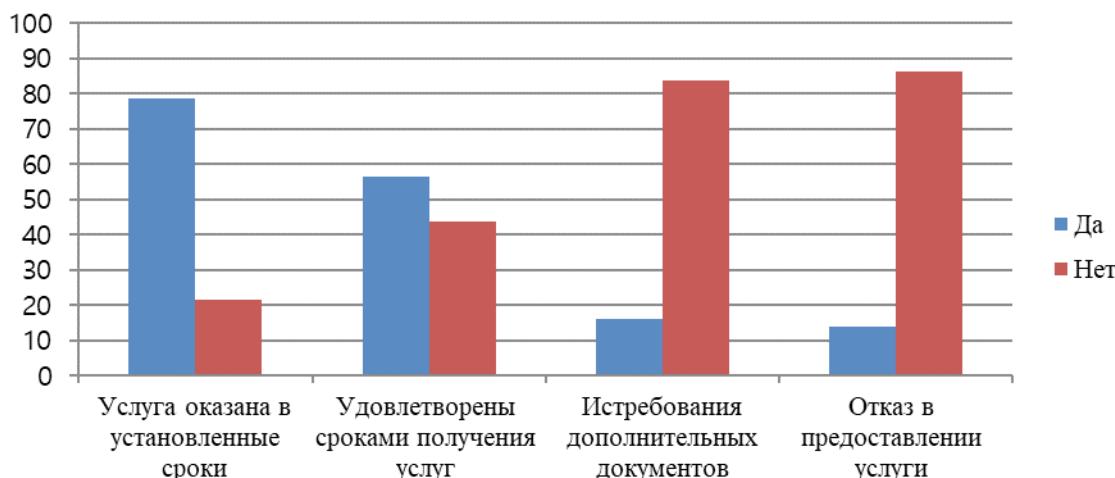
Относительно удовлетворения сроками оказания государственных услуг 56,41% респондентов ответили положительно, однако, есть респонденты, которые не удовлетворены сроками оказания государственной услуги, их составило – 43,59%.

Респондентами было отмечено, что во время карантина портал электронного правитель-

ства плохо работал, зависал и многие услуги работали с ошибками. Вследствие повторных обращений количество заявлений возросло, что соответственно привело к нагрузке портала. Респонденты указывали, что портал был перегружен, что касается мобильного приложения, то он вовсе не работал.

На запрос дополнительных документов, не предусмотренных стандартами государственных услуг, 83,8% респондентов ответили, что не было никаких дополнительных запросов, и 16,2% респондентов ответили, что был запрос дополнительных документов, не предусмотренных стандартом государственной услуги. Данний вопрос тоже считается затруднительным для некоторых респондентов, так как они были не осведомлены, какие документы считаются излишне истребованы или не соответствует стандарту.

С необоснованным отказом 86,3% респондентов ответили, что не сталкивались, и 13,7% респондентов ответили, что был предоставлен необоснованный отказ. Однако, здесь хотелось бы отметить о том, что большинство опрошенных при более глубоком вопросе об отказе государственных услуг ответили, что не знают, какие бывают основания для отказа согласно стандарту государственной услуги.

Рисунок 2 – Качество оказания государственных услуг
Примечание – составлено авторами

Вышеуказанные ответы подтверждают, что большинство населения, получая государственные услуги, чаще всего не знают о процессах и стандартах предоставления государственных услуг.

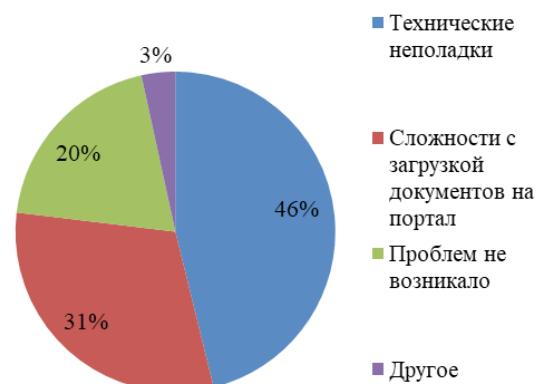
Качество оказания электронных государственных услуг оценивалось по следующим данным: затруднения при получении электронных государственных услуг и удовлетворенностью системой оказания электронных государственных услуг.

На рисунке 3 показаны, с какими затруднениями сталкивались услугополучатели при получении государственных услуг. На вопрос, имелись ли затруднения при получении государственных услуг в электронном формате, 46,0% услугополучателей ответили, что были технические неполадки, 31,0% – испытывали сложности при загрузке документов, 3,0% – отметили другие проблемы, и только 20,0% ответили, что не было проблем при получении электронных государственных услуг.

Качество оказания электронных государственных услуг оценивается с незначительной разницей между положительным и отрицательным ответами, где положительно ответили 51 % и неудовлетворительно – 49%.

Респондентами указывалось, что большинство электронных государственных услуг привязаны к электронной цифровой подписи (далее ЭЦП). Было отмечено, что в период карантина сложно было получить ЭЦП, соответственно возникали сложности с получением электрон-

ной государственной услуги. Было предложено упразднить ЭЦП, так как на портале появилась функция одноразового пароля через смс, к сожалению, данная процедура привязана не ко всем электронным государственным услугам.

Рисунок 3 – Структура получения государственных услуг в электронном формате
Примечание – составлено авторами

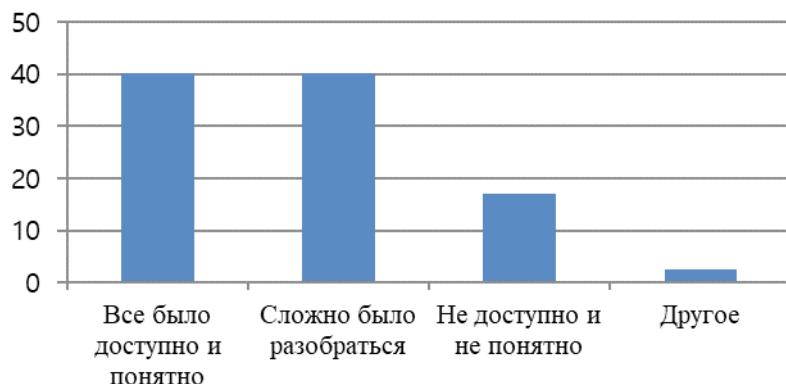
При проведении опроса услугополучателей ЦОНа Есильского района г. Нур-Султан было выявлено, что большинство электронных государственных услуг привязаны к электронной цифровой подписи (ЭЦП), которую в период карантина было сложно получить. Кроме того, 32,48% респондентов указали, что была неполная информация о предоставлении государственной услуги, 33,33% отметили низкий уровень квалификации специалистов, у 8,55% возникали

сложности при заполнении формы документов. Только 25,64% указали, что не сталкивались с трудностями.

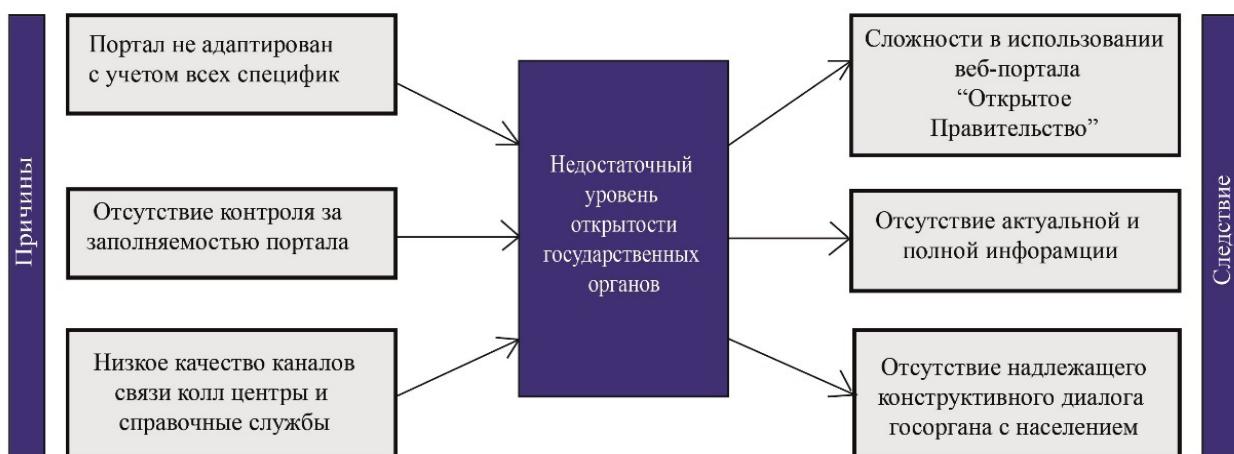
По доступности информации о получении государственной услуги, размещенной на официальных сайтах. Как видно на рисунке 4, информация была доступна и понятна для 40,7% респондентов. Такой же процент составили от-

веты услугополучателей, которым было сложно разобраться. Респонденты, которые ответили, что информация была недоступна, составили 17,1%, остальные отметили другие проблемы (2,56%).

На основе полученных результатов исследования нами построено дерево проблем (рисунок 5).

Рисунок 4 – Доступность информации при получении государственных услуг
Примечание – составлено авторами

Рисунок 5 – Дерево проблем по направлению «Открытость государственного органа»
Примечание – составлено авторами

Во-первых, сложность в использовании веб-портала «Открытое правительство» обусловлена тем, что портал не адаптирован к широкому кругу пользователей и отличается сложной и «недружелюбной» навигацией.

Во-вторых, отсутствие надлежащего контроля за своевременностью заполнения интернет-портала государственными органами приводит к

отсутствию актуальной и полной информации и недоверию граждан к государственным органам.

В-третьих, низкое качество работы колл-центров и сервисных служб влияет на взаимодействие государственных органов с населением, снижая заинтересованность граждан в конструктивном диалоге и их гражданскую активность.

Заключение

Результаты исследования по открытости правительства свидетельствуют об имеющихся проблемах, которые негативно влияют на прозрачность и подотчетность государственных органов. На наш взгляд, необходимо комплексно подходить к их решению.

Предлагаем разработать концепцию «Открытое правительство» с применением модели трехэтапного вовлечения граждан в процесс принятия решения по опыту США: сбор информации, обсуждение вопросов и предложений, а также в подготовку заключительного варианта проекта документа. На наш взгляд, это позволит повысить доверие граждан к правительству.

С целью обеспечения своевременной, доступной и полной информации для физических и юридических лиц на веб-портале «Открытое правительство»:

- разработать и внедрить систему мониторинга и административных мер воздействия за процесс заполнения государственными органами соответствующих разделов электронного портала «Открытое правительство», а также архивировать все документы для подотчетности и прозрачности деятельности государственных органов;

- по веб-порталу «Открытое правительство» разработать навигатор для каждого портала отдельно, содержащий понятные инструкции, с целью простоты поиска и использования информации;

- имплементировать опыт Южной Кореи в части использования мобильных приложений для оказания комплексных услуг населению в интерактивном режиме, исходя из жизненных ситуаций человека.

Для улучшения степени открытости государственного органа предлагается:

- ввести по критерию «Открытые данные» методики оценки эффективности взаимодействия

государственного органа с гражданами качественный индикатор, обеспечивающий надежность и валидность опубликованных данных;

- по критерию «Открытые нормативно-правовые акты» показатель, оценивающий количество граждан, принявших участие в обсуждении проектов, долю принятых от них предложений;

- в целях исключения формализма при проведении интернет-конференций и онлайн трансляции открытых заседаний предлагается критерий «Открытый диалог» оценивать по количеству участников, просмотров и комментариев. Это обусловлено тем, что текущая ситуация не позволяет создать условия для диалога государственного органа и гражданами из-за недоверия к ним последних;

- предлагаем проводить систематический контроль и мониторинг по обратной связи, качеству и своевременному ответу государственных органов. Так, по опыту США можно использовать систему эффективной подготовки ответов на стандартные запросы или часто задающиеся вопросы.

Резюмируя, предлагаем разработать критерии зрелости электронного правительства с учетом опыта Европейской комиссии, которые включает такие показатели, как мобильная дружелюбность, удобство получения государственной услуги, удобство пользования сервисами в трансграничных территориях, электронная уникальная идентификация и принцип одной учетной записи.

Предложенные рекомендации в целом будут способствовать реализации реформ по открытости государственных органов и улучшит взаимодействие с гражданами. Решением также, на наш взгляд, является активная поддержка граждан на пути создания условий для их объединения в различные ассоциации и союзы, в задачи которых будут входить инициация, разработка и активное участие в принятии решений.

Литература

- 1 Peled A. When Transparency and Collaboration Collide: The USA Open Data Program // Journal of the American Society for Information Science and Technology. – 2011. – vol. 62(11). – P. 2085-2094. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/asi.21622>.
- 2 Common Assessment Framework. European Public Administration Network. – 2020. <https://www.eupan.eu/caf/>.
- 3 Centre for Public Impact Building world-beating e-government in South Korea. – 2016. <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/building-a-world-leading-e-government/#nav-1>.
- 4 eGovernment Benchmark of European Commission. – 2017. <https://vrm.lrv.lt/uploads/vrm/documents/files/eGovernmentBenchmark2017BackgroundReport%20Tyrimas-Resultatai.pdf>.

- 5 Thai H., Im H., Kim Y. Pathways to Electronic Citizen Participation: Policy and Technological Arrangements in Korea // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance. – 2019. https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-31816-5_3799-1.pdf.
- 6 Problem and Objective Tree Analysis Research and Policy in Development https://www.measureevaluation.org/resources/training/capacity-building-resources/basic-me-concepts-portuguese/problem_tree.pdf
- 7 Myeong S. E-government to Smart E-governance: Korean Experience and Challenges // Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance. – 2019. http://springer.iq-technikum.de/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-31816-5_3814-1.
- 8 World Bank Group. Bringing Government into the 21st century. The Korean Digital Governance Experience. – 2016. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/934391468011726182/pdf/106581-REVISED.pdf>.
- 9 Методика Операционной оценки взаимодействия государственного органа с физическими и юридическими лицами. Приказ Председателя Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы от 5 марта 2020 года №44. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020188>.
- 10 Официальный сайт Электронного правительства Республики Казахстан eGov.kz Государственные услуги и информация онлайн. https://egov.kz/cms/ru/articles/open_gov.
- 11 Официальный сайт Электронное правительство «Открытый диалог» eGov.kz. <https://dialog.egov.kz/>.
- 12 Пашинян И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – №3(9). – Р. 13-18.
- 13 Частный фонд «Благотворительный фонд Зор Рух». Результаты общественного мониторинга качества оказания государственных услуг. – 2019. <https://finreg.kz/?docid=3539&switch=russian>
- 14 Astana Civil Service Hub Partnership for Excellence. Результат исследований «Совершенствование системы оценки эффективности деятельности административных госслужащих и госорганов». – 2020. – Р. 53-105. https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/3_Rus.pdf.
- 15 Общественный фонд «Центр прикладных исследований Талап». Результат общественного мониторинга оценки качества оказания государственных услуг. Отчет. – 2020. – С. 377-378
- 16 ТОО «Центр исследований, анализ и оценки эффективности». Счетный Комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета «Анализ результатов оценки эффективности деятельности государственных органов за 2019 год в разрезе блоков оценки». – 2020.
- 17 Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года №636 Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000521>.
- 18 Указ Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года №954 «О системе ежегодной эффективности деятельности центральных государственных и местных исполнительных органов областей, городов республиканского значения, столицы». https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100000954_z270.
- 19 Храмцовская Н. Открытое правительство США: основные идеи и практика реализации // Управление государственными информационными системами. – 2012. – С. 316-322. <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/126/126>.
- 20 Яковлева Н.Ф. Социологическое исследование. – М.: Флинта, 2014. – 250 с. <http://www.kspu.ru/upload/documents/2015/10/19/9510fc4ecabf2052ab738becde976ef7/sotsiologicheskoe-issledovanie.pdf>.

References

- 1 Astana Civil Service Hub Partnership for Excellence (2020) Rezul'tat issledovanij «Sovershenstvovanie sistemy ocenki effektivnosti dejatel'nosti administrativnyh gossluzhashhih i gosorganov» [The result of the research “Improving the system for assessing the effectiveness of administrative civil servants and government agencies.], P. 53-105105. https://www.astanacivilservicehub.org/uploads/research_pdf/research%20project/3_Rus.pdf.
- 2 Centre for Public Impact (2016) Building world-beating e-government in South Korea. <https://www.centreforpublicimpact.org/case-study/building-a-world-leading-e-government/#nav-1>.
- 3 Chastnyj fond «Blagotvoritel'nyj fond Zor Ruh» (2019) Rezul'taty obshhestvennogo monitoringa kachestva okazaniya gosudarstvennyh uslug [Results of public monitoring of the quality of the provision of public services]. <https://finreg.kz/?docid=3539&switch=russian>.
- 4 Common Assessment Framework (2020) European Public Administration Network. <https://www.eupan.eu/caf/>.
- 5 eGovernment Benchmark of European Commission (2017) <https://vrm.lrv.lt/uploads/vrm/documents/files/eGovernment-Benchmark2017BackgroundReport%20Tyrimas-Rezultatai.pdf>.
- 6 Hramcovskaja N. (2012) Otkrytoe pravitel'stvo SShA: osnovnye idei i praktika realizacii [US Open Government: Basic Ideas and Implementation Practice]. Upravlenie gosudarstvennymi informacionnymi Sistema, pp. 316-322. <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/126/126>.
- 7 Jakovleva N.F. (2014) Sociologicheskoe issledovanie. M.: Flinta, 250 p. <http://www.kspu.ru/upload/documents/2015/10/19/9510fc4ecabf2052ab738becde976ef7/sotsiologicheskoe-issledovanie.pdf>.
- 8 Metodika Operacionnoj ocenki vzaimodejstviya gosudarstvennogo organa s fizicheskimi i juridicheskimi licami. Prikaz Predsedatelja Agentstva Respubliki Kazahstan po delam gosudarstvennoj sluzhby ot 5 marta 2020 goda №44 [Methodology for the Operational Assessment of the Interaction of a State Body with Individuals and Legal Entities. Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs dated March 5, 2020 No. 44.]. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020188>.

- 9 Myeong S. (2019) E-government to Smart E-governance: Korean Experience and Challenges. *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance*. http://springer.iq-technikum.de/referenceworkentry/10.1007/978-3-319-31816-5_3814-1.
- 10 Obshhestvennyj fond «Centr prikladnyh issledovanij Talap» (2020) Rezul'tatam obshhestvennogo monitoringa ocenki kachestva okazaniya gosudarstvennyh uslug. Otchet [The result of public monitoring of the assessment of the quality of the provision of public services. Report.], pp. 377-378.
- 11 Oficial'nyj sajt Jelektronnoe pravitel'stvo «Otkrytyj dialog» eGov.kz [Official site Electronic government “Open Dialogue” eGov.kz.]. <https://dialog.egov.kz/>.
- 12 Oficial'nyj sajt Jelektronnogo pravitel'stva Respubliki Kazahstan eGov.kz Gosudarstvennye uslugi i informacija onlajn [The official website of the Electronic Government of the Republic of Kazakhstan eGov.kz Government services and information online]. https://egov.kz/cms/ru/articles/open_gov.
- 13 Pashinyan I.A. (2012) Kontent-analiz kak metod issledovanija: dostoinstva i ogranicenija [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. Nauchnaja periodika: problemy i reshenija, №3(9), P. 13-18.
- 14 Peled A. (2011) When Transparency and Collaboration Collide: The USA Open Data Program. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, vol. 62(11), pp. 2085-2094. <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/asi.21622>.
- 15 Problem and Objective Tree Analysis Research and Policy in Development. https://www.measureevaluation.org/resources/training/capacity-building-resources/basic-me-concepts-portuguese/problem_tree.pdf.
- 16 Thai H, Im H., Kim Y. (2019) Pathways to Electronic Citizen Participation: Policy and Technological Arrangements in Korea. *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy and Governance*. https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-31816-5_3799-1.pdf
- 17 TOO «Centr issledovanij, analiz i ocenki jeffektivnosti» (2020) Schetnyj Komitet po kontrolju za ispolneniem respublikanskogo budzheta «Analiz rezul'tatov ocenki jeffektivnosti dejatel'nosti gosudarstvennyh organov za 2019 god v razreze blokov ocenki» [Accounts Committee for Monitoring the Execution of the Republican Budget “Analysis of the results of assessing the effectiveness of the activities of state bodies for 2019 in the context of assessment blocks”].
- 18 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 15 fevralja 2018 goda №636 Nacional'nogo plana razvitiya Respubliki Kazahstan do 2025 goda [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 No. 636 of the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025]. <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/126/126>.
- 19 Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 19 marta 2010 goda №954 «O sisteme ezhegodnoj jeffektivnosti dejatel'nosti central'nyh gosudarstvennyh i mestnyh ispolnitel'nyh organov oblastej, gorodov respublikanskogo znachenija, stolicy» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 19, 2010 No. 954 “On the system of annual efficiency of the central state and local executive bodies of regions, cities of republican significance, the capital”]. <http://ojs.itmo.ru/index.php/IMS/article/view/126/126>.
- 20 World Bank Group (2016) Bringing Government into the 21st century. The Korean Digital Governance Experience. <http://documents1.worldbank.org/curated/en/934391468011726182/pdf/106581-REVISED.pdf>.

МАЗМҰНЫ – CONTENTS – СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мухамедиев Б.М., Темербулатова Ж.С.</i>	
Экономическая трансформация Казахстана за три десятилетия независимости	3
<i>Jamshidi D.</i>	
Islamic banking in Malaysia: from beginning to development phase	15
<i>Абилькаирова Р.А., Журмаганбетова Т.Д., Сыздыкова Г.А.</i>	
Сущность финансового оздоровления компаний в условиях современной казахстанской экономики	22
<i>Zhidebekkyzy A., Mir Zada I.</i>	
State support for entrepreneurship development: a cross-country comparative analysis	32
<i>Akanbi B.E., Oyetunde P.L.</i>	
Activities of Osun Waste Management Agency on Job Creation	43
<i>Abraliyev O.</i>	
Analysing the current strategic position of the agricultural market of Kazakhstan.....	52
<i>Баксултанов Д.Е., Курманов Н.А., Сырлыбаева Н.Ш.</i>	
Вопросы формирования и развития национальной инновационной системы Казахстана	60
<i>Syzdykova A.O., Azretbergenova G.Zh.</i>	
Analysis of the relationship between foreign direct investment and economic growth in Kazakhstan	72
<i>Мищенко И.В., Мищенко В.В., Бианчи И.С.</i>	
Переход на экономику знаний и высоких технологий в условиях пандемии: опыт России	85
<i>Исмаилова Р., Баймұханов Т., Салманова Р.</i>	
Открытое правительство как основное направление оценки эффективности взаимодействия государственного органа с гражданами	94